

ISSN 2411-1899

ЕВРАЗИЙСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

ЭФФЕКТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

X Международная научная конференция

ОКТАБРЬ
2015
ЧАСТЬ 2

МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аблаев И.М.

Модель государственного регулирования
развития инновационных кластеров в
региональной экономике России 85

Андруник А.П.

Математическое обоснование критериев и
показателей оценки формирования и развития
компетенций персонала 2С-систем 88

Арсиебекова Ю.А.

Оценка эффективности труда работника.
Некоторые коэффициенты оценки труда 93

Байзаков Д.Б.

Теневая экономика и коррупция -
существующая взаимосвязь 95

Гендон А.Л.

Стратегическое управление в горно-химических
компаниях России 99

Даитов В.В.

Экологический менеджмент в контексте
устойчивого развития гостиничного бизнеса . . .
. 101

Десятниченко Д.Ю., Десятниченко О.Ю.

Опыт, проблемы и перспективы модернизации
экономики России 103

Джафарова З.К.

Правоохранительные органы в сфере
налогового контроля 107

Дмитриева С.А.

О необходимости разработки методологии
взаимодействия с заинтересованными
сторонами (стейкхолдерами) при организации
деятельности корпорации 110

Егорова А.Ю.

Оценка эффективности хозяйственной
деятельности предприятия, использующего
интернет технологии 111

Завгородняя В.В.

Методологические подходы к определению
стабильности финансовой системы 115

Зуб А.Т.

Проблемы антикризисного управления:
поведенческие аспекты 117

Линкевич В.П.

Торговые отношения стран БРИКС и
возможности расширения взаимных торговых
связей 120

Мажукина Е.С.

Изменение внешнеторговой деятельности
России под влиянием международных санкций .
. 123

Шевелева В.В.

Влияние регионального маркетинга и логистики
на инвестиционную привлекательность региона
. 126

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Сафин И.Р.

Разработка нетрадиционных видов
углеводородов в АНДР: задачи правового
регулирувания 128

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Скачков А.С.

Нелинейность знания и возможности рода
людей 131

Стамова Р.Д., Иманбаева Д.К.

Причины и особенности смены
цивилизационной парадигмы права на примере
Казахстана и Кыргызстана 133

Шиповская Л.П.

Симулякр. Совесть и очевидность как
неустраняемые элементы бытия человека –
действующее небытие 135

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Генералов В.А.

Анализ диадических отношений в структуре
английских составных технических терминов . .
. 138

Панькова С.Г., Макарова Р.П.

Проблема формирования двуязычной личности
в Республике Саха (Якутия) 140

Семенов А.И.

Сравнительно-историческая фонетическая
транскрипция и многоуровневая фонология . . .
. 141

Соколянская Н.Н.

Региональная лексика Крайнего Северо-
Востока России 143

Соколянский А.А., Магерарова Ю.Ю.

Старожильческие говоры Крайнего Северо-
Востока России в фонологическом аспекте . . 146

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**Ноженкина О.С.**

Соответствие уровней профессиональной рефлексии и компонентов профессиональной деформации личности в ракурсе изучения профессиональных ценностей педагога 150

Шевченко Л.А.

Совесть как важный фактор нравственной саморегуляции личности 152

Дмитриева Л.Г., Гумеров Д.В.

Сравнительный анализ социально-психологических детерминант карьерных ориентаций государственных служащих в кросс-культурных исследованиях 155

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ**Абдуллаева Э.Б.**

Творческие поиски композиторов Дагестана на рубеже XX – XXI веков 158

Дагддиян Қ.Т.

Общие образовательные подходы и принципы обучения методам стилизации в изобразительном искусстве 160

КУЛЬТУРОЛОГИЯ**Русанов В.А.**

Культура и политика в полиэтничном социуме 163

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Модель государственного регулирования развития инновационных кластеров в региональной экономике России

Аблаев Ильдар Мансурович, доктор экономических наук, профессор
Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань)

В условиях сохранения экономической стагнации, роста цен и снижения объемов промышленного производства в экономике России (в 2015г. на 4,7%). Особое значение приобретает поиск возможностей активации экономического роста, прежде всего в регионах донорах российского бюджета.

В этом отношении представляет интерес модель управления рисками проектов государственного регулирования развития инновационных кластеров. Она должна учитывать различные факторы, базовым из которых, при прочих равных условиях, является проекты на муниципальном уровне управления во взаимодействии с частным капиталом. Классическое представление о классификации проектов партнерства государства и частного бизнеса выделяет две группы проектов:

- проекты государственного регулирования развития инновационных кластеров, реализуемые на региональном и федеральном уровне (имеют трансмуниципальный характер);

- проекты муниципально-частного партнерства, реализуемые в рамках муниципальных образований (частный случай государственного регулирования развития инновационных кластеров).

Проекты государственного регулирования развития инновационных кластеров носят общий характер, в их структуре все проекты подразделяются на инициативные

бизнес-проекты, комплексные инвестиционные планы/программы и инфраструктурные проекты. Базовое определение типа проекта, а также модели и формы его реализации закладывают ограничительные условия на осуществление управленческих действий по проекту в период его создания и функционирования. Принимая во внимание, что данные параметры уже заложены как исходные условия, модель управления рисками проектов государственного регулирования развития инновационных кластеров включает 10 организационных блоков:

1. блок сбора информации;
2. блок анализа информации;
3. блок целеполагания;
4. блок стратегических ориентиров;
5. блок методов и инструментов;
6. блок управления событиями и процессами;
7. блок идентификации и оценки рисков;
8. блок показателей риск-эффективности;
9. блок оценки эффективности;
10. блок мониторинга и контроля.

Функционирование каждого организационного блока основано на принципе взаимозависимости и взаимообусловленности. Общая схема модели управления рисками проектов государственно-частного партнерства представлена на рисунке 1.

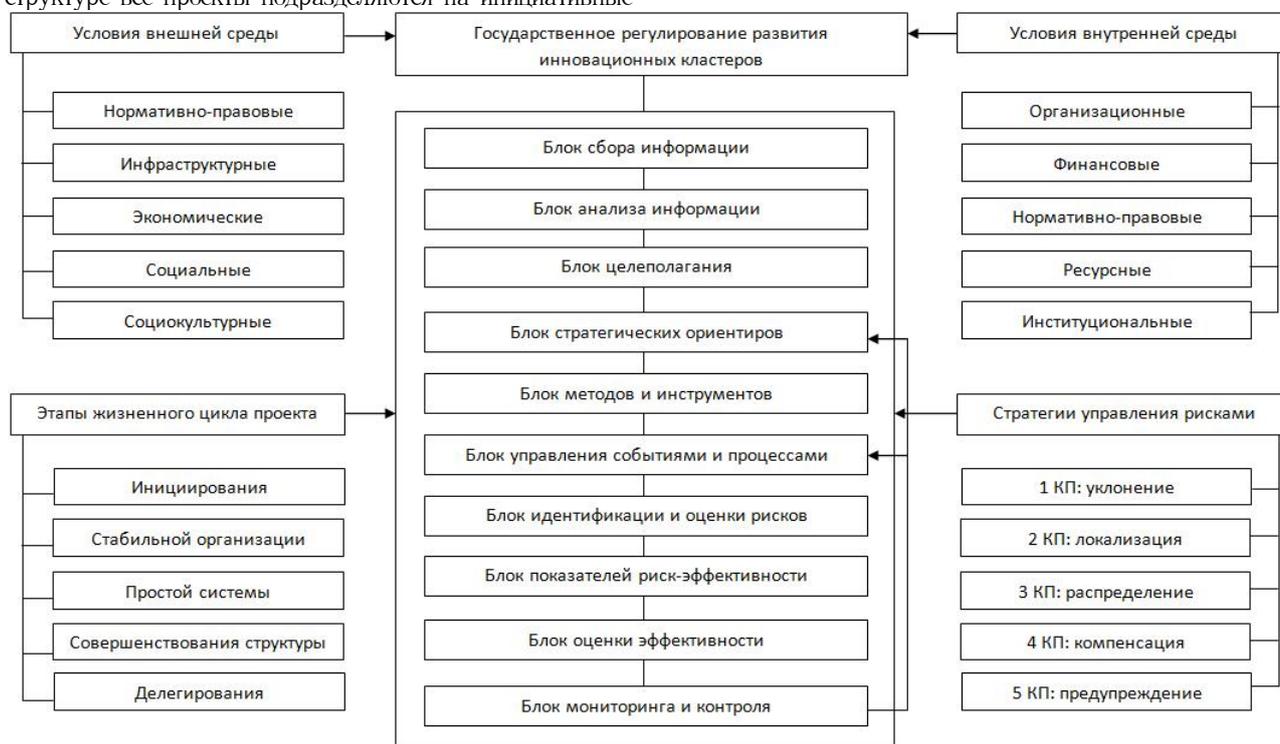

Рис. 1. Модель «Государственное регулирование развития инновационных кластеров»

Модель управления рисками проектов описывает процесс, идентификации наиболее существенных рисков и механизмов реагирования на них с упреждением на основе модифицированной матрицы рисков, не ожидая, пока риск-событие реализуется. Использование модели управления рисками с набором инструментов и методов воздействия на риски, позволяет использовать интегрированный подход к управлению всем проектом в целом.

Рассмотрим направление выбора путей рациональной реализации проектов. Эффективная реализация проектов государственного регулирования развития инновационных кластеров в не зависимости от масштабов и видов деятельности основывается на оптимальном подходе к выбору данных проектов из совокупности портфеля проектов для реализации, а также подбора и определения наиболее рациональных мест их приложения.

Данный подход к процедуре отбора проектов государственного регулирования развития инновационных кластеров носит характер адаптивного в виду того, что он охватывает различные направления процедуры и объединяет их в единый универсальный комплекс.

К адаптивным системам управления можно отнести совокупность методов, позволяющих генерировать новые системы управления, которые позволяют изменять параметры субъекта управления и его структуру в зависимости от изменения параметров объекта управления, возникновения экзогенных факторов.

Аналогичные принципы управления были изложены в работе «Проектирование систем адаптивного управления производством» Сурихина В.И., Забродского В.А., Копейченко Ю.В. Целевой характер адаптивного управления позволяет выявить основные параметры риск-менеджмента в данном контексте формирования процедуры отбора проектов: прогнозно-аналитический характер; превалирование стратегических функций; экономико-математическое моделирование; вариантность; вероятность [4, с. 176-180]. Параметры риск-менеджмента в адаптивной системе управления не отличаются от классических параметров, затрагивают основные направления разработки риск-профиля проекта.

Основой для разработки риск-профиля проекта, в том числе проектов государственного регулирования развития инновационных кластеров, преимущественно являются методы и инструменты экономико-математического моделирования, поскольку качественные методы не могут в полной мере оценить риски реализации проектов с соответствующей точностью и надежностью. Адекватная оценка рисков проектов позволяет определить проекты с изначально неэффективные, несущие в себя потенциальные риски для других участников инфраструктуры. Такие проекты не выполняют возложенные на них задачи, а также не позволяют получить как коммерческие, так и социальные эффекты при их использовании. Использование адаптивной системы преобразует классическое экономико-математическое моделирование в агент-ориентированное моделирование [2, с. 26-73].

Принципиальной особенностью данного моделирования является восприятие системы как набора автономных агентов, принимающих самостоятельные, независимые решения. Основываясь на описанных принципах построения адаптивных систем управления и положениях агент-ориентированного моделирования, был сформирован адаптивный универсальный подход к процедуре отбора проектов государственного регулирования развития инно-

вационных кластеров, учитывающий многоуровневость данной процедуры, характерные для нее различные региональные аспекты реализации проектов. Схематично данный подход представлен на рисунке 2.

Каждое направление оценивается и анализируется на первом этапе отдельно друг от друга, только после проведения полного анализа, в рамках второго этапа, данные направления оцениваются в комплексе.

Обособленно выделяется направление оценки инфраструктурного и мультипликативного эффектов, отражающее воздействие реализации проекта на другие отрасли экономики, сферы социальной деятельности как в данной регионе, так и сопредельных.

Адаптивный подход к процедуре отбора проектов государственного регулирования развития инновационных кластеров основывается на формировании панели индикаторов и расчета интегрального показателя, по которому осуществляется ранжирование как самих проектов, так и мест их приложения с точки зрения территориального и отраслевого аспектов.

Каждое направление оценивается и анализируется на первом этапе отдельно друг от друга, только после проведения полного анализа, в рамках второго этапа, данные направления оцениваются в комплексе.

Обособленно выделяется направление оценки инфраструктурного и мультипликативного эффектов, отражающее воздействие реализации проекта на другие отрасли экономики, сферы социальной деятельности как в данной регионе, так и сопредельных.

Адаптивный подход к процедуре отбора проектов государственного регулирования развития инновационных кластеров основывается на формировании панели индикаторов и расчета интегрального показателя, по которому осуществляется ранжирование как самих проектов, так и мест их приложения с точки зрения территориального и отраслевого аспектов.

В данном случае роль инфраструктурного эффекта заключается в определении уровня изменения состояния инфраструктуры в непосредственном месте реализации проекта, его влияния на другие сферы деятельности и хозяйствования. В соответствии с этим можно дать определение понятия «инфраструктурный эффект». Инфраструктурный эффект — это эффект, выражающийся в изменении состояния инфраструктуры в регионе, при котором создается больший экономический или коммерческий эффект при реализации проектов в комплексе, чем от создания проектов, не направленных на общие мультипликативные результаты деятельности. Экономическая природа инфраструктурного эффекта сходна природе мультипликативного эффекта, однако инфраструктурный эффект в отличие от второго затрагивает лишь отдельные области реализации проектов государственного регулирования развития инновационных кластеров и представляет собой частные экстерналии осуществления проектов.

Для формирования панели индикаторов целесообразно использовать показатели, которые в достаточной степени отражают условия реализации проектов. Учитываются различные факторы, которые могут оказать значительное влияние на итоговый расчет интегрального показателя. Для расчета интегрального показателя необходимо провести ряд предварительных расчетов и действий:

1. Определение уровня проведения оценки.
2. Формирование панели индикаторов.
3. Расчет нормированных коэффициентов.

- 4. Итоговый расчет интегрального показателя.
- 5. Ранжирование результатов уровня оценки.

- 6. Ранжирование результатов всех уровней (построение многоугольника рангов).

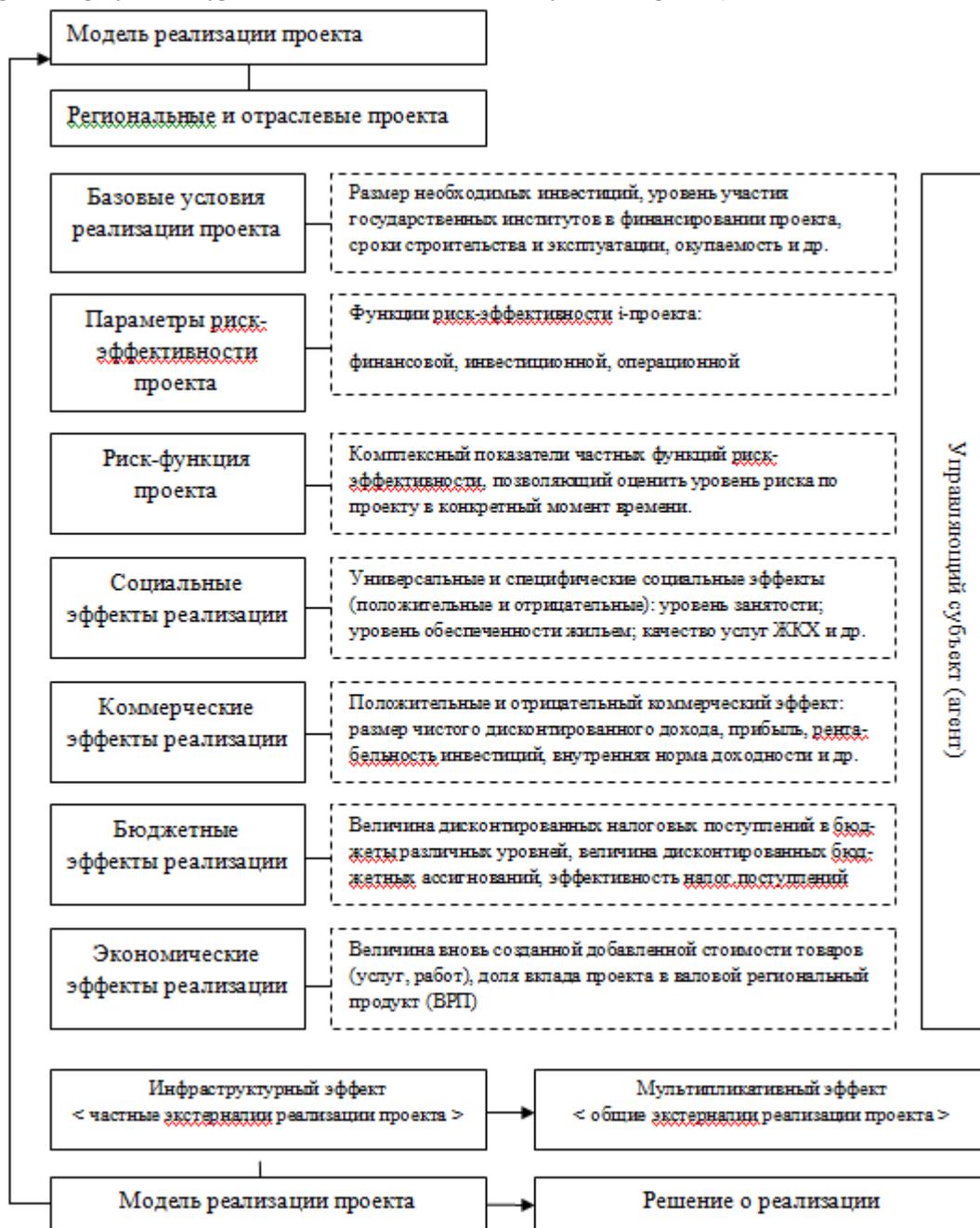

Рис.2. Адаптивный универсальный подход к процедуре отбора проектов государственного регулирования развития инновационных кластеров с элементами риск-менеджмента

Для проведения третьего и четвертого этапов необходимо руководствоваться следующими функциями:

во-первых, расчет нормированных коэффициентов для каждого показателя в панели индикаторов:

$$N_i = \frac{1}{\max_i - \min_i} \quad (1)$$

где: N_i – нормированный коэффициент i-индикатора, \max_i – максимальное значение i-индикатора, \min_i – минимальное значение i-индикатора.

во-вторых, расчет интегрального показателя в целом по выбранному уровню:

$$M_j = \sum_{i=1}^n F_i \times N_i \quad (2)$$

где: M_j – интегральный показатель j-уровня оценки, F_i

– фактическое значение i-индикатора, N_i – нормированный коэффициент i-индикатора.

Описанный подход к расчету позволяет построить независимую оценку показателей, с той точки зрения, что показателям не устанавливаются весовые коэффициенты, каждый показатель оценивается отдельно от других, при этом интегральный показатель учитывает в равной степени изменение каждого из них. В качестве апробации описанного подхода для примера проведения расчетов можно рассмотреть один уровень – региональные условия для реализации проектов инновационных кластеров. Для формирования панели индикаторов были выбраны финансовые коэффициенты, характеризующие условия ведения хозяйствования по инновационным кластерам. Отбор финансовых коэффициентов и финансовых показателей строится в несколько этапов. Гипотеза выбора репрезентатив-

ных индикаторов строилась на проверки перекрестного влияния каждого из них (множественной корреляции) с уровня зависимости не более 85%. На основании данной гипотезы были выбраны 10 показателей по каждому инновационному кластеру Российской Федерации, составленные на основе консолидации отчетных данных предприятий и организаций по всем видам экономической деятельности (ОКВЭД) за 2012 г.:

- Рентабельность продаж, %
- Рентабельность собственного капитала, %
- Соотношение заемного и собственного капитала, раз
- Обеспеченность собственными оборотными средствами, %
- Фондоотдача (оборачиваемость основных средств), раз
- Удельный вес собственного капитала в совокупном капитале (коэффициент автономии), раз
- Текущая ликвидность (общее покрытие), раз
- Быстрая ликвидность (промежуточное покрытие), раз
- Абсолютная (немедленная, мгновенная) ликвидность, раз
- Оборачиваемость активов, раз

Проверка данных значений по условиям гипотезы не устранила ни одного показателя из выбранных. Результаты множественной корреляции показали, что ряд показателей находятся в обратной зависимости. Обратная зави-

симость объясняется отличиями в расчетах коэффициентов и использовании различных данных. Однако, по полученным результатам множественной корреляции обратная зависимость невелика и не превышает 20%. Использование полученных нормированных коэффициентов и имеющихся фактических данных, позволяет рассчитать игральный показатель. Результаты расчетов интегрального показателя с ранжированием приведены в таблице 2.3 по убыванию данного показателя, где:

- К1 – Рентабельность продаж, %
- К2 – Рентабельность собственного капитала, %
- К3 – Соотношение собственного и заемного капитала, раз
- К4 – Обеспеченность собственными оборотными средствами, %
- К5 – Фондоотдача (оборачиваемость основных средств), раз
- К6 – Удельный вес собственного капитала в совокупном капитале (коэффициент автономии), раз
- К7 – Текущая ликвидность (общее покрытие), раз
- К8 – Быстрая ликвидность (промежуточное покрытие), раз
- К9 – Абсолютная (немедленная, мгновенная) ликвидность, раз
- К10 – Оборачиваемость активов, раз

Таблица 1. Множественная корреляция финансовых коэффициентов по инновационным кластерам Российской Федерации за 2012 г.

	К1	К2	К3	К4	К5	К6	К7	К8	К9	К10
К1	1,00									
К2	0,728	1,00								
К3	0,303	0,009	1,00							
К4	0,144	0,153	0,341	1,00						
К5	-0,194	-0,30	-0,036	0,556	1,00					
К6	0,298	-0,50	0,846	0,512	0,171	1,00				
К7	0,318	0,146	0,572	0,355	-0,025	0,435	1,00			
К8	0,347	0,174	0,654	0,229	-0,164	0,451	0,829	1,00		
К9	0,355	0,179	0,732	0,548	0,183	0,667	0,614	0,681	1,00	
К10	-0,141	-0,015	-0,034	0,453	0,807	0,165	-0,057	-0,201	0,057	1,00

Литература:

1. Cluster Approach Evaluation Final Draft: Final report. OCHA Evaluation and Studies Section (ESS). November, 2007, 92 p.
2. Pushnoi, G. S., Bonser G. L. (2008). Method of Systems Potential as «Top-Bottom» Technique of the Complex Adaptive Systems Modelling// Intelligent Complex Adaptive Systems Ang Yang & Yin Shan (eds.), Hershey-London: IGI-Publishing, 380 p.
3. Thomas M. Cooney. Entrepreneurship Skills for Growth-Orientated Businesses: Report for the Workshop on 'Skills Development for SMEs and Entrepreneurship', Copenhagen, 2012.
4. Попов Р.А. Антикризисное управление: учебное издание. М.: Высш.шк., 2005, 429 с.

Математическое обоснование критериев и показателей оценки формирования и развития компетенций персонала 2С-систем

Андруник Андрей Петрович, доктор педагогических наук, профессор
Пермский национально-исследовательский политехнический университет

Методология диагностики компетенций персонала выполняет целевую функцию стратегического компетентностного планирования по ключевым группам инновационного резерва персонала предприятия, включая разработку модели компетенций, оценку сотрудника на предмет соответствия компетентностной модели и разработку программы личностного развития сотрудника. Однако исследование практики деятельности рос-

сийских и зарубежных консалтинговых агентств, оказывающих услуги по оценке персонала на соответствие стратегическим моделям компетенций, показывает, что в современных условиях не только не раскрываются особенности использования методик диагностики указанных компетенций, но и отсутствует их обоснование (социальное, экономическое, математическое), что затрудняет применение диагностических методик на практике. Поэтому главная исследовательская задача данной работы – формулирование математического обоснования методики диагностики профессионально-личностных, квалификационных и поведенческих компетенций персонала.

Ключевые слова: 2С-система; компетентность, компетенция; ключевые компетенции; кластер компетенции; уровень компетенции; индикатор поведения; диагностика персонала; 3D-модель поведения персонала; математическое обоснование методики диагностики.

Методология диагностики компетенций персонала выполняет целевую функцию стратегического компетентностного планирования по ключевым группам инновационного резерва персонала предприятия, включая разработку модели компетенций, оценку сотрудника на предмет соответствия компетентностной модели и разработку программы личного развития сотрудника.

Исследования, проводимые в разных странах, выявили прямую связь между уровнем человеческого капитала и инновационной эффективностью компании, что может выражаться в количестве полученных патентов, создании новых компетенций, внедрении новых практик в управление и производство.

Так, с начала 90-х годов XX века развиваются концепции построения инновационных организаций, адаптивных к изменениям во внешней среде, с эффективной и гибкой системой мотивации, характеризующихся эффективным лидерством и коллективной ответственностью, развитием персонала и закреплением норм и правил поведения в культуре фирмы. Широкое распространение получили новые концепции построения системы управления предприятием (организация с внутренним предпринимательством Х. Виссема, обучающаяся организация П. Сенге, плоские организации). Рабочей группой Пермского национального исследовательского политехнического университета развивается теория и практика построения саморазвивающихся, самоорганизующихся систем (далее - 2С-систем) [8].

Становится очевидной необходимость формирования методики диагностики персонала на соответствие стратегическим моделям компетенций, включающего в себя и теоретико-методологические и практические вопросы диагностики [6].

Поэтому *главная исследовательская задача* в данной работе - формирование и математическое обоснование методики диагностики компетенций персонала 2С-систем.

Традиционно количественные и качественные характеристики человеческих ресурсов формализуются в виде структур, отражающих соотношения этих характеристик различных групп работников в организации. Это означает, что изменения в наборе и характере компетенций являются одним из ключевых аспектов изменения квалификационной структуры персонала, а структуризация его характеристик позволяет разработать перспективную модель ключевых компетенций, необходимых для качественного выполнения определённых функциональных обязанностей в соответствии с поставленными стратегическими целями и инновационными задачами.

Развивая основные положения «Менеджмент 2.0» - менеджмента «очеловечивания организации», применительно к сформулированной выше исследовательской задаче, следует учесть, что универсальные принципы классического управления, сформулированные ведущими теоретиками менеджмента Р. Уотерменом, Т. Питерсом, И. Ансоффом, П. Друкером, М. Хильбом, Ф. Хайзе и другими американскими и европейскими учеными, когда главными факторами успеха являлись финансовые и производственные возможности компании, достаточно неплохо зарекомендовали себя в ресурсной экономике. Однако в качестве основных методов управленческого воздействия на человека применялись административные и экономические инструменты, относящиеся к внешним мотивационным факторам. Сегодня известно, что их применение имеет кратковременный или даже противоположный ожидаемому результат, т.к. возможность «иррационального» поведения человека, определяемого внутренними стимулами, не учитывается. Поэтому метод управления человеком в организации - управление поведением, - как представляется, должен учитывать и внешнюю, и внутреннюю мотивацию личности работника [5].

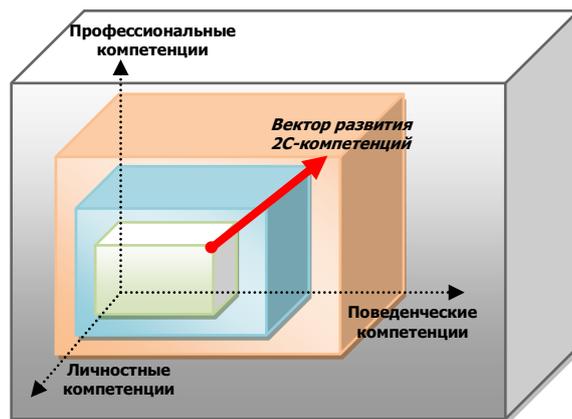

Рис. 1. Вектор развития 2С-компетенций

Другими словами, при разработке и обосновании методики диагностики компетенций персонала саморазвивающихся, самоорганизующихся систем (далее – 2С-компетенции) должны учитываться не только компетенции профессиональ-

но-личностного и квалификационного, но и поведенческого характера. Это, в свою очередь, означает, что для обеспечения целостной оценки 2С-компетенций необходимо не суммировать результаты их достижений, а выявлять *зависимости* между компетенциями и отдельными компонентами этих компетенций. Только в этом случае становится возможным объективно оценивать результаты трудового поведения и активности персонала и выдавать адекватное заключение о соответствии работника занимаемой должности и о возможности (или невозможности) его саморазвития.

Поскольку диагностирование поведения персонала 2С-систем должно производиться по трем основным направлениям: профессиональному, личностному и поведенческому, то при формировании модели диагностики и развития 2С-компетенций, как представляется, целесообразно построить *трёхмерную модель* поведения персонала в организации [7].

Представляется, что базовая модель (матрица) 2С-компетенций должна содержать перечень основных элементов 2С-системы с заданными кластерами компетенций для данной области деятельности и соответствующими им индикаторами поведения. Компетенции и индикаторы поведения матрицы выявлены на основе интервью с экспертами ведущих компаний и соотнесены с перечнями, словарями и кластерами компетенций, используемых в практике российских компаний, европейских институтов и исследовательских центров по проблематике управления инновационными компетенциями персонала.

Таким образом, по трем группам направлениям компетенций (профессиональные, личностные и поведенческие) было сформулировано более 20 показателей и 70 индикаторов динамики их изменения [2], что делает возможным объективную оценку уровня развития 2С-компетенций и преобразовать их качественное состояние в количественное выражение (табл. 1).

Применение разработанной модели 2С-компетенций позволяет достаточно объективно оценить уровень подготовки специалистов к выполнению задач по профессиональному предназначению в 2С-системах, сравнить результаты, получаемые в ходе диагностики уровня развития персонала в различные периоды, оценить эффективность управления персоналом 2С-систем, а также определить направления деятельности руководителей для составления программ личностного роста дальнейшего профессионального развития персонала [4].

Таблица 1. Матрица 2С-компетенций (фрагмент)

№ п/п	Кластер компетенции	Компетенции		Индикатор поведения
1	Единство целей и интересов индивидуумов, групп, организаций	личностные	Способность принять корпоративные цели и ценности	- разделяет правила и принципы работы организации; - не испытывает внутреннего дискомфорта, следуя ценностям организации; - принимает решения с учетом интересов организации
		профессиональные
.....				
7	Проявление инициативы и достижение максимального результата	личностные	Способность организовывать коллег на решение поставленной задачи	- выбирает наиболее эффективные действия с целью организации коллег на выполнение поставленных задач; - умеет различать важные и срочные дела; - анализирует риски и предлагает несколько вариантов решения поставленной задачи
		поведенческие

Применение разработанной модели 2С-компетенций позволяет достаточно объективно оценить уровень подготовки специалистов к выполнению задач по профессиональному предназначению в 2С-системах, сравнить результаты, получаемые в ходе диагностики уровня развития персонала в различные периоды, оценить эффективность управления персоналом 2С-систем, а также определить направления деятельности руководителей для составления программ личностного роста дальнейшего профессионального развития персонала [4].

Вместе с тем предлагаемая система критериев, показателей и признаков оценки развития 2С-компетенций, охватывая многие стороны процесса управления самоорганизацией и саморазвитием персонала, может обусловить некоторую сложность в ее объективной оценке.

Математическое обоснование методики диагностики 2С-компетенций:

1. Определяем уровни развития j – x индикаторов q – x компетенций различной направленности: профессиональной, личностной, поведенческой:

$Z_{клиqj}$ - уровень развития j – го индикатора q – й профессиональной компетенции i – го кластера компетенций;

$X_{клиqj}$ - уровень развития j – го индикатора q – й личностной компетенции i – го кластера компетенций;

$Y_{клиqj}$ - уровень развития j – го индикатора q – й поведенческой компетенции i – го кластера компетенций;

2. Определяем уровни развития q – x оцениваемых компетенций по трем основным направлениям: профессио-

нальному, личностному и поведенческому:

$$Z_{клиq} = \frac{\sum_{j=1}^n Z_{клиqj}}{n}, (i = \overline{1, m}; q = \overline{1, k});$$

$$X_{клиq} = \frac{\sum_{j=1}^n X_{клиqj}}{n}, (i = \overline{1, m}; q = \overline{1, k});$$

$$Y_{клиq} = \frac{\sum_{j=1}^n Y_{клиqj}}{n}, (i = \overline{1, m}; q = \overline{1, k}),$$

где:

$Z_{клиq}$ - уровень q – й профессиональной компетенции i – го кластера компетенций;

$X_{клиq}$ - уровень q – й личностной компетенции i – го кластера компетенций;

$Y_{клиq}$ - уровень q – й поведенческой компетенции i – го кластера компетенций.

3. Определяем уровни профессиональной, поведенческой и личностной компетенций в i – м кластере:

$$Z_{кли} = \frac{\sum_{q=1}^k Z_{клиq}}{k}; (i = \overline{1, m}),$$

$$X_{кли} = \frac{\sum_{q=1}^k X_{клиq}}{k}; (i = \overline{1, m}),$$

$$Y_{кли} = \frac{\sum_{q=1}^k Y_{клиq}}{k}; (i = \overline{1, m}),$$

где:

$Z_{кли}$ - уровень профессиональной компетенции i – го кластера компетенций;

$Y_{кли}$ - уровень поведенческой компетенции i – го кластера компетенций;

$X_{кли}$ - уровень личностной компетенции i – го кластера компетенций.

4. Определяем интегральные уровни профессиональной, личностной и поведенческой компетенции.

В силу различной значимости кластеров компетенций необходимо учесть значимость i – го кластера δ_i (статусы).

Эта проблема решена на основе процедуры экспертной оценки значимости каждого из кластеров, в результате которой были установлены следующие статусы:

Кластер	Характеристика	Статус
1	Единство целей и интересов индивидуумов, групп, организаций	0,16
2	Принятие на себя ответственности, самоконтроль	0,18
3	Многоуровневое лидерство, командная работа, синергетика, вовлеченность	0,16
4	Внутренняя долгосрочная мотивация и ее напряженность	0,14
5	Децентрализация и внутреннее предпринимательство	0,13
6	Самообучение, накопление и обмен знаниями	0,11
7	Проявление инициативы и достижение максимального результата.	0,12

С учетом сказанного

$$Z = \frac{\sum_{i=1}^m \delta_i Z_{клиi}}{m} \text{ или } Z = \frac{\sum_{i=1}^m \sum_{q=1}^k \sum_{j=1}^n \delta_i Z_{jq i}}{mkn},$$

где Z - интегральный уровень профессиональной компетенции;

$$X = \frac{\sum_{i=1}^m \delta_i X_{клиi}}{m} \text{ или } X = \frac{\sum_{i=1}^m \sum_{q=1}^k \sum_{j=1}^n \delta_i X_{jq i}}{mkn},$$

где X – интегральный уровень личностной компетенции;

$$Y = \frac{\sum_{i=1}^m \delta_i Y_{клиi}}{m} \text{ или } Y = \frac{\sum_{i=1}^m \sum_{q=1}^k \sum_{j=1}^n \delta_i Y_{jq i}}{mkn},$$

где Y - интегральный уровень поведенческой компетенции.

5. Интегральный вектор уровня развития 2С-компетенций определяется компонентами вектора (интегральными уровнями личностной, поведенческой и профессиональной компетенциями) X, Y, Z и имеет вид:

$$K = (X, Y, Z),$$

где K - интегральный вектор уровня развития 2С-компетенций.

Для количественного выражения интегрального вектора уровня развития 2С-компетенций используем формулу:

$$|K| = \sqrt{X^2 + Y^2 + Z^2},$$

или:

$$|K| = \sqrt{\left(\frac{\sum_{i=1}^m \sum_{q=1}^k \sum_{j=1}^n \delta_i Z_{jq i}}{mkn}\right)^2 + \left(\frac{\sum_{i=1}^m \sum_{q=1}^k \sum_{j=1}^n \delta_i X_{jq i}}{mkn}\right)^2 + \left(\frac{\sum_{i=1}^m \sum_{q=1}^k \sum_{j=1}^n \delta_i Y_{jq i}}{mkn}\right)^2}.$$

Геометрическая интерпретация интегрального вектора уровня развития 2С-компетенций представлена на рис. 2.

2С-компетенций

Количественные значения, отражающие уровень развития оцениваемого индикатора поведения, выражены по четырех бальной шкале: «5» - качество имеет высокий уровень развития или постоянно проявляется в деятельности объекта; «4» - качество получило достаточное развитие и проявляется с отдельными незначительными отклонениями; «3» - качество не получило достаточного развития и проявляется эпизодично или со значительными отклонениями от существующих требований; «2» - качество не сформировалось или не проявляется в повседневной деятельности.

Выполнение перечисленных математических операций с каждым из семи кластеров компетенций дает интегральную оценку уровня развития 2С-компетенций.

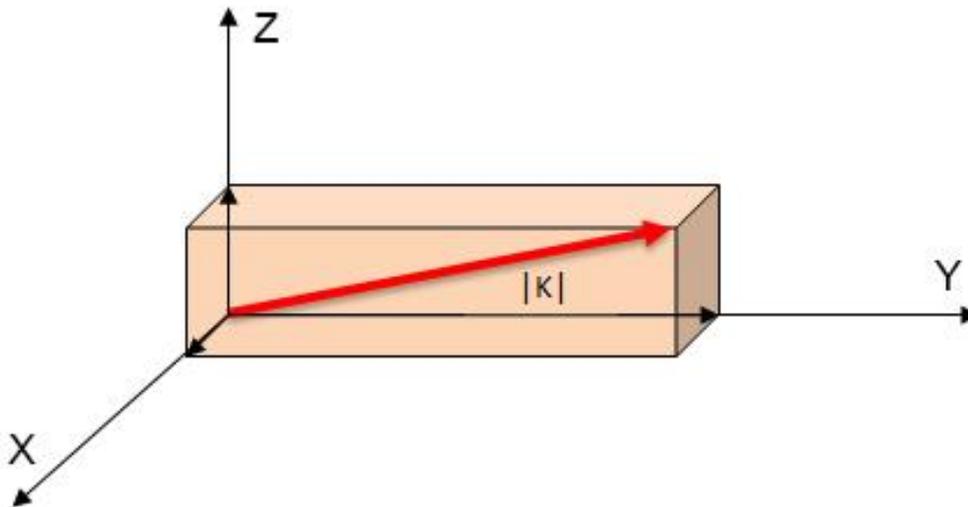

Рис. 2. Интерпретация интегрального вектора уровня развития

Теоретический анализ результатов реализации вариантов данной методики свидетельствует о том, что числовые выражения уровня развития 2С-компетенций могут варьироваться в диапазоне от 0,28 (оценки по всем критериям и индикаторам поведения минимальные, т.е. «2») до 1,0 (оценки – максимальные, т.е. «5»). Следовательно, возникает необходимость окончательной интерпретации полученных числовых значений, обеспечивающей объективность и предохраняющей систему критериев, показателей и признаков в целом от «забвения» отдельных числовых значений. Это и есть окончательное выражение уровня развития 2С-компетенций:

U_{2Ckl} = от 0,28 до 0,51 (**Низкий** уровень развития 2С-компетенций);

U_{2Ckl} = от 0,52 до 0,75 (**Средний** уровень развития 2С-компетенций);

U_{2Ckl} = от 0,76 до 1,0 (**Высокий** уровень развития 2С-компетенций).

Таким образом, функция каждого уровня заключается в организации, синтезе и прямом закономерном влиянии друг на друга: *на базе ситуативного поведения формируются стойкие стереотипы, которые, в свою очередь, перерастают в доминанты саморазвития персонала и в устойчивую поведенческую реакцию* [1]. Следует отметить, что при выявлении уровня компетенции, связанного с саморазвитием, необходимо использовать направления, обусловленные надситуативной активностью субъектов, участвующих в процессе формирования компетенций. Для этого необходимо описать диагностическую «линию-образец» (на рис. 2 – вектор развития 2С-компетенций), которая будет согласовываться с принципами построения 2С-систем, позволяющими определить устойчивость (неустойчивость) определенных поведенческих характеристик, возможность предсказуемости поведения персонала в определенных (нормальных/стрессовых) ситуациях, формировать картину профессионального поведения, а также прогнозировать возможное субъективное развитие в конкретной профессии.

Литература:

- Андруник А.П. Типологические модели идентификационного поведения персонала инновационных предприятий // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 3; URL: www.science-education.ru/103-6138
- Андруник А.П., Косякин С.И., Бухвалов Н.Ю. Автоматизация процесса диагностики компетенций персонала саморазвивающихся, самоорганизующихся систем. Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 3; URL: <http://www.science-education.ru/117-13384>
- Козлов В.В. Методика организации экспертизы учебных дисциплин // Актуальные проблемы экономики и управления в современном обществе: матер. ежегод. всеросс. с междунар. участием науч.-практ. конф., Пермь, 17 нояб. 2011. Пермь: АНО ВПО «Пермский институт экономики и финансов», 2011. С. 7-11.
- Комаров С.В., Кордон С.И. Основы методологии: системоделятельный подход. Категории. Пермь, Изд-во Перм.гос.ун-та, 2005.
- Попов В.Л. Методы управления инновационными изменениями на предприятиях / В.Л. Попов, Ю.Е. Солодяшкина. – Пермь: Изд-во ПГТУ, 2010.
- Эсаулова И.А. Внутрифирменные рынки труда в современных организациях: монография / И.А. Эсаулова. – Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2009.
- Andrey Andrunik –Vadim Cherdantsev. 3D-model of personnel innovative competences of self-developng, self-organizing systems // International conference «Innovation management and company sustainability».- Vysokb lkola ekonomickb v Praze, nakladatelstvн oeconomica – Praha, 2014.
- Molodchik A., Andrunik A. Employee Behaviour Management in 2S-Systems: Modern Imperatives// World applied sciences journal. - Volume 23 number 5, 2013/ [http://www.idosi.org/wasj/wasj23\(5\)2013.htm](http://www.idosi.org/wasj/wasj23(5)2013.htm)

Оценка эффективности труда работника. Некоторые коэффициенты оценки труда

Арсибекова Юлия Андреевна, студент
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Arsibekova U.A., student
St. Petersburg State University of Economics

Труд — это один из наиболее важных факторов производства. Поэтому его оценка имеет большое значение. Сейчас деятельность работника расширилась свои границы. Теперь персонал является нераздельным участником процесса, от которого зависит дальнейшая судьба продукта, фирмы и экономики в целом. Имея сложные задачи, функции, совершенствуя свои навыки работник может увеличить эффективность своей деятельности.

Оценка труда рабочих — это процесс по определению правильности, важности деятельности работников, которая должна иметь свою направленность в сторону достижения

целей предприятия.

Современная фирма обязательно нанимает рабочего для оценки труда коллектива. Без этого не может существовать предприятие. Результатом такой оценки является информация для дальнейших действий работодателя по отношению к работнику.

Оценка труда сложна, потому что эффективность деятельности работника непосредственно связана с успехом и неудачами предприятия, на котором он работает, с экономическим развитием страны и ситуацией во всем мире.

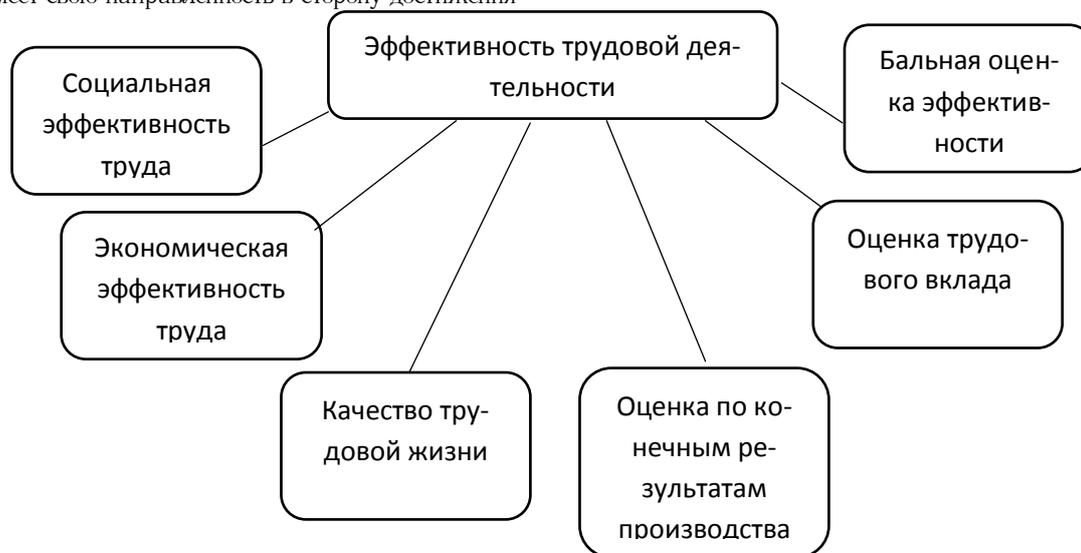

Рис. 1. Детали оценки эффективности трудовой деятельности

Оценка деятельности работника складывается не только из финансовых показателей (прибыль фирмы, продаваемость продукта, количество произведенного товара и т.д.), сейчас большое внимание уделяют именно нефинансовым критериям. Оценки по финансовым показателям могут быть представлены в различных формах, системах, в которые вносятся личные данные работы и индивидуальные навыки работника: сроки выполнения работы, число брака и хорошего товара, количество удовлетворенных потребителей и т.д. Так же работодатель может оценивать персонал по нефинансовым показателям (качество работы, управление, безопасность, надежность используемых материалов, увеличение разнообразия продукции).

Грамотная оценка деятельности работника и соответствующее ей вознаграждение способствуют увеличению желания работать дальше, что, в свою очередь, развивает производство, стабилизирует высокую прибыль фирмы, решает ее важные задачи, достигает поставленных целей.

Работодатель может использовать различные способы управления, мотивации сотрудников: от системы мер за проступки до поощрений инициативы работников.

Предприятия с наиболее грамотной кадровой системой чаще всего выбиваются в лидеры в экономическом мире, чего конечно хочет добиться каждый предприниматель.

Используя связи между проделанной работой, развитием предприятия, продукта, продвижением фирмы к цели с вкладом в производство его работника, работодатель может качественно оценить эффективность труда сотрудника.

Каждый человек уникален, поэтому нельзя оценить каждого работника одинаково. Так же неодинаков уровень профессиональной подготовки сотрудников, ответственность за выполняемую работу. Поэтому оценка деятельности и является сложной задачей для кадровой системы фирмы. Необходимо учесть влияние отдельного работника на общий результат и сопоставить все критерии его работы.

То, каким образом сотрудником выполняется работа, является показателем письменного норматива. Эти показатели должны быть известны каждому сотруднику, чтобы не возникло разногласий между работодателем и рабочим. Критерии оценки — важные параметры, которые помогут понять качественно ли работает сотрудник, что нужно изменить в его работе, как его оценить и нужен ли он фирме вообще. Критерии оценки показывают, как должен работник выполнять свои задачи, чтобы удовлетворить нужды организации, потребителя.

Если предприятие проигнорирует оценку труда рабочих или будет осуществлять ее не в полной мере, оно мо-

жет либо потерять многих рабочих, что приведет к крупному спаду в производстве, либо навлечет на себя санкции судебных органов из-за жалоб сотрудников.

Рассмотрим коэффициент трудового участия, как наиболее понятный и оптимальный показатель эффективности деятельности работника. Это количественная оценка индивидуального трудового вклада персонала, рабочих, управленцев и других работников в результаты всего предприятия. Из-за того, что предприятие — это большая группа людей, которая не может существовать без взаимодействия и связей, то коэффициент трудового участия — это показатель коллективной формы оплаты.

Базовым коэффициентом трудового участия является единица — средняя оценка труда работников, которая обозначается теми, кто выполнил установленный объем работ за месяц, точно по плану.

Существуют факторы, которые могут понижать и повышать коэффициент трудового участия, зависимо от индивидуального вклада в работу предприятия.

Факторы, повышающие коэффициент трудового участия:

1. Использование более совершенных технологий, активное участие, правильное использование оснащения, работа по нескольким должностям - коэффициент трудового участия повышается до 0,5;

2. Профессионализм, повышающий выработку - коэффициент повышается до 0,25;

3. Грамотное расходование рабочего времени, управление отраслями, активность и помощь коллегам в обучении, исправлении ошибок на производстве — коэффициент трудового участия повышается на 0,25.

КТУ не превышает 2, т.к., если мы сложим единицу и все повышающие факторы, то получим 2.

Факторы, понижающие коэффициент трудового участия:

1. Производство брака, без активная работа, невыполнение поставленных задач, не полное использование материала, оборудования — коэффициент трудового участия понижается на 0,5;

2. Малый профессионализм, несоблюдение установок, безопасности на предприятии — коэффициент понижается на 0,25;

3. Отсутствие пунктуальности (опоздания, ранние уходы с рабочего места), невыполнение приказов и т.д. — коэффициент трудового участия понижается на 0,25.

КТУ, равное нулю - самый низкий показатель. Если вычтеть из единицы все понижающие факторы, то получится ноль, тогда работодатель может выплатить только заработную плату по тарифу.

Литература:

1. Боркова Е.А. Суконникова Е.А. Демографическая политика как важный аспект управления государством // Развитие экономики и менеджмента в современном мире / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции 2014. г. Воронеж.
2. Городкова С.А., Ватлина Л.В., Боркова Е.А., Никифоров А.А. // Мониторинг экономического состояния региона на пути инновационного развития России. Коллективная монография в 2 частях / Чита, 2015. Том Часть 2.
3. Кузнецова Н. Б. Оценка трудового вклада и эффективности труда работников / Н. Б. Кузнецова, А. Ш. Галимова // Молодой ученый. — 2013. — №1. — С. 136-138.
4. Колосовская Н.В. Оценка эффективности труда по критериальным показателям / Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия) — 2010. [http://www.moluch.ru/archive/48/5983/]

Все служащие в течении определенного времени зарабатывают и повышают, и понижают своего коэффициента трудового участия. Это может происходить и в одно время. Но работодатель не в праве выплачивать меньше тарифной ставки за определенное время работы.

Следующий коэффициент использования рабочего времени. Его можно вычислить, разделив время, потраченное на работу, (t) на длину рабочего дня (T).

$$K_{\text{исп. раб. вр.}} = \frac{t}{T} \quad (1)$$

Далее рассмотрим коэффициент производительности труда. Он представляет собой отношение количества условных единиц товара за определенное время (A) (некоторый товар, услуга: количество поставщиков, количество произведенного продукта, продаж) к среднему этому количеству ($A_{\text{сред}}$).

$$K_{\text{произв. тр.}} = \frac{A}{A_{\text{сред}}} \quad (2)$$

Чтобы оценить качество деятельности рабочего и число выработки, используют показатель эффективности труда, который показывает уровень достижения результата при наименьших издержках. Показатель будет тогда больше, когда выработка будет выше, а затраты снизятся. Обязательное условие: нельзя пренебрегать качественными характеристиками товара, они не должны снизиться.

Эффективность труда можно посчитать по такой формуле:

$$\Xi = \frac{O}{Ч \times К}$$

Ξ — эффективность труда,

O — объем выработки за единицу времени,

Ч — число рабочих,

К — качество труда.

Главными критериями для оценки деятельности работника является стимулирование рабочих, взаимодействие организации с задачами, целями общества, обязательное объединение качества и количества произведенных товаров и др.

Конфликтные ситуации, объем выполненной работы, качество продукции, время, затраченное на дело, прогулы, жалобы, условия, созданные для трудовой деятельности, количество отгулов, величина заработной платы — это все результаты деятельности рабочего.

Итак, одной из главных задач руководства предприятия является повышение производительности фирмы, а для этого грамотный руководитель будет проводить правильную политику оценки труда своих рабочих, используя различные критерии.

Теневая экономика и коррупция - существующая взаимосвязь

Байзаков Данияр Богенбаевич, докторант

Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан (г. Астана)

На фоне существующего экономического кризиса и падения цен на нефть, средства от продажи, которой составляют львиную долю доходной части бюджета Казахстана, поиск резервов для пополнения казны становится все актуальнее изо дня в день. Для определения резервов в первую очередь нужно понять, что необходимо сделать для стимулирования роста производства товаров и услуг, каким образом достичь максимального вывода предпринимателей из тени и обеспечить их переход из ненаблюдаемой экономики в официальную.

При общей тенденции снижения деловой активности в бизнесе, будут снижаться и налоговые поступления, что соответственно приведет к снижению государственных расходов. В конечном счете, государство будет вынуждено увеличить налоговые ставки, что в свою очередь приведет к большему стремлению ухода бизнеса в «тень».

Причины роста теневых оборотов, преобладание тех или иных факторов способствующих уходу предпринимателей в «тень» различны от страны к стране. Это зависит от уровня социально-экономического развития и политической ситуации в государстве. В свою очередь, институциональное обеспечение, законодательное регулирование, мероприятия противодействия теневой экономике в какой-то степени определяют ее отраслевую структуру, которая соответственно должна быть учтена при определении уровня теневой экономики в стране.

Вместе с тем результат влияния теневой экономики на

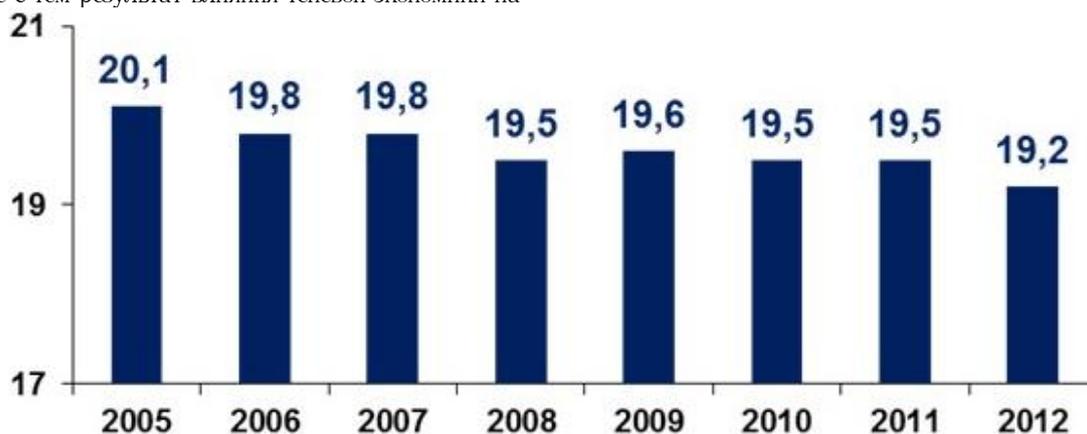

Рис. 1. Доля теневой экономики в объеме ВВП за 2005 – 2012 годы, в %

Источник: Агентство Республики Казахстан по статистике
(учитываются только данные по скрытой и неформальной экономике)[1]

Вследствие применения различных методик при изменении уровня теневой экономики и учета различных факторов, влияющих на теневой оборот, полученные результаты оценки теневой экономики в Казахстане соответственно различны. К примеру по данным Агентства РК по статистике в 2006 году уровень теневой экономики в Казахстане составил 19,8% к ВВП, тогда как по оценке Всемирного банка уровень составил 42,8% к ВВП, соответственно в 2007 году 19,8% и 38,4%. Таким образом для обеспечения сравнительной оценки по странам целесообразнее будет использовать данные Всемирного банка, охватывающие более 160 стран.

Существует множество причин, влияющих на теневой

экономику стран идентичен. В ее основе лежат доходы, не учитываемые налогообложением, и соответственно не участвующие в решении общих социально-экономических вопросов. Находящиеся в тени - это есть безбилетники, перекладывающие нагрузку налогового бремени на добросовестных налогоплательщиков, при этом на общих основаниях участвуя в потреблении общественных благ.

Анализируя методологию определения уровня теневой экономики применяемую в Казахстане и применяемую международными институтами мы видим, что она различна.

Вместе с тем хотелось бы отметить, что сами показатели необходимо рассчитывать посредством одной методики, так как применение различных методик дает различные результаты. Оценить размеры теневой экономики дело непростое. Ученые проводят свои исследования по разным методикам. К примеру, Ф. Шнайдер использовал непрямые методы с применением макроэкономических индикаторов, таких как, объем ВВП, обращение наличных денег, численность занятых, заработная плата, потребление электроэнергии, степень свободы и др. В Казахстане применяется другая методика. Этим и объясняется различие получаемых результатов. Какая из методик отражает более достоверную картину остается вопросом отдельного исследования. Но для сравнения приводим вашему вниманию данные статистики РК.

оборот в государстве и учесть каждую практически невозможно. Вместе с тем есть ряд факторов, влияние которых доказано исторически. Мы говорим о наличии непосредственной связи между уровнем коррупции и масштабами теневой экономики, которая подтверждается множеством примеров, как из истории, так и современного развития различных стран. Можно считать эмпирически проверенным фактом то обстоятельство, что чем выше коррупция, тем больший размах получает развитие теневых процессов в экономике. На существование тесной связи теневой экономики и коррупции в современной науке обращают внимание многие исследователи. Так, по мнению И. Клямкина и Л. Тимофеева, главная и самая очевидная особенность

теневых экономических отношений состоит в том, что они принципиально неотделимы от коррупции [2]. По мнению Ю. Латова и С. Ковалева собственно сама коррупция, трактуемая как использование служебного положения в личных целях (или экономика взяток), выступает одним из секторов теневой экономики [3]. Бытует мнение, что теневые экономические отношения составляют базу для взращивания огромного числа коррумпированных чиновников, политических деятелей и криминальных структур. Здесь возникает вопрос, так что первично теневая экономика или коррупция, что порождает другое. По мнению одних исследователей коррупция лишь часть теневой экономики и соответственно, как ее следствие. По мнению других ученых именно коррупция одна из причин, вынуждающих уходить в тень добросовестных налогоплательщиков. Например, известный российский экономист, доктор экон. наук Е.Т. Гайдар по этому поводу отмечает: «Не забудем, что чиновник всегда потенциально более криминогенен, чем бизнесмен. Бизнесмен может обогащаться честно, только бы не мешали. Чиновник может обогащаться только бесчестно... Так что бюрократический аппарат несет в себе куда больший заряд мафиозности, чем бизнес...» [4]. Таким образом, во взаимоотношениях предприниматель-чиновник первоначальный потенциал коррупциогенности объективно заложен именно на стороне чиновника, — даже если в конкретной ситуации инициатива исходит от предпринимателя, последний вынужден проявлять такую инициативу, поскольку точно знает, что некоррупционное решение дела обойдется значительно дороже [5]. Можно бесконечно рассуждать, как и в случае с появлением курицы или яйца, но тесная взаимосвязь таких явлений, как теневая экономика и коррупция, очевидна. Об этом было сказано и Премьер-министром РК

Карим Масимовым на совместном заседании палат парламента РК летом 2014 года, когда рассказывая о новых мерах борьбы с теневой экономикой и коррупцией в Казахстане, он акцентировал внимание, что «Есть две составляющие, на которые хотелось бы обратить внимание. Первый вопрос - сама теневая экономика. Второй - вопросы борьбы с коррупцией. Они, думаю, взаимосвязаны между собой» [6].

Непосредственными факторами взаимосвязи между теневой экономикой и коррупцией можно назвать: необходимость платить взятки чиновникам заставляет предпринимателя выводить деньги в тень; розданные таким образом деньги, будучи нелегальным доходом чиновника, стремятся быть потраченными также в тени; коррумпированность контролирующих органов не позволяет осуществлять надлежащий государственный контроль. При этом коррупция влияет на теневую экономику, а теневая экономика на коррупцию. Первая «платит» за законное право работать, вторая, — за прикрытие незаконной деятельности.

Возможно, все эти высказывания можно было бы отнести к умозаключению мыслителей, утверждающих об имеющейся взаимосвязи, но ниже приведенные данные количественного анализа взаимосвязи показателей теневой экономики и коррупции, отбрасывают любые сомнения в правоте ученых утверждавших о тесном сплетении этих двух негативных явлений. В качестве показателей коррупции использованы данные неправительственной международной организации по борьбе с коррупцией и исследованию уровня коррупции по всему миру «Transparency International» за 2006 год [7]. При этом государства расположены по рангам в порядке убывания: чем выше уровень коррупции, тем меньше ранг.

Таблица 1. Показатели взаимосвязи уровня коррупции и теневой экономики

Страна	ранг	%	Страна	ранг	%	Страна	ранг	%
Н.Зеландия	9,6	14,0	Израиль	5,9	24,8	Марокко	3,2	35,8
Исландия	9,6	15,0	Кипр	5,6	23,6	Молдова	3,2	41,5
Финляндия	9,6	18,4	Иордания	5,3	28,8	Шри-Ланка	3,1	33,6
Дания	9,5	14,5	Венгрия	5,2	27,3	Алжир	3,1	45,8
Швеция	9,2	19,0	Малайзия	5,0	34,2	Иран	2,9	37,7
Норвегия	8,8	14,8	Чехия	4,8	29,1	Босния	2,9	40,8
Австралия	8,7	18,4	Литва	4,8	30,4	Грузия	2,8	39,1
Нидерланды	8,7	18,8	Латвия	4,7	30,4	Доминик. Респ.	2,8	39,1
В-Британия	8,6	16,7	Словакия	4,7	31,4	Боливия	2,7	43,3
Люксембург	8,6	18,0	Тунис	4,6	30,8	Гватемала	2,6	40,6
Австрия	8,6	19,7	ЮАР	4,6	31,0	Замбия	2,6	40,7
Канада	8,5	23,1	Греция	4,4	28,7	Украина	2,6	42,1
Германия	8,0	25,1	Коста-Рика	4,1	30,7	Никарагуа	2,6	42,4
Ирландия	7,4	17,9	Болгария	4,0	36,6	Казахстан	2,6	42,8
Франция	7,4	21,9	Сальвадор	4,0	38,6	Гондурас	2,6	43,9
Бельгия	7,3	20,0	Колумбия	3,9	38,9	Беларусь	2,6	51,0
Чили	7,3	24,0	Турция	3,8	34,4	Непал	2,5	37,3
США	7,3	25,7	Польша	3,7	32,1	Филиппины	2,5	38,0
Испания	6,8	27,7	Ямайка	3,7	43,8	Бенин	2,5	39,3
Эстония	6,7	27,1	Таиланд	3,6	34,2	Россия	2,4	43,6
Португалия	6,6	25,3	Хорватия	3,4	34,8	Киргизия	2,3	44,8
Мальта	6,4	19,3	Индия	3,3	33,4	Пакистан	2,1	38,8
Словения	6,4	26,6	Перу	3,3	34,2	Кот-Дивуар	1,9	48,2
Уругвай	6,4	30,4	Египет	3,3	35,4			

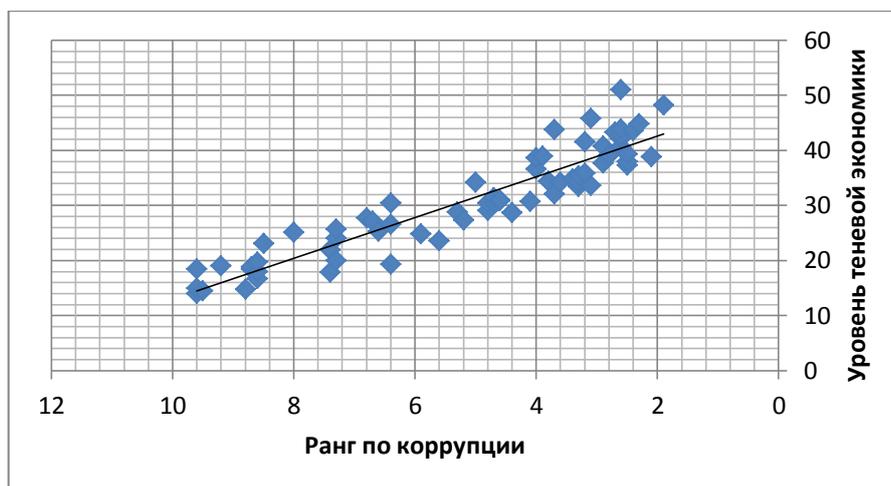

Рис. 2. Взаимосвязь уровня коррупции и теневой экономики

Анализ данных таблицы свидетельствует о наличии количественной взаимосвязи между показателями теневой экономики и коррупции. Так, государства с рангом более 7 характеризуются уровнем теневой экономики в пределах 20 %, редко до 25 %, с рангом 5-7 тяготеют к уровню теневой экономики 30 %, с рангом 3-5 уровень теневой экономики стабильно превышает 30 % и иногда достигает 40 %, с рангом ниже 3, как правило, стабильно выше 40 %. [8]

Графическое отображение данных вышеуказанной таблицы дают возможность наглядно увидеть взаимную зависимость показателей коррупции и теневой экономики.

Таким образом, одной из основополагающих причин процветания коррупции, безусловно, является теневая экономика, которая в свою очередь увеличивает свои границы благодаря взяткам и незаконному лоббированию интересов.

Существуют также концепции, согласно которым коррупция и теневая экономика являются составными частями организованной преступности. Конечно, эти явления взаимосвязаны: 1) коррупция порождает дополнительный рост теневой экономики; 2) теневая экономика является попыткой уклониться от коррупции (предприниматель уходит в подполье, чтобы не платить взятки). В то же время, для теневой экономики коррупция является одним из способов выживания и разрешения конфликтов с государством. В этой связи коррупция — это не разовые мероприятия со стороны субъектов теневой экономики, выражающиеся в даче взяток, а фактически «нелегитимный закон функционирования», с помощью которого различные субъекты пытаются расширить свою сферу влияния.

По нашему мнению, коррупция, теневая экономика, и организованная преступность всегда заинтересованы в представленном симбиозе и стремятся друг к другу. Коррупция является одним из элементов механизма выживания и развития теневой экономики и субъектов организованной преступности. Ее можно рассматривать и как метод, с помощью которого субъекты организованной преступности проникают в государственные и общественные институты в целях их трансформации и нейтрализации действий, направленных на ликвидацию условий их функционирования.

Это подтверждают и социологические исследования. По экспертным оценкам Центра антикоррупционных исследований и инициатив «Transparency International», увеличение индекса коррупции на один пункт приводит к росту теневой экономики на 7,6%. Примерно такие же выводы можно сделать из исследований, проведенных за-

рубежными учеными. Так, модель, разработанная американским экономистом Паоло Мауро, позволила ему сделать вывод, что рост рассчитываемой «эффективности бюрократии» на 24 балла снижает темп экономического роста страны примерно на 0,5%. По расчетам другого американского экономиста, Шан-Чин Вая, увеличение индекса коррупции на 1 балл (при 10-балльной шкале) сопровождается падением на 0,9% прямых иностранных инвестиций [9].

В условиях поиска эффективных подходов большое значение приобретает ориентировочная деятельность, включающая диагностику текущего состояния теневой экономики и коррупции в Казахстане и определение перспектив дальнейшего развития исследовательского процесса. А также состояние имеющейся законодательной базы и мер осуществляемых на основе программных документов.

Анализ информации представленной в Антикоррупционной стратегии Республики Казахстан на 2015-2025 годы заставляет задуматься о многом: как в действительности обстоят дела в Казахстане в отношении уровня коррупции, как мы оцениваем существующую ситуацию и как ее оценивают международные институты и зарубежные эксперты, какие индикаторы можно применить для оценки уровня коррупции и в чем основная причина ее возникновения.

Говоря об анализе текущей ситуации, в Стратегии сказано больше о положительной тенденции, чем о негативной ситуации. Вместе с тем, Международное движение «Transparency International» [10] представляет нам совсем не радужную аналитику.

Эксперты НПО отмечают, что, несмотря на предпринимаемые руководством Казахстана меры по развитию экономики и привлечению инвестиций, коррупция становится все большим препятствием для ведения бизнеса в стране. В частности, эксперты Всемирного экономического форума, считают, что на втором месте после неквалифицированной рабочей силы, коррупция представляет наибольшую проблему для ведения бизнеса в Казахстане.

По результатам ежегодного исследования «Индекс восприятия коррупции 2013», проведенного данным НПО, Казахстан занял 140 место с 26 баллами, потеряв в сравнении с прошлым годом 2 бала и опустившись в страновом рейтинге, таким образом, на 7 позиций. Для сравнения в 2012 году Казахстан занимал 133 место из 177 обследуемых стран [11], в 2004 году Transparency International определял Казахстану 122 место по уровню коррумпированности [12].

Таким образом, ориентируясь на оценку международ-

ных организаций, мы не можем похвастаться полученными результатами от принимаемых мер по борьбе с коррупцией в нашей стране. Действительно, почему более 14 лет реализуя программы по борьбе с коррупцией, в рамках которых принимаются конкретные меры по устранению причин и условий возникновения коррупционных проявлений [13], мы не только не улучшаем показатель, но и ухудшаем свои позиции в страновом рейтинге индекса восприятия коррупции. Возможно, причина кроется в недостаточно правильной расстановке приоритетов при определении причин возникновения коррупционных нарушений.

Вместе с тем, в настоящее время, два ключевых программных документа регламентирующие последовательность действий в противодействии коррупции и развитию теневой экономики в Казахстане, абсолютно не увязаны и более того даже не упоминают о связи этих явлений. Так в Комплексном плане противодействия теневой экономике в Республике Казахстан на 2014 - 2015 годы к основным направлениям Плана отнесено следующее:

1. Общесистемные меры: борьба с уклонением от уплаты налогов и таможенных платежей, развитие безналичных платежей, эффективное управление государственными финансами, совершенствование бизнес-среды, совершенствование оценки теневой экономики с учетом мировой практики.

2. Сокращение теневого производства в отраслях экономики с наибольшей долей теневой экономики: торговля, сельское хозяйство, транспорт, операции с недвижимым имуществом, промышленность. [1]

При этом даже не упоминается о коррупции и степени ее влияния на уровень теневой экономики.

В свою очередь в Антикоррупционной стратегии Республики Казахстан на 2015-2025 годы не отражен аспект влияния теневых процессов на уровень коррупции. Здесь к основным факторам, способствующим проявлению коррупции в современных условиях относят, лишь несовершенство отраслевых законов, недостаточную прозрачность государственного и корпоративного управления, коррупционные риски, связанные с прямым контактом должност-

ных лиц с населением при оказании государственных услуг, все еще низкий уровень правовой культуры населения, отсутствие комплексной и целенаправленной информационной работы по формированию антикоррупционной модели поведения граждан и общественной атмосферы неприятия коррупции, недостаточный уровень оплаты труда отдельных категорий государственных служащих и социальных гарантий на государственной службе. [13]

Исследования ученых доказывают, что существует ряд закономерностей, характерных для коррупции и теневой экономики. Отсутствие последовательности и системы в преодолении коррупции и сокращении теневой экономики одновременно, неизбежно ведет к тому, что в обществе происходят серьезные качественные изменения:

- смещается общий вектор экономического развития (он переводится с целей формирования социального рыночного хозяйства в сторону построения нецивилизованного, предельно криминализованного капитализма);

- разрушаются основы национального хозяйства, оно начинает подчиняться интересам национальной plutократии и иностранного капитала;

- резко снижается уровень экономической безопасности государства;

- ухудшаются практически все показатели экономического и социального развития;

- появляются труднопреодолимые препятствия для реализации макроэкономической политики государства, какие бы благие цели она ни имела;

- искажается реальная мотивация государственных решений;

- наблюдается массовое уклонение хозяйствующих субъектов от налогообложения. [14]

Коррупция и теневая экономика являются основными составляющими и корневой частью так называемой анти-экономики. В этой связи необходима наступательная борьба с причинами, а не со следствием. Только комплексный подход с проведением последовательных взаимодополняющих мероприятий по борьбе с коррупцией и сокращению теневой экономики дадут действенные результаты.

Литература:

1. Постановление Правительства Республики Казахстан от 22 мая 2014 года № 531 «Об утверждении Комплексного плана противодействия теневой экономике в Республике Казахстан на 2014 - 2015 годы».
2. И. Клямкин, Л. Тимофеев «Теневая Россия» Экономико-социологическое исследование, Москва, 2000г.
3. Латов Ю.В., Ковалев С.Н. «Теневая экономика», Москва, 2006г.
4. Гайдар Е.Т. Смуты и институты. Государство и эволюция. — СПб: Норма, 2010.
5. Ортинський В.Л. Організаційно-економічні механізми зниження рівня тінізації економіки в підприємницькій діяльності: автореф. дис... канд. екон. наук. — Львів, 2000.
6. VNews.kz. ТОО "Total.kz Media Group" Опубликовано: 20.06.2014
7. Индекс восприятия коррупции: Материал из Википедии — свободной энциклопедии. — Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
8. Консалтинговая фирмы «Аналитик», Донецкая область, Украина «Исследование взаимосвязи между показателями коррупции и теневой экономики».
9. Роуз-Акерман С. Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы. — М, 2003.
10. Transparency International - Our organisation. Проверено 12 марта 2013. Архивировано из первоисточника 16 марта 2013.
11. «Аналитический интернет-журнал Власть», 3 декабря 2013г. «Казахстан занял 140-ое место по результатам исследования «Индекс восприятия коррупции 2013».
12. 3006681 TI Report Cover «Annual report the coalition against corruption» Transparency International 2004.
13. Указ Президента Республики Казахстан от 26 декабря 2014 года № 986 «Об Антикоррупционной стратегии Республики Казахстан на 2015-2025 годы».
14. Костенников М.В., Куракин А.В. Предупреждение и пресечение коррупции в системе государственной службы: Учеб.пос. — М., 2004.

Стратегическое управление в горно-химических компаниях России

Гендон Анжелика Леонидовна, кандидат технических наук, доцент
ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова» (г. Москва)

Проанализирован опыт стратегического управления крупнейших горно-химических компаний. Представлены особенности стратегического управления и ключевые аспекты стратегий крупнейших горно-химических компаний России. Обоснована необходимость повышения эффективности стратегического управления горно-химических компаний России.

Ключевые слова: горно-химический комплекс, минеральные удобрения, стратегическое управление.

Добиться эффективных результатов не только в текущей деятельности, но и в долгосрочной позволяет разработка научно обоснованной и современной стратегии. Однако в научном плане развитие методов стратегического управления не успевает за изменениями тенденций внешнего окружения компаний, что приводит к неэффективному управлению. Для выявления слабых мест в системе стратегического управления компаниями необходимо проанализировать этапы ее развития и становления.

В научной литературе в основном характеризуются четыре этапа эволюции стратегического управления: бюджетирование, долгосрочное планирование, стратегическое планирование и стратегическое управление (стратегический менеджмент).

Несколько отлично происходила эволюция управления в России. В дореволюционный период со стороны государства исходило планирование экономического развития на основе бюджетов, а предприятия планировали свою деятельность на основе простейшего статистического анализа.

Во времена Советского Союза, когда как раз и начинается деятельность основных горно-химических предприятий, осуществлялось директивное планирование всех экономических аспектов развития народно-хозяйственного комплекса на государственном уровне. Соответственно, на самих предприятиях наблюдалось отсутствие самостоятельности в формировании и реализации планов. Основными инструментами при этом являлись составление межотраслевого баланса и экстраполяция.

Затем, после распада Советского союза и появлением рыночной среды, компании столкнулись с необходимостью эффективного планирования своей деятельности для достижения конкурентных преимуществ, что и послужило толчком к развитию практики стратегического управления на предприятиях, в том числе и горно-химического комплекса. На настоящий момент на уровне промышленных предприятий довольно часто применяются современные инструменты стратегического управления, например, такие как SWOT-анализ, PEST-анализ, построение стратегических матриц, экспертные методы и др.

Необходимо отметить, что ввиду особенностей развития рыночных отношений, первыми горно-химическими компаниями, уделявшими особое значение стратегическому управлению стали зарубежные, особенно американские. Это связано, в первую очередь, с эффективным развитием практики стратегического управления.

Крупнейшая горно-химическая канадская компания Potash Corp. одна из первых горно-химических компаний, уделявших значительное внимание стратегическому управлению. На настоящий момент компания формирует свою стратегию исходя из целей обусловленных миссией.

При этом отличительной особенностью стратегического управления данной компанией является построение, так называемой, матрицы приоритетов, выделяющей основные направления развития в рамках данной стратегии.

На настоящий момент, стратегическое управление играет огромную роль в деятельности горно-химических компаний России, хотя не все компании придерживаются принципа прозрачности, что затрудняет проведение анализа аспектов стратегического управления.

Первой российской компанией, уделявшей значительное внимание стратегическому управлению и детальной отчетности, стала калийная компания «Уралкалий». Это связано с тем, что ее основной конкурент — Potash Corp. и для поддержания конкурентоспособности компании было необходимо соответствовать мировым тенденциям.

Одной из особенностей стратегического управления компании «Уралкалий» является проведение стратегических сессий в рамках работы Совета директоров. Такая сессия проводилась в компании два раза. Интересным моментом является то, что сессия проводится в г. Березники, т.е. в непосредственной близости к месту нахождения основных производственных объектов и головного офиса компании, что позволяет непосредственно контактировать с менеджментом и сотрудниками. В ходе подобных стратегических сессий, члены Совета директоров обсуждают долгосрочную стратегию компании, а также ряд функциональных стратегий, в частности, в областях информационных технологий и социальной ответственности, техническую и производственную стратегии. Эффективность подобных мероприятий подтверждена и в рамках стратегического развития компании предусматривается ежегодное проведение подобных сессий.

Компания, также как и ее главный конкурент, формирует свою стратегию исходя из миссии и основной цели. При этом формируются стратегические ориентиры, в рамках каждого из которых детально исследуется видение, основные приоритеты и риски; исследуются основные заинтересованные стороны.

Тем не менее, несмотря на качественный подход к стратегическому управлению, в холдинге наблюдаются некоторые слабые стороны. В отличие от своего канадского конкурента, компании пока не удается достичь гибкости стратегии, что может привести к стратегическим ошибкам. Одной из таких ошибок стал в 2013 году отказ от сотрудничества с компанией «Беларускалий» и резкая смена текущей стратегии на стратегию «объем превыше цены». Это привело не только к потере компанией существенной доли прибыли (рисунок 1), но и к дестабилизации всего рынка калийных удобрений.

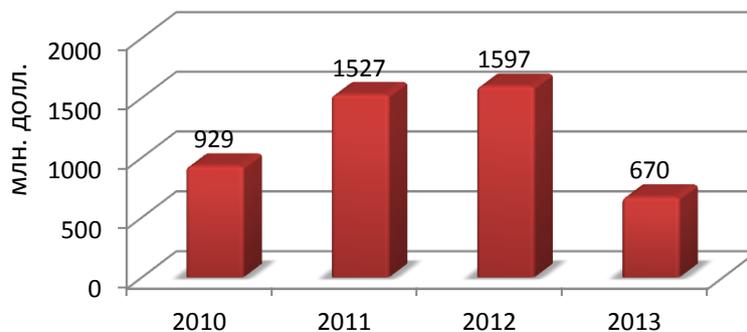

Рис. 1. Динамика чистой прибыли компании «Уралкалий» (следствие стратегической ошибки)

Примеру калийных компаний последовали и прочие горно-химические производители. Горно-химическая компания «ЕвроХим» активно использует такой инструмент как SWOT – анализ, анализируя деятельность по трем сегментам – азотному, фосфорному и калийному. Основную роль в стратегическом управлении «ЕвроХим» возложил на Совет директоров, который должен обеспечить выработку и реализацию единой четкой стратегии своего развития, а также увеличение ее стоимости в долгосрочной перспективе. Совет директоров компании, руководствуясь передовыми международными стандартами и опытом, осуществляет мониторинг применяемых методов бухгалтерского и экономического учета, инструментов управления рисками, механизмов внутреннего контроля, реализации стратегии устойчивого развития и корпоративного управления. Успешное выполнение этих задач требует от Совета директоров высокого уровня профессионализма и подготовленности и напрямую зависит от оптимального сочетания опыта и квалификации его членов. Совет компании выстраивает эффективное взаимодействие с менеджментом, и поддерживает свою информированность о состоянии дел в компании, постоянно наблюдая за тем, как реализуется стратегия и насколько она учитывает сопутствующие риски. Деятельность Совета директоров строится таким образом, чтобы каждый его член имел возможность выразить свою точку зрения в ходе принятия решений. В сфере ответственности Совета входит рассмотрение стратегий для всех дивизионов и сегментов, крупномасштабных проектов, сделок по приобретению активов и прочих стратегических инициатив руководства. По приглашению Совета на его заседаниях регулярно присутствуют генеральный директор, директор по финансам и экономике, а также руководитель отдела стратегического планирования и инвестиций, что позволяет грамотно структурировать элементы стратегии и механизма ее реализации.

Компания «ФосАгро» придерживается стратегии устойчивого роста. В рамках стратегии также формируются стратегические ориентиры, по каждому из которых исследуются уже достигнутые результаты, стратегические планы на будущее и сопутствующие риски.

Большинство горно-химических компаний России также стремятся соответствовать самым строгим стандартам качества и эффективно решать стратегические задачи, для чего разрабатывают перечень ключевых показателей эффективности, благодаря которым в масштабах всего холдинга можно оценивать выполнение планов и принимать взвешенные решения о размере вознаграждения для высшего руководства. В этот перечень входят финансовые и нефинансовые показатели, анализ которых позволит про-

двинуться в повышении эффективности деятельности и претворении в жизнь принципов устойчивого развития.

Помимо перечисленных показателей, каждая из горно-химических компаний ввиду особого внимания аспекту корпоративно-социальной ответственности отражает соответствующие показатели. В частности, средний уровень заработной платы сотрудников, текучесть кадров, величина социальных инвестиций, коэффициент несчастных случаев на производстве и т.д.

При этом одной из проблем стратегического управления является как раз то, что выбор ключевых показателей эффективности осуществляет непосредственно руководство компании, т.е. выбор в значительной мере субъективен. Компания может выбрать показатели, которые не в полной мере отражают цели предприятия или эффективность его деятельности. Или даже выбрать те показатели, по которым предприятие преуспело, и скрыть те стороны своей деятельности, которые были неэффективны. Это касается, например, компании «Уралкалий», которая в какой-то момент убрала из системы ключевых показателей эффективности такой показатель, как чистая прибыль, когда в 2013 году она снизилась на 58% по сравнению с 2012.

По результатам исследования можно сформулировать следующие основные проблемы современного стратегического управления в отраслях горно-химического комплекса:

- номинальный, часто декларативный характер многих стратегических ориентиров, которые не подкреплены частными нормативно-правовыми актами и конкретными источниками финансирования;
- низкая степень мониторинга реализации стратегии;
- попытка использования зарубежного инструментария стратегического анализа, разработки и реализации стратегии, без учета специфики российского рынка;
- несогласованность стратегий компаний со стратегиями региона или государства;
- дефицит математического инструментария моделирования стратегий;
- недостаточно обоснованная и проработанная система оценки эффективности стратегического управления.

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на то, что горно-химические компании России стремятся обеспечить высокоэффективное стратегическое управление, существуют некоторые проблемы, которые необходимо решить. При этом, это касается как повышения эффективности стратегического управления самих компаний, так и стратегического управления развития отрасли со стороны государства. Именно совокупное эффективное выполнение функций стратегического управления позволит обеспечить развитие горно-химического комплекса России.

Литература:

1. Ансофф И. Стратегическое управление. - М.: Экономика, 1989. – 519 с.
2. Ларионова А.С. История и инструментарий стратегического планирования в России // Теория управления, - №10. - 2011
3. Маркова В.Д. . Кузнецова С.А. Стратегический менеджмент: Курс лекций, - М.: ИНФРА-М; Новосибирск: Сибирское соглашение, 1999. – 288 с.
4. Официальный сайт «Международной ассоциации производителей удобрений» (IFA: International Fertilizers Industry Association)[Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.fertilizer.org/>
5. Официальный сайт исследовательской компании «Abercade» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.abercade.ru/research/analysis/>
6. Официальный сайт компании «ЕвроХим» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.eurochem.ru/>
7. Официальный сайт консалтинговой группы FMB (Fertilizer Market Bulletin) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.fertilizer-market.kiev.ua/>.
8. Официальный сайт ОАО «ФосАгро» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://phosagro.ru/>
9. Официальный сайт объединенной компании «Уралкалий» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.uralkali.com/>
10. Официальный сайт компании Potash Corporation of Saskatchewan Inc. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.potashcorp.com/>
11. Скоромник В. Проблемы организации стратегического управления в России. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.neweconomic.ru/pbl/mf2.html>

Экологический менеджмент в контексте устойчивого развития гостиничного бизнеса

**Даитов Виктор Викторович, кандидат экономических наук, доцент;
Филиал Российского государственного университета туризма и сервиса в г. Махачкале**

Представлены характеристики реализации экологического менеджмента в гостиничном бизнесе. Рассмотрены этапы данного процесса, управленческие функции и система контроля за процессом устойчивого развития.

Ключевые слова: гостиничный бизнес, устойчивое развитие, экологический менеджмент, охрана окружающей среды.

Грамотные управленческие решения и действия, ориентированные на защиту окружающей среды являются одним из факторов, определяющих устойчивость и эффективность развития гостиничного бизнеса.

Таблица 1. **Характеристики реализации функций экологического менеджмента в гостиничном предприятии**

Этап	Объект управления	Управленческая функция	Результат	Ответственные лица
Вход	Услуги отеля	Планирование гостиничной деятельности	Система предоставления услуг, расположение и дизайн отеля, исключаящие или минимизирующие загрязнение окружающей среды	Генеральный менеджер
	Экстерьер и интерьер отеля			
	Местоположение отеля			
Действие	Потребление энергоресурсов	Организация и контроль функционирования отеля	Система контроля эффективного использования ресурсов	Менеджер хозяйственной службы
	Использование расходных материалов			
	Деятельность по обслуживанию гостей отеля	Управление персоналом	Экологически ориентированная система мотивации персонала	Менеджер службы приема и размещения
	Административная деятельность			
Выход	Гостиничный продукт	Организация и контроль функционирования отеля	Налоговые и иные поступления в экономику	Менеджер службы приема и размещения
	Человеческий ресурс	Управление персоналом	Социально ориентированная и эргономичная профессиональная среда	Менеджер по персоналу

Определим следующие основные принципы экологического менеджмента в контексте его реализации в управлении гостиничным делом:

1. Системный мониторинг воздействия гостиничного предприятия на окружающую среду.
2. Минимизация воздействия гостиничного предприятия на экологию.

3. Поддержание баланса естественных природных процессов и технологических процессов функционирования гостиничного комплекса.

4. Стимулирование охраны окружающей среды субъектами гостиничного бизнеса — персоналом, клиентами и партнерами.

Понимание гостиничного предприятия как открытой незамкнутой системы, активно взаимодействующей с окружающей природной средой, делает экологический менеджмент базовым элементом управления этим взаимодействием.

Процесс экологического менеджмента в гостиничном бизнесе включает в себя три этапа: вход, действие и выход. Каждый из указанных этапов характеризуется отличительными признаками: объектами управления, управленческими функциями, результатами и ответственными лицами (табл. 1).

На базе трех основных этапов процесса можно обобщенно представить индикаторы экологического менеджмента в гостиничном бизнесе (табл. 2).

Таблица 2. Индикаторы экологического менеджмента в условиях устойчивого развития гостиничной отрасли

Этап	Показатель	Цель	Индикатор
1	2	3	4
Вход	Использование природных ресурсов	Экономичное и экологичное использование возобновляемых и невозобновляемых природных ресурсов.	Экологически целесообразное использование исчерпаемых ресурсов
		Использование альтернативных источников энергии и ресурсов	Внедрение рециклирования, многоразового использования и восстановления природных ресурсов
1	2	3	4
Действие	Воздействие на окружающую среду посредством туристской деятельности	Управление поведением клиентов, персонала и партнеров гостиничного предприятия	Внедрение стандартов охраны окружающей среды для персонала
			Применение технологий сбережения и минимального использования энергии и природных ресурсов в процессах обслуживания гостей
			Стимулирование мотивации партнеров к участию в экологических программах
Выход	Количество выбросов и отходов	Уменьшение вредного воздействия на окружающую природную среду	Управление производственными процессами, сокращающими отходы и выбросы

Таким образом, ориентация гостиничного бизнеса на устойчивое развитие невозможна без внедрения процессов экологического менеджмента, основанных на управленческих функциях, показателях и индикаторах, формирующих практику взаимодействия эффективного бизнеса и окружающей среды.

Литература:

1. Абдулгалимов А.М., Умаргаджиев М.О., Бахишев С.Д. Организационно-экономический механизм функционирования проектного финансирования // Ж. Экономика и предпринимательство. 2014. № 12-3 (53-3). С. 769-772.
2. Рамазанов В.Г., Атаев М.Д. Социальные аспекты разработки управленческих решений в туристических организациях // В сборнике: Туризм как межотраслевой комплекс экономики региона материалы Научно-практической конференции. 2010. С. 271-275.
3. Темирбекова А.З. Развитие государственно-частного партнерства в сфере туризма и гостеприимства России // В сборнике: Стратегия развития туризма и рекреации Материалы Международной научно-практической конференции. 2011. С. 164-166.
4. Ханбабаева З.М. Маркетинговые инструменты продвижения регионального гостиничного продукта. // Ж. Вопросы структуризации экономики. 2011. № 1-2011. С. 260-262.
5. Шихсаидов М.Ш., Аминтазев М.Ш., Асекова М.М. Деловые качества работника и его роль в маркетинге // Ж. Вопросы структуризации экономики. 2010. № 3. С. 127-129.

Опыт, проблемы и перспективы модернизации экономики России

Десятниченко Дмитрий Юрьевич, кандидат экономических наук, доцент;
Десятниченко Олеся Юрьевна, кандидат экономических наук
Северо-Западный институт управления – филиала РАНХиГС (г. Санкт-Петербург)

Точкой отсчета новейшей истории модернизации российской экономики по праву можно считать создание в 2006 г. Российской венчурной компании, Российского инвестиционного фонда информационно-коммуникационных технологий и утверждение государственной программы «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий». В этом же году по поручению Президента РФ В.В. Путина Минэкономразвития совместно с другими ведомствами начинает разработку Концепции долгосрочного развития РФ на период до 2020 г., окончательный вариант которой был утвержден Правительством РФ в ноябре 2008 г. В 2009 г. была создана Комиссия по модернизации и технологическому развитию экономики. В этом же году модернизация экономики в качестве приоритетной задачи обозначается Президентом РФ Д.А. Медведевым в послании Федеральному собранию.

Практическое воплощение новый приоритет получил лишь к концу 2011 г., когда была утверждена разработанная по поручению Правительства РФ под руководством Государственного университета - Высшей школы экономики и Российской академии народного хозяйства и госслужбы в рамках реализации задач послания Федеральному собранию Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года (Стратегия 2020). Стратегия 2020 представляет собой переработанный вариант утвержденной ранее Концепции 2008 г., определяющий необходимость перехода к новой модели экономического роста, основанной на инновационном процессе. Основным недостатком данной стратегии является ее преимущественно декларативный характер, отсутствие целостной концепции модернизации, которая должна была объединить приоритеты, ресурсы, этапы реализации и методы осуществления. Аналогичные недостатки свойственны государственной программе «Экономическое развитие и инновационная экономика», первоначально утвержденной в марте 2013 г., получившей изменения в плане реализации в июне 2015 г. Все это позволяет утверждать, что, несмотря на почти десятилетнюю историю процессов модернизации экономики РФ, их теоретическое осмысление и анализ проблем реализации сохраняет актуальность.

Существует множество работ, посвященных анализу сущности и направлений модернизации российской экономики. Часто их авторы следуют установкам Стратегии 2020, говоря о миссии России в глобальном мире, необходимости завоевания прочных позиций на мировой арене, обеспечении роста благосостояния населения и пр. Необходимость решения данных задач не вызывает сомнений. Однако более продуктивным, по нашему мнению, было бы говорить о решении задач, вытекающих из нынешнего критического состояния экономики, а не о задачах относительно отдаленного будущего, решение которых станет возможным лишь в модернизированной экономике. Решение задач общенационального развития может ставиться в повестку дня лишь в связи с ростом способностей их решать модернизируемой экономикой.

Модернизация российской экономики, прежде всего,

должна быть связана с восстановлением ее способности устойчиво функционировать и развиваться. Для этого требуется создать условия для запуска полноценного инновационного цикла как основы развития экономической системы страны с учетом уровня глобального экономического развития. Важнейшим фактором такой модернизации является модернизация предприятий [10, с.157]. Фокусом реформ в направлении модернизации должна стать экономика микро- и мезоуровня [3, с. 56]. Игнорирование проблем и ограничений, существующих на этих уровнях не позволяет и не позволит говорить о реальной, а не декларативной модернизации.

Учет микроэкономических факторов требует использования новых технологий, обновления продуктовой структуры и структуры используемых факторов производства. Ключевым фактором, определяющим эффективность процессов модернизации, является труд. Именно рост производительности труда рассматривается как одна из основных задач модернизации [2, с.32]. Положительные изменения в этой сфере есть. В период с 2005 г. по 2012 г. уровень производительности труда в экономике РФ рос ежегодно (кроме 2009 г.) на 3%-7,5%, увеличившись за весь период на 28% [13, с. 14]. Но даже при этом, более чем двукратный спад производительности труда, произошедший в конце 1980-х – начале 1990-х гг., до сих пор не компенсирован.

Модернизация требует также масштабных изменений в структуре основного капитала хозяйствующих субъектов. Согласно отчетности Федеральной службы государственной статистики (далее ФСГС) степень износа основных фондов увеличилась за период в 2008 по 2013 гг. с 45,3% до 48,2% соответственно¹. Обновление основного капитала требует многих десятков триллионов рублей, мобилизация которых в сегодняшних условиях (как, впрочем, и вчерашних) не представляется возможной. Причин этого множество, но мы выделим лишь семь основных.

1. Ресурсом модернизации основного капитала должны быть собственные средства предприятий, формируемые за счет прибыли и амортизационных фондов. По данным ФСГС по итогам 2013 г. 70% организаций получили в совокупности прибыль 9,5 трлн. руб. Однако, несмотря на общую позитивную картину при детальном рассмотрении выясняется, что, например, в сфере добычи полезных ископаемых доля рентабельных предприятий составила лишь 56,5%, на транспорте и связи – 62,8% [20, с. 86, 87]. Не создает экономических стимулов для активизации вложений в воспроизводство основного капитала и крайне низкая рентабельность активов, данные о которой представлены в таблице 1 [20, с. 94].

¹ Эффективность экономики России. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/efficiency/# [дата обращения 20.07.2015]

Таблица 1. Рентабельность активов организаций по видам деятельности, в %

Вид деятельности	Годы		
	2011	2012	2013
Всего по всем видам деятельности	6,5	6,1	4,5
Сельское и лесное хозяйство	3,9	3,5	1,7
Добыча полезных ископаемых	14,2	11,9	11,3
Обрабатывающие производства	8,4	8,1	4,4
Производство и распределение энергии, газа, воды	1,1	0,9	0,7
Строительство	2,1	2,9	5,6
Транспорт и связь	4,9	5,5	4,4

Как следует из таблицы 1, в большинстве отраслей рентабельность активов низкая и она последовательно снижается во всех отраслях, кроме строительства. В целом она снизилась с 6,5 до 4,5%. Между тем именно ожидаемая доходность, обеспечивающая более высокую, по сравнению с другими, альтернативными вариантами вложения финансовых активов, является основными побуждающим мотивом для инвестиционных вложений. Снижение рентабельности также означает увеличение срока окупаемости инвестиционных проектов, что подталкивает инвесторов к выбору проектов с более короткими сроками окупаемости и перетеканию капиталов в торговую и финансовую сферы деятельности. Дополнительный импульс подобным решениям придают существующие и ожидаемые инфляционные процессы, а также общая неопределенность в экономической сфере.

2. Упомянутые нами выше амортизационные фонды, к сожалению также не являются реальным ресурсом модернизации. По данным ФСГС в 2013 г. начисленная организациями амортизация составила 3,7 трлн. руб. [20, с. 96], хотя стоимость основных фондов в негосударственном секторе экономики на начало того же 2013 г. составляла почти 100 трлн. руб. [17, с.298]. Это объясняет, почему в РФ доля амортизации в инвестициях в основной капитал не превышает 19%, в то время как в экономически развитых странах она достигает 65% [18, с.6]. Реальным источником

модернизации предприятий амортизационные отчисления подобных объемов могут стать лишь в результате многолетнего накопления, однако этому препятствует высокая ползучая, а с 2015 г. галолирующая инфляция, в условиях которой накопления обесцениваются быстрее, чем происходит их валовое приращение.

3. Банковская система, призванная среди прочего аккумулировать и перераспределять временно свободные финансовые ресурсы, также могла бы быть источником инвестиционных ресурсов для нужд модернизации. Согласно данным ЦБ РФ² на 01.01.14 в стране было 932 действующих кредитных организации, на 01.06.15 – 810. Несмотря на сокращение численности действующих кредитных организаций, наблюдается рост совокупных активов с 57,4 трлн. руб. до 72,3 трлн. руб. Банковская система активно привлекает средства клиентов, средняя доля которых в структуре пассивов держится на уровне 60%. Около 70% активов банковской системы вложены в кредиты и прочие ссуды.

² Обзор банковского сектора Российской Федерации (интернет версия). Аналитические показатели. № 153, 2015. [Электронный ресурс] URL: http://www.cbr.ru/analytics/bank_system/obs_ex.pdf (дата обращения 20.07.2015)

Таблица 2. Инвестиции в основной капитал РФ по источникам финансирования

Показатель	2011		2012		2013		2014	
	млрд. руб.	В % к итогу						
Инвестиций в основной капитал всего	8445,2	100	9595,7	100	10165,7	100	9852,9	100
в том числе:								
- собственные средства	3539,5	41,0	4274,6	41,9	4549,9	45,2	4736,7	48,1
- кредиты банков	725,7	8,6	806,3	8,4	1003,6	10,0	918,0	9,3
- бюджетные средства	1622,0	19,2	1712,9	17,9	1916,3	19,0	1598,3	16,2

Тем не менее, ситуацию с финансированием процессов модернизации и обновления основного капитал предприятий нельзя считать удовлетворительной. Как следует из данных таблицы 2³, даже на фоне весьма скромных объемов инвестиций в основной капитал, доля кредитов банков в общем объеме инвестиций остается крайне низкой, варьируясь в диапазоне от 8,4 до 10 %. В 2014 г., по итогам которого объем активов банковской системы составил 77,7 трлн. руб., доля кредитных средств, направленных

банками в качестве инвестиций в основной капитал, составила менее 1,2%. Это свидетельствует об отсутствии какого-либо интереса банковского сектора к кредитованию долгосрочных инвестиционных проектов и существенных недоработках в этом вопросе государства, которое вынуждено частично компенсировать недофинансирование за счет бюджетных средств.

4. Нехватка долгосрочных кредитных ресурсов – давняя проблема российской экономики. Прежде всего, это связано с уменьшением объема сбережений населения, являющихся важнейшим источником инвестиционных ресурсов. Так, в период с 01.01.14 по 01.06.15 доля вкладов физических лиц в пассивах кредитных организаций сокра-

³ Инвестиции в нефинансовые активы. [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/invest/Din_invOKVED.xls (дата обращения 20.07.2015)

тилась с 29,5% до 26,8%⁴. За этот же период наблюдается устойчивый рост просроченной кредиторской задолженности, доля которой в структуре активов увеличилась с 2,4% до 3,5% соответственно. Если учесть масштабы инфляции, становится понятно, почему банки стремятся использовать привлекаемые ресурсы преимущественно для целей финансовых спекуляций и финансирования отраслей торговли и обслуживания, имеющих высокую скорость оборота капитал.

Невозможность долгосрочных финансовых вложений связана и с дороговизной кредитных ресурсов. Так, в 2015 г. средневзвешенные процентные ставки по кредитам, предоставленным кредитными организациями нефинансовым организациям в рублях составили по кредитам свыше одного года — около 16%, свыше трех лет — около 15%. В 2014 г. аналогичные кредиты в среднем предоставлялись предприятиям под 12% и 11% соответственно. Увеличение средневзвешенных кредитных ставок в среднем на 4% оказывает очень существенное влияние на выбор сроков инвестиционных проектов. Так если в условиях 2014 г. удвоение суммы кредита, взятого на срок более трех лет, происходило за 6,6 года, то в условиях 2015 г. этот срок сократился до менее чем 5 лет (расчет выполнен по формуле сложных процентов). Период удвоения суммы первоначального долга сократился более чем на 25%. В данных условиях реализация даже среднесрочных инвестиционных проектов становится очень затратным, а для многих проектов просто невыгодным мероприятием, а значит, их число будет неизбежно сокращаться.

5. Важным источником финансовых ресурсов в современном мире являются внешние инвестиции, однако политические реалии таковы, что традиционные западные рынки капитала в краткосрочной и среднесрочной перспективе для России весьма ограничены и в условиях фактического отсутствия заменяющих их восточных, азиатских, говорить о внешних инвестициях как о заметном источнике инвестиционных ресурсов, которые возможно было бы использовать для целей модернизации, представляется неоправданным.

6. Низкая мотивация инвесторов к вложению средств в модернизацию экономики РФ связана также с низкой доходностью таких проектов. Так в 2012 г. доходность размещенных акций составила 7%⁵, доходность портфеля государственных ценных бумаг — 6,8% [17, с. 542]. В 2013 г. доходность долгосрочных депозитов для физических лиц и нефинансовых организаций в среднем составила соответственно 8,7% и 9%, на фоне инфляции в 6,5%.

7. Зарубежные инвесторы также традиционно предпочитают краткосрочные и высоколиквидные вложения. Так из 170,2 млрд. долл., поступивших в Россию в 2013 г., лишь 27,2 млрд. долл. (16% от общего объема) оказались прямыми или портфельными инвестициями, в то время как основная часть средств представляла собой торговые и

прочие кредиты.

По нашему мнению, полномасштабная параллельная модернизация всех секторов экономики в условиях дефицита финансовых ресурсов и мотивации инвесторов представляется нереалистичной задачей. В существующих условиях необходима стратегия, позволяющая учитывать жесткую ограниченность инвестиционных ресурсов и необходимость комплексной модернизации экономики России. В этой связи следует согласиться с мнением многих исследователей [1, с.202-203; 8, с.69; 9, с.432; 12, с.8; 14, с.18; 15 с.157-158], полагающих, что более реалистичной является стратегия модернизации, основывающаяся на кумулятивном процессе, включающем ряд последовательных этапов, стадий.

На первом этапе производится мобилизация имеющихся ресурсов с целью их рационального использования — финансирования преобразований в части секторов экономики. При этом осуществляется так называемая «точечная модернизация» [16, с.162], создающая предпосылки для всеобщего распространения волн модернизации в остальных секторах экономики. От правильности выбора «точек модернизации», концентрации и эффективного использования в них имеющихся ресурсов, зависит сила и скорость прохождения импульса модернизации на последующих этапах.

Безусловно, последовательная модернизация, при прочих равных условиях, окажется более длительным процессом, ведь реконструкция даже среднего предприятия осуществляется не менее, чем за 2-3 года. Реорганизация требует изменения прежних пропорций и связей в экономике [8, с.71], делая их неэффективными. А значит, неизбежна структурная модернизация, на осуществление которой у страны есть не более 10-15 лет [10, с.158].

Особенностью последовательной модернизации является также ее асинхронность. Несмотря на видовую однородность, предприятия будут по-разному включаться и проходить модернизацию, генерируя неоднородность инновационного цикла, что в конечном итоге повлечет за собой, так называемую «мозаичность экономики» [8, с.72]. В этих условиях резко возрастает роль государства, которое не должно допускать спонтанного протекания подобных процессов, способных попросту пустить экономику «вразнос». Высокую значимость его роли признают, многие исследователи [9, с.432; 21, с. 239-240; 22, с.26], и отсутствие или дефицит ресурсов для ее выполнения не позволяет государству самоустраняться от поддержки приоритетных объектов и отраслей, создания благоприятной микросреды модернизации.

При отборе объектов для первоочередной модернизации необходимо учитывать ряд принципов. Прежде всего, это реалистичность масштабов проектов модернизации с точки зрения возможностей их ресурсного обеспечения. Также следует учитывать возможность потенциального объекта модернизации воспринимать необходимые технологические и организационные изменения. Кроме того, должен соблюдаться принцип однородности состава объектов модернизации, что позволит обеспечивать эффект масштаба, а за счет этого — относительную экономию используемых ресурсов.

Согласно этим принципам приоритетными объектами модернизации на первой стадии могут быть как предприятия отрасли машиностроения, способные обеспечить прирост ресурсов для последующих стадий модернизации, так и выгодно отличающиеся меньшей капиталоемкостью и

⁴Обзор банковского сектора Российской Федерации (интернет версия). Аналитические показатели. № 153, 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cbr.ru/analytics/bank_system/obs_ex.pdf (дата обращения 20.07.2015)

⁵Сайт Федеральной службы государственной статистики. Сведения о движении акций и доходы по ним. [Электронный ресурс]. URL:http://www.gks.ru/free_doc/new_site/finans/fin48.htm (дата обращения: 20.07.2015).

более сжатыми сроками осуществления проектов предприятия сферы производства потребительских товаров и услуг, а также сохранившие конкурентные преимущества и потенциал отрасли обрабатывающей промышленности, являющиеся наиболее развитыми в научно-техническом отношении.

Вопрос выбора «точек модернизации» и сегодня остается ключевым в стратегии последовательной модернизации экономики. В научном сообществе нет единства мнений в ответе на него. Ряд авторов полагает, что в первоочередном порядке необходима модернизация добывающих отраслей, как наиболее конкурентоспособных и высокодоходных, которые в дальнейшем обеспечат экономику необходимыми инвестиционными ресурсами [11, с.11-12]. Другой подход связан с важностью приоритетной модернизации отраслей экономики постиндустриального типа, что обосновывается грядущим переходом к шестому технологическому укладу [22, с.24,26]. Существует также мнение, что «точками модернизации» должны быть отрасли и виды деятельности, предприятия, обеспечивающие максимальный мультипликативный эффект в части распространения преобразований [19, с.48]. Последний подход представляется нам наиболее перспективным и оправданным с учетом современного состояния экономики России.

Механизм мультипликативного воздействия работает через каналы хозяйственных межотраслевых связей предприятий – «точек модернизации». Прежде всего, они (предприятия) начинают предъявлять повышенные требования к поставщикам факторов производства, необходимых им ресурсов, стимулируя тем самым процессы модернизации в смежных отраслях и хозяйственных комплексах. Результатом из собственной модернизации является предложение более качественной и относительно удешевленной продукции, что снижает удельные издержки потребителей, повышая ресурсные возможности для теперь уже их модернизации.

Эффективным инструментом выбора «точек модернизации», позволяющим объективно и точно учитывать интенсивность и разветвленность хозяйственных связей, могут стать таблицы «затраты-выпуск», содержащие информацию о межотраслевых потоках в экономике, роль которых сегодня, к сожалению недооценивается. В СССР, исполь-

зовавшем в качестве инструмента макроэкономического обобщений баланс народного хозяйства, таблицы такого рода строились каждые 5 лет, начиная с 1959 г. Последним детальным вариантом таких таблиц в современной России являются таблицы 1995 г.

Доступные сегодня для анализа таблицы «затраты-выпуск» имеют гораздо меньшее аналитическое значение, т.к. были разработаны по агрегированной отраслевой и продуктовой номенклатуре. На официальном сайте ФСГС можно найти лишь краткий вариант таких таблиц за 2006⁶ г. Более актуальные и полные данные отсутствуют, хотя, безусловно, необходимы. На основе содержащихся в них сведений было бы возможным производить обоснованный отбор отраслей для первого этапа модернизации, ориентируясь на наибольшие значения коэффициентов прямых затрат, характеризующих интенсивность хозяйственных связей, а также коэффициенты полных затрат, позволяющих оценивать общий мультипликативный эффект модернизации приоритетных отраслей.

Подводя итоги, необходимо отметить следующее. Активная культивация процессов модернизации экономики России осуществляется уже около 10 лет. Разрабатываемые и реализуемые варианты стратегий и программ модернизации недостаточно учитывают проблемы микроуровня, существующие здесь ресурсные ограничения, дефицит мотивации инвесторов, не позволяющие эффективно реализовать макроэкономические приоритеты выбранной стратегий модернизации. В этой связи целесообразно перенести акцент макроэкономических приоритетов стратегии со «всеобъемлющей» на «точечную» многоэтапную модернизации, взвешенно подходя к отбору отраслей, видов деятельности, предприятий, способных обеспечить максимальный мультипликативный эффект распространения «волн модернизации» по все экономике, а также максимальную ресурсоотдачу для обеспечения прироста материальной базы каждого последующего этапа модернизации.

⁶Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. Электронный ресурс http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/# (дата обращения 20.07.2015)

Литература

1. Барашов Н.Г. Модернизация экономики России в контексте теории длинных волн // Вестник СГСЭУ.- 2009.- №5.- С. 201-205.
2. Водолазский А. А. Модернизация экономики в свете экономической теории (вопросы методологии, теории и практики) // Вестник ЮРГТУ (НПИ). Серия: Социально-экономические науки.- 2011.- № 1.- С. 31-43.
3. Десятниченко Д.Ю. Институциональные проблемы и дискуссионные вопросы инновационной модернизации экономики регионов РФ // Управленческое консультирование . – 2014. - №5. – С. 49-59
4. Десятниченко Д.Ю. Развитие налогооблагаемой базы Санкт-Петербурга как источник доходов бюджета города // Управленческое консультирование. – 2014. - №2. – С. 124-130.
5. Десятниченко О.Ю. Моделирование принятия инвестиционно-инновационных решений // Управленческое консультирование. – 2013. - №7. – С. 93-98.
6. Десятниченко О.Ю. Управление процессом организации инвестирования инноваций. Диссертация кандидата экономических наук: 08.00.05 / Санкт-Петербургский университет управления и экономики. Санкт-Петербург, 2013.
7. Десятниченко О.Ю. Формирование инновационной среды как фактор модернизации экономики регионов // Общество. Среда. Развитие. – 2013. - №2. – С. 16-20.
8. Коновалова М. Е. Особенности осуществления модернизации экономики на современном этапе экономического развития // Проблемы совершенствования организации производства и управления промышленными предприятиями: Межвуз. сборн. научн. трудов.- Самара: СГЭУ.- 2014.- №1.- С. 69-74.
9. Котов М. М. Основные задачи и направления модернизации российской экономики // Актуальные вопросы экономических наук.- 2010.-№14.- С. 431-435.
10. Кузнецов О. И. Инновация как основной механизм модернизации // Вестник ТГУ им. Г.Р. Державина.- 2013.-

№ 4.- С.157-159.

11. Логинов В. П. Современный кризис и модернизация производства // МИР.- 2010.- № 1.- С. 6-14.

12. Мещеряков Д. А. Системная модернизация экономики России и барьеры, сдерживающие ее // ФЭС: Финансы, Экономика, Стратегия.- 2011.- № 12.- С. 7-10.

13. Национальные счета России в 2006-2013 годах: Стат. сб.- М.: Росстат.- 2014.-311 с.

14. Панфилов В. С. Трансформация воспроизводственного механизма мировой экономики и перспективы социально-экономического развития России // Проблемы прогнозирования.- 2012.- № 4.- С. 3-21.

15. Плосконосова Е. А. Модернизация экономики России: выбор приоритетных направлений с позиции системного подхода // Техника и технология пищевых производств.- 2014.- № 1.- С. 157-162.

16. Порезанова Е. В. Специфика неоиндустриализации и модернизации экономики России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право.- Том 13.- 2013.- № 2.- С. 159-163.

17. Российский статистический ежегодник.2013: Стат. сб.- М.: Росстат, 2013.- 717 с.

18. Улыбина Л. К. Налоговое стимулирование инвестиционной деятельности / Л. К. Улыбина, И. Я. Исаков // Налоги и налогообложение.- 2011.- № 3.- С. 5-9.

19. Филатов В. И. Кризис и структурная модернизация российской экономики // Экономические системы.- 2009.- №3.- С. 46-50.

20. Финансы России.2014: Стат. сб.- М.: Росстат, 2014.- 357 с.

21. Храмова Е. С. Инновационная модернизация экономики России: пути и следствия // Проблемы совершенствования организации производства и управления промышленными предприятиями: межвуз. сборн. научн. трудов.- Самара: Изд-во СГЭУ, 2012.- № 1.- С. 235-243.

22. Черкасова Т. П. Инновационно-технологическая модернизация российской экономики в контексте концепции устойчивого развития // TERRA ECONOMICUS. Экономический вестник РГУ.- 2008. Том 6.- № 2-2.- С. 23-26.

Правоохранительные органы в сфере налогового контроля

Джафарова Зумруд Каирбековна, к.э.н., доцент
Дагестанский государственный университет (Махачкала, Россия)

Правовое урегулирование правоохранительной деятельности полиции в сфере налогового контроля, как правило, направлено на повышение эффективности мер, которые применяются органами внутренних дел по профилактике налоговых преступлений. Это следующие виды: уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и административно-правовые меры; оперативно-розыскные меры; организационные меры; меры по обеспечению деятельности правоохранительных органов по профилактике налоговых преступлений и правонарушений.

Деятельность подразделений правоохранительных органов по профилактике налоговых преступлений в сфере экономики в основном осложняется многочисленностью ее объектов, в связи с чем возникает проблема, которая связана с выбором из общего количества наиболее нуждающихся в оперативном обслуживании. Речь идет о ранжировании объектов и выделении из них самых важных, крупных налогоплательщиков, а также тех, что в масштабах региона считаются бюджетообразующими организациями. Для проведения этой работы необходимым является тщательный предварительный анализ.

Таким образом, основные мероприятия по профилактике налоговых преступлений подразделениями БЭП производятся в приоритетных сферах экономики:

- 1) в кредитно-финансовой сфере;
- 2) в сфере топливно-энергетического комплекса;
- 3) в сфере производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции;
- 4) в социально-бюджетной сфере;
- 5) во внешнеэкономической сфере.

Комплексный анализ состояния оперативной обстановки в данных сферах позволяет определить:

- зависимость предпринимательской, торговой, финансовой и иной деятельности от государственных структур, включая органы местного самоуправления;

- наличие на экономических объектах и объектах предпринимательской деятельности возможностей противозаконного обогащения;

- благоприятные условия для организации нелегального бизнеса, который приносит большую прибыль;

- объекты, которые находятся под криминальным влиянием организованных преступных сообществ или отдельных лиц, в том числе и должностных [2, с.43]

В рамках профилактической деятельности решаются следующие основные вопросы:

- какие мероприятия, в какой последовательности и с использованием каких возможностей (негласные сотрудники, подразделения оперативно-розыскной информации, оперативно-поисковые подразделения и др.) следует осуществить в целях выявления причин и условий, способствующих совершению преступлений экономической, налоговой и коррупционной направленности, для их нейтрализации;

- как, кем и когда должен быть осуществлен контроль за принятием мер реагирования со стороны руководителей хозяйствующих субъектов, органов власти и управления;

- как обеспечить недопущение совершения преступлений лицами, состоящими на профилактическом учете и продолжающими занимать руководящие и материально ответственные должности на обслуживаемых объектах, каковы дополнительные источники, из которых могут быть получены данные об их образе жизни и поведении;

- когда, кому, какие и в отношении кого из лиц, проходящих по УДО, целесообразно провести дополнительные оперативно-розыскные, оперативно-профилактические, оперативно-аналитические и информационно-поисковые мероприятия.

Как уже было отмечено, одной из целей профилактической деятельности является пополнение бюджетов всех уровней. Сокращение объемов поступлений в доходную

часть бюджетов зависит и от ненадлежащей организации деятельности подразделений БЭП и НП. Нередко отдельные налогоплательщики, в том числе и крупные, вступают в коррупционные отношения с сотрудниками налоговых и таможенных органов, которые, применяя неправомерные льготы к таким налогоплательщикам, содействуют уводу в теневой оборот части налогов и сборов.

В сфере налогового администрирования основная работа подразделений ЭБиПК должна быть сконцентрирована на своевременном выявлении и пресечении преступлений коррупционной направленности, связанных с занижением налоговых претензий, незаконным возмещением налога на добавленную стоимость (НДС), разблокировкой расчетных счетов предприятий, организаций, предпринимателей. Непременным условием противодействия коррупции в сфере реализации законодательства о налогах и сборах является устранение правового нигилизма населения и создание для граждан различных механизмов доведения информации до органов внутренних дел и их специализированных подразделений.

Освещение в средствах массовой информации фактов задержания коррумпированных чиновников производит достаточно высокий профилактический эффект и положительно влияет на имидж органов внутренних дел. В этих целях необходимо регулярно проводить брифинги, круглые столы и другие общественные мероприятия с участием предпринимателей, представителей средств массовой информации и иных заинтересованных лиц.

Одним из основных направлений деятельности подразделений БЭП и НП по профилактике экономических и налоговых правонарушений выступает индивидуальная профилактика, предполагающая выявление лиц, которые имеют склонность к совершению правонарушений, и осуществление на них воздействия с целью недопущения правонарушений [1, с.38].

Налогоплательщики, по отношению к которым является необходимым индивидуальное профилактическое воздействие с постановкой данных лиц на учет, определяются из числа следующих субъектов:

- лиц, имеющих намерение или желание либо уже организующих подготовительные действия для занятия криминальным бизнесом;
- лиц, которые живут не по зарабатываемым средствам, имеющимся доходам, владеющих движимым и недвижимым имуществом, и выполняющих административные и хозяйственные функции в органах управления юридического лица;
- лиц, которые осуществляют незаконное предпринимательство при помощи фальшивых учредительных и других документов;
- лиц, которые изготавливают поддельные разрешения на работу и регистрацию по месту пребывания иностранных граждан;
- индивидуальных предпринимателей, подпавших под подозрение о поддержке преступных связей в криминальных структурах, которые контролируют наиболее доходные отрасли экономики;
- лиц, которые отбыли уголовное наказание за совершение налоговых преступлений или которые приговорены к мерам, не связанным с ограничением свободы, и продолжающих вести антиобщественный образ жизни;
- криминальных элементов, оказывающих сопротивление органам предварительного расследования по делам об экономических и налоговых преступлениях;

- физических лиц, которые лишаются права занимать руководящие должности в исполнительном органе управления юридического лица, входить в совет директоров, осуществлять предпринимательскую деятельность по управлению юридическим лицом (в МВД России и информационных центрах МВД, ГУВД, УВД по субъектам РФ ведется реестр дисквалифицированных лиц).

- лиц, которые лишаются права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 47 УК РФ).

Анализ результатов борьбы правоохранительных органов с налоговыми правонарушениями показывает, что главными источниками получения сведений о замышляемом или о готовящемся преступлении в данной сфере являются специалисты, которые осведомлены о деятельности различных субъектов хозяйствования (ревизоры, бухгалтер и т.д.). Благодаря им оперативным работникам удается вовремя получать информацию не только о планируемых, подготавливаемых или совершаемых налоговых преступлениях, но и о криминальных факторах, которые способствуют их совершению, а также о лицах, причастных к ним.

Таким образом, сотрудники ЭБиПК, в ходе осуществления профилактической работы в рамках данного дела, по факту предпринимаемых криминальными лицами попыток организации параллельных с органами государства коммерческих структур по оказанию платных услуг обществу, которые злоупотребляют также правами по реализации контрольных функций, обязываются определять факт предполагаемой причастности чиновников к лоббированию интересов криминальных организаций [2, с.46].

Источниками сведений о причинах и условиях, которые способствуют совершению налоговых преступлений, являются внутренняя отчетность хозяйствующего субъекта (учредительные документы предприятий, грузовые таможенные декларации, и пр.), внешние документы (лицензии, разрешения).

Профилактика правонарушений осуществляется также в порядке инициативного поиска, где в процессе его реализации охватывается большая часть объектов профилактики (подотчетных лиц, организаций, учреждений, органов власти и органов управления).

Определенная особенность профилактической работы, которая осуществляется в рамках возбужденного уголовного дела, состоит в появлении нового субъекта профилактики в лице следователя, который расследует дело, и процессуальные рычаги воздействия на лицо, которое совершило правонарушение, а криминальные факторы, которые подлежат устранению с целью предотвращения повторных деяний, могут устраняться в таком процессуальном порядке.

С возбуждением уголовного дела работники подразделений экономической безопасности не имеют права снять с себя ответственность за выявление тех или иных причин, которые способствовали совершению налоговых преступлений. Профилактическая деятельность, которая осуществляется работниками подразделений экономической безопасности, в данном случае осуществляется для решения нижеперечисленных задач:

- определение преступников, причастных к подготовке или совершению налогового преступления;
- определение свидетелей, показания которых могут являться основой для принятия решения о внесении следователем представления в соответствующее предприятие

или соответствующему уполномоченному лицу о принятии мер по устранению нарушений законодательства (в соответствии с п. 2 ст. 158 УПК РФ);

- определение круга лиц, которые оказывают противодействие процессу расследования по делу, принятие мер по нейтрализации данных лиц.

В процессе осуществления профилактической деятельности в рамках уголовного дела работники данных структур руководствуются общими правилами, действующими в данной работе. Основные из этих общих правил сводятся к следующему:

- на этапе оперативного сопровождения расследования уголовного дела нужно добиваться недопущения совершения новых налоговых преступлений;

- осуществлять действия, которые нацелены на установление источников — носителей информации о событии, лице, данных об обстоятельствах налогового преступления.

Необходимо отметить, что на стадии осуществления контроля на практике чаще всего образуются три группы ситуаций, при которых возникает необходимость применения этого метода.

К первой группе относятся ситуации, при которых его применение следует из анализа вносимых представлений и полученных по ним с учреждений сообщений. Следовательно, как правило, не отслеживают рассмотрение внесенных ими представлений и приняты ли по ним необходимые меры.

Ко второй группе относят случаи, которые складываются в ходе подготовки представлений по материалам, имеющимся в уголовном деле. Часто складываются ситуации при которых представления вносятся во многом формально.

Третья группа включает в себя ситуации, в которых организации по причине отсутствия возможности оперативного реагирования на поступающие в их адрес представления отписываются без соответствующего реагирования, а обстоятельства, которые способствовали совершению налоговых преступлений, не устраняются. Такие ситуации возникают, например, при отсутствии должного контроля со стороны инициатора внесения представления [2, с.49].

Организация контроля включает в себя целый ряд взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов:

- комплексный анализ состояния деятельности подразделений экономической безопасности по профилактике экономических и налоговых преступлений и иных правонарушений;

- принятие решения о целесообразности учета внесенных представлений и информации в органы исполнительной власти и местного самоуправления;

- обеспечение предварительного расследования информацией о криминогенных факторах на объектах, где было совершено преступление экономической направленности.

Знание наиболее распространенных причин и условий на определенных объектах экономики дает возможность лучше разобраться в применяемых преступных схемах, механизме совершения преступлений криминально активными лицами.

По содержанию меры по профилактике преступлений в налоговой сфере правоохранными органами разделяют на следующие:

1. уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и административно-правовые меры;

2. оперативно-розыскные меры;

3. организационные меры;

4. меры по обеспечению работы правоохранных органов по профилактике преступлений в налоговой сфере.

Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и административно-правовые меры предупреждения налоговых преступлений это:

- обеспечение безопасности физических и юридических лиц, на права и законные интересы которых возможно преступное посягательство;

- контроль над своевременным поступлением, прохождением сведений по уголовным делам и делам об административных правонарушениях, принятие по ним определенных решений;

- применение предусмотренных российским законодательством мер воздействия к лицам, совершившим преступления, которые не представляют большой общественной опасности, и административные правонарушения, в целях предупреждения с их стороны тяжких преступлений;

- внесение в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством в государственные органы, общественные организации, должностным лицам представлений об устранении выявленных в ходе расследования дел причин и условий, способствующих совершению преступлений;

- внесение в соответствии с законодательством представлений о замене мер наказания, не связанных с лишением свободы, либо иных мер на реальное отбывание наказания;

- изъятие из пользования юридических и физических лиц предметов, оборот которых ограничен и которые могут быть использованы при совершении преступлений.

Оперативно-розыскные меры предупреждения налоговых преступлений:

- сбор, обобщение, анализ и реализация оперативно-розыскной информации о лицах, замышляющих или подготавливающих преступления, с целью принятия необходимых мер для их склонения к отказу от совершения налоговых преступлений;

- своевременное разоблачение выявленных преступных групп, в том числе организованных, и принятие мер к прекращению преступной деятельности входящих в них лиц на ранних стадиях подготовки преступлений, а также исключая возможность их совершения.

Организационные и иные меры предупреждения налоговых преступлений:

- оперативное реагирование с использованием всех имеющихся сил и средств на сообщения граждан, должностных лиц и иную информацию о причинах, условиях, обстоятельствах, способствующих совершению преступлений, а также о подготавливаемых преступных посягательствах;

- накопление, систематизация и использование информации о лицах, замышляющих или подготавливающих преступления, с целью обеспечения своевременного принятия к ним предусмотренных законом мер;

- проведение комплексных и целевых оперативно-профилактических операций по предупреждению деятельности преступных групп, улучшению криминогенной обстановки на территории обслуживания органа внутренних дел;

- осуществление взаимодействия с иными правоохранными органами (прокуратурой, Федеральной службой безопасности, таможенной службой, налоговой инспекцией), с государственными органами, учреждениями, организациями, общественными объединениями правоохранительной направленности, благотворительными и

иными фондами, трудовыми коллективами в работе по предупреждению налоговых преступлений;

- инициативное оказание услуг по защите и охране имущества юридических и физических лиц на основе заключения договоров в порядке, определенном действующим законодательством и ведомственными нормативными актами;

- организация контроля над соблюдением лицами, освобожденными из мест лишения свободы, установленных для них в соответствии с законом ограничений с целью недопущения с их стороны преступлений.

Мерами по обеспечению работы правоохранительных органов по профилактике преступлений в налоговой сфере являются:

- организационное обеспечение работы правоохрани-

Литература:

1. Семенов А.С. Взаимодействие налоговых органов и подразделений по налоговым преступлениям органов внутренних дел при осуществлении контроля за соблюдением законодательства о налогах и сборах. // *Налоги и налогообложение* №4, 2009.

2. Столяренко В. М. Никитин А. Н. Правовое регулирование правоохранительной деятельности полиции в сфере экономики. // *Финансовое право* №2, 2012.

О необходимости разработки методологии взаимодействия с заинтересованными сторонами (стейкхолдерами) при организации деятельности корпорации

Дмитриева Светлана Александровна

Взаимодействие со стейкхолдерами подразумевает разработку и реализацию методологии проведения консультаций и осуществления сотрудничества в сложных изменяющихся условиях бизнеса, требующих участия и интегрирования различных типов заинтересованных сторон. А именно: акционеров, сотрудников и представителей профсоюзов, государственных органов, бизнес-партнеров, потребителей, конкурентов, средств массовой информации, представителей общин и, вовлеченных в деятельность, различных групп населения.

Сотрудничество со стейкхолдерами всегда происходит с конкретной целью: оно направлено на достижение общего результата, решение проблемы или поиска инновационного решения, то есть на то, что не может быть сделано в одиночку одной лишь компанией.

Характерной особенностью такого взаимодействия является то, что здесь участвуют люди и группы с разными, а иногда и противоположными точками зрения, но при этом представляющие взаимный интерес. В связи с высокой степенью влияния результатов взаимодействия с заинтересованными сторонами на реализацию целей компаний, многие из них начали встраивать процесс взаимодействия и его методологию в краткосрочные и долгосрочные планы своей деятельности. Продолжительность взаимодействия с заинтересованными сторонами зависит от того, каких результатов ожидается достичь, от того, насколько глубокое взаимодействие и сотрудничество было установлено со стейкхолдерами.

Хорошо спланированное взаимодействие с заинтересованными сторонами может привести к долгосрочному, перспективному и развивающемуся сотрудничеству по:

- урегулированию конфликтов;
- разработке стандартов регионального развития и стандартов государственно-частного диалога;
- поиску инновационных решений для преодоления эко-

номических и социальных проблем;

- кадровое, научно-методическое, а также финансовое обеспечение работы правоохранительных органов по предупреждению преступлений в сфере налогообложения.

Так, специализированные подразделения по предупреждению правонарушений включают наиболее квалифицированных сотрудников, которые обладают требуемыми профессиональными навыками и опытом практической работы в данной сфере. Для более эффективной деятельности по предупреждению налоговых преступлений меры по стимулированию работников подразделений правоохранительных органов, имеющих высокие показатели оперативно-служебной деятельности, должны расширяться [2,с.46].

номических и социальных проблем;

- разработке стратегии по адаптации и смягчению последствий изменения климата;

- совершенствованию системы предоставления государственных услуг;

- повышению эффективности управления природными ресурсами;

- созданию благоприятных условий для экономического развития.

Взаимодействие может проходить на макро, мезо и микро уровне, в зависимости от ожидаемого результата и типов заинтересованных сторон. И, конечно, в зависимости от вида деятельности самой компании. Но, из вышеперечисленного можно сделать вывод о степени значимости взаимодействия с заинтересованными сторонами не только для самой компании, но и для всего региона, где она осуществляет свою деятельность.

Взаимодействие с различными группами заинтересованных сторон реализуется в различных формах и с различными уровнями взаимодействия. Такой, диалог должен строиться с позиций гибкости, дифференциации в зависимости от интересов стейкхолдеров, их задач и целей, и обновляться на принципах доверия, взаимного уважения и обратной связи. То есть сотрудничество не должно ограничиваться простым информированием заинтересованных сторон о планах и результатах деятельности. Должна обязательно присутствовать обратная связь. Особый авторитет у заинтересованных сторон имеют те компании и то руководство, которое ведет диалог на регулярной основе и не только на территории своей организации, а так же на территории партнеров (стейкхолдеров). Например, в форме заседаний групп с присутствием представителей всех сторон.

Хорошо структурированные диалоги с заинтересованными сторонами могут быть интегрированы в циклы

управления проектами.

Приводимые далее рекомендации могут помочь в работе над таким компонентом стратегии взаимодействия с заинтересованными лицами, как отчетность:

- Необходимо определить, какую именно информацию требуется сообщать разным заинтересованным сторонам, каким образом и как часто.

- Регулярно обновлять реестр обязательств и предоставлять информацию о ходе их выполнения затрагиваемым и заинтересованным сторонам. Особое внимание следует обращать на своевременное оповещение заинтересованных лиц о любых отклонениях и изменениях в раннее данных обязательствах и обещаниях.

- Следует обеспечить доступность и высокую информативность для общественности результатов мониторинга и, особенно, отчетов о независимости мониторинга.

- Требуется регулярно предоставлять информацию о степени и результатах взаимодействия с заинтересованными сторонами — как перед теми, с кем непосредственно ведется эта работа, так и перед другими стейкхолдерами.

- Обеспечить доступность к информации путём перевода предназначенную для заинтересованных сторон информацию по отчетам на местные языки и в понятные форматы.

Корпорации, которые строят свою деятельность на диалоге с заинтересованными сторонами, имеют преимущество по сравнению с прочими компаниями и достигают результатов, которые в иных случаях не могут быть достигнуты. Принятые решения и поставленные цели достигаются легче, так как их достижение происходит в климате доверия, коллективного разума и совместных действий.

Вот лишь некоторые результаты внедрения качественно методологии взаимодействия:

- улучшается качество принятых решений;
- творчество и инновации преобладают;
- растет доверие планирования и принятия решений;
- вероятность реализации возрастает;

- информация распространяется активнее и носит позитивный характер;

- информационно-пропагандистская деятельность увеличивается;

- тупиковые ситуации и конфликты могут легче преодолеваются;

- получаемые результаты становятся более устойчивыми;

Но не только для крупных компаний и корпораций становится актуальным использование принципов теории заинтересованных сторон. Малому бизнесу также необходима корректировка своей экономической и социальной политики. Здесь хочется привести абсолютно конкретный пример. При открытии непродуктового магазина предприниматель столкнулся с неожиданным препятствием в лице пожилой соседки сверху (магазин открывали на первом этаже жилого дома). Эта дама по какой-то причине была против. Она предпринимала массу действий для создания припонов предпринимателю. Обращалась в управляющую компанию с жалобой, и в прокуратуру, и в Роспотребнадзор, и прочие структуры. Помимо этого женщина наносила имущественный вред магазину, так как каждый раз сбивала вывеску магазина, как только строители устанавливали ее на место. Этот случай можно было бы считать курьезным, если бы не реальные финансовые убытки, которые нес предприниматель в связи с этими событиями, к тому же откладывалось открытие магазина. В результате было принято решение пойти на сотрудничество с соседкой. Ей был сделан ремонт балкона с установкой пластикового стеклопакета. Конфликт не просто был исчерпан, более того, соседка стала дополнительной бдительной охраной магазина и прилегающей парковки.

В связи с этим хочется подчеркнуть, что малый бизнес в силу своей определенной уязвимости для внешних воздействий особенно нуждается в построении упорядоченной системы взаимодействия со всеми группами стейкхолдеров.

Оценка эффективности хозяйственной деятельности предприятия, использующего интернет технологии

Егорова Алена Юрьевна, ассистент, кафедра Математики и бизнес-информатики
ФГБОУ ВПО «Самарский государственный университет»

Аннотация. *Постоянный мониторинг хозяйственной деятельности позволяет руководству предприятия оперировать актуальной информацией при анализе состояния внешней и внутренней среды. Это применимо как к традиционному (оффлайн) бизнесу, так и к набирающему обороты в России, за последние несколько лет, интернет-бизнесу. В настоящее время компаниями активно привлекаются программисты для создания сайтов в сети Интернет и разработки приложений для смартфонов. Таким образом, они выводят свой товар на новый рынок – рынок интернет-продаж, в рамках которого также необходимо проводить анализ эффективности хозяйственной деятельности.*

Ключевые слова. *Интернет-бизнес, интернет-коммерция, эффективность, предприятие, интеграция предприятия в Интернет.*

Evaluation of operations business in internet

Egorova Alena Y., Assistant Professor, Department of Mathematics and Business Informatics
VPO "Samara State University"

Annotation. *Constant monitoring of private economic activity is one of the main objectives of the company's management. This applies both to the traditional (offline) business, and to gain momentum in Russia over the past few years, the Internet business. Therefore, in the interests of the management company is not only well-versed in the mechanism of development of the site and have the skills to assess the effectiveness of the integration of the Internet to further optimize and improve the ongoing management of the system.*

Keywords. *Internet business, internet commerce, efficiency, enterprise integration enterprise Internet.*

Расходы россиян на покупки товаров в интернет-магазинах в 2014 году составили 645 миллиардов рублей (560 млрд. рублей — российский рынок, 85 млрд. рублей — зарубежный интернет-продавец) [2].

Так генеральный директор IT-холдинга DZ Systems Дмитрий Завалишин, считает, что «в настоящий момент крупные традиционные бизнесы начинают выходить в интернет и организуют там каналы продаж» [2]. Интеграция деятельности предприятия в среду Интернет становится стратегической и необходимой целью. Так президент холдинга KupiVIP.ru Оскар Хартманн утверждает, что «сегодня интернет и рынок онлайн-ритейла продолжают развиваться, но только медленными темпами».

По данным интернет-портала для поставщиков и продавцов retail.ru предприятия малого и среднего бизнеса активно занимают нишу интернет-торговли, открывая свои магазины в Сети. Так в первом полугодии 2014 года их количество увеличилось на треть в сравнении аналогичным периодом прошлого года.

На рынке наблюдается ситуация, когда человек приходит в магазин, узнает все характеристики товара (модель, цвет, размер и другое), а затем совершает покупку в интернет-магазине по более доступной цене.

В 2015 году россияне начали отказываться от покупок в зарубежных интернет-магазинах, доставляющих товары из США и Европы [3].

Среди причин такого потребительского поведения можно выделить следующие:

- низкий уровень рубля по отношению к доллару и евро;
- таможенные ограничения на вес и стоимость товаров личного пользования, доставляемых перевозчиками либо пересылаемых в международных почтовых отправлениях в адрес физического лица в течение календарного месяца;
- нестабильные экономические и политические отноше-

ния между Россией и Европой. Как сообщает немецкое издание Die Welt со ссылкой на данные Австрийского института экономических исследований (WIFO), страны ЕС рискуют лишиться из-за антироссийских санкций и ответных мер Москвы примерно 100 млрд. евро и более 2 млн. рабочих мест [10].

В таких условиях развитие интернет-представительства российских компаний будет только укрепляться.

Выход компании на интернет-рынок обуславливается желанием реализовать такие цели как:

- 1) расширение пользовательской аудитории;
- 2) проведение анализа предпочтений потребителей;
- 3) решение коммуникационных проблем, получение обратной связи от потребителей;
- 4) решение информационных проблем;
- 5) расширение площадки рекламы;
- 6) сокращение затрат, присущих оффлайн бизнесу;
- 7) сокращение ограничений в распространении продукции — легче решается вопрос границ и уплаты налогов других государств;
- 8) возможность круглосуточных продаж;
- 9) получение подробной статистики о поведении посетителей сайта;
- 10) расширение маркетинговых функций и другие.

При внедрении интернет-технологий положительным эффектом может являться возможное увеличение прибыли предприятия. Это происходит за счет повышения имиджа торговой марки компании, продвижения товаров и услуг в сети, формирования нового канала распространения продукции, улучшение сервисного (пред- и послепродажного) обслуживания потребителей.

В практике в зависимости от степени интеграции предприятия в Интернет выделяют модели, представленные на рис. 1.

Рис. 1. Модели интеграции предприятий в Интернете

То есть по степени интеграции можно выделить следующие уровни:

- 1) сайт для внутренней работы, то есть разработка внутренней информационной среды
- 2) сайт-визитка (создание информационно-имиджевого сайта)
- 3) рекламный сайт
- 4) продающий сайт

Модель бизнес для бизнеса (Business-to-business (B2B)) — сектор рынка, ориентированный на организацию взаимодействия между компаниями в процессе производства и продажи товаров (услуг). К сектору B2B относятся электронные биржи, корпоративные аукционы, информационные системы предприятий, нацеленные на организацию поставок и продаж, согласование контрактов и планов между корпоративными клиентами, системы интернет-

банкинга, интернет-страхование.

Модели бизнес для потребителя (Business-to-customer (B2C)) – сектор рынка, ориентированный на работу с конечными физическими потребителями товаров или услуг. Сектор B2C образуют интернет-магазины, потребительские аукционы, интернет-услуги по страхованию физических лиц.

По данным InSales.ru, в 2014 году работало около 43 тысяч розничных интернет-магазинов, в которых совершаются заказы. По сравнению с 2013 годом существенно

увеличилось число закрывающихся интернет-магазинов. Общий объем рынка интернет торговли в 2014 году составил 612 млрд. рублей, рост по отношению к прошлому году составил 31%. Рост рынка замедлился относительно прошлых лет. Инфляционный рост в конце 2014 года заметно повлиял на общий рост объема рынка, скомпенсировав снижение темпов роста общего числа заказов.

На рис. 2 представлены объемы рынка и прогнозные значения составленные на основе данных InSales.ru.

Рис. 2. Объемы рынка и прогнозные значения объемов интернет-рынка

Первые 5 мест по обороту продаж на интернет площадках в 2014 году вошли следующие сегменты:

- Электроника и бытовая техника (147 млрд. рублей);
- Одежда и обувь (93 млрд. рублей);
- Компьютеры, ноутбуки, комплектующие (68 млрд. рублей);
- Автозапчасти (38 млрд. рублей);
- Мобильные телефоны (32 млрд. рублей) [6].

Наиболее быстрорастущими по числу заказов категориями в 2014 году стали одежда и обувь.

В российском сегменте интернета (Рунете) на данный

момент присутствует порядка 100 тысяч сайтов, на которых есть раздел Заказа. Однако реально работающих интернет-магазинов (то есть тех, где проявлялась активность покупок) в 2014 году было около 43 тысяч.

По количеству заказов магазины можно разделить на 4 группы:

- Крупные (более 1000 заказов в сутки);
- Средние (более 50 заказов в сутки);
- Малые (более 10 заказов в сутки);
- Микро (менее 10 заказов в сутки).

	Число магазинов	Средний годовой оборот магазина	Общий оборот
Большие	50	4 000 000 000	200 000 000 000
Средние	950	200 000 000	190 000 000 000
Малые	6500	20 000 000	130 000 000 000
Микро	35400	2 600 000	92 040 000 000

Рис. 3. Оборот интернет-магазинов в России

По сравнению с 2013 годом можно отметить увеличение числа больших магазинов в связи с ростом магазинов и переходом в более высокий раздел классификации. Также увеличился и средний годовой оборот больших магазинов. Среди микро-магазинов можно отметить тенденцию к расслоению: около трети микро-магазинов практически не получали заказы, однако средний годовой оборот микро-магазинов вырос по сравнению с 2013 годом за счет роста среднего чека и числа заказов в магазинах с 5-10 заказами в сутки.

Наибольший прирост числа магазинов в 2014 году произошел в категориях Товары для дома, Стройматериалы, Оборудование и Подарки. В данных категориях число магазинов увеличилось на 15-25% по сравнению с 2013 годом. Это связано с увеличением спроса в данных категориях (можно отметить, что данные категории являются и лидерами по росту оборота в 2014 году) [6].

Уменьшение числа магазинов (превышение числа закрытых над вновь открывшимися) в 2014 году отмечалось в категориях: Электроника и бытовая техника, Цветы, Компьютеры и ноутбуки. Большое число магазинов за-

крылось в категории Детские товары, однако оно практически было скомпенсировано открытием такого же числа новых.

При результатам данной статистики можно говорить о важности проведения оценки эффективности хозяйственной деятельности предприятия в интернете. Показатели результатов деятельности в сети отличаются от применяемых в традиционном бизнесе.

Оценка модели интеграции, в соответствие с проводимой политики, обычно проводится в следующих областях:

- Экономическая
- Организационная
- Маркетинговая

Так расчет экономических параметров позволяет дать оценку экономической эффективности выбранного варианта интеграции. Для расчета экономической эффективности определяют основные статьи затрат на интеграцию и работу в сети, а также статьи снижения расходов за счет использования интернет-технологий.

Таблица 1. Виды экономических затрат при интеграции в сеть Интернет

Единовременные	Эксплуатационные
Прединвестиционные затраты	Оплата услуг хостинга
Затраты на приобретение необходимого оборудования и ПО	Заработная плата обслуживающего персонала
Вложения по организации линий связи и сопутствующее оборудование	Амортизационные отчисления
Инвестиции на подготовку и переподготовку кадров	Сотрудничество с сторонними организациями по развитию интернет-проекта
	Прочие затраты

Источники экономии определяются в зависимости от выполняемых web-сервером функций. Снижение издержек возможно следующими путями:

- За счет уменьшения затрат на печатные виды продукции, на телефонные переговоры (предоставление данных услуг по средствам сети)

- Уменьшение затрат на оплату труда торгового персонала и аренду торговых помещений.

В качестве показателя общей экономической эффективности используемого варианта интеграции предприятия в среду Интернет, применяют следующий параметр:

$$\Xi = \frac{E_{II}}{E_3}$$

Где E_{II} - результат интеграции предприятия в среду Интернет;

$E_3 = \mu * K + c$ - затраты на разработку и эксплуатацию системы;

μ - нормативный коэффициент эффективности капитальных вложений;

K - суммарные капитальные вложения на проектирование системы и ее реализацию;

c - эксплуатационные расходы

В случае, если капитальные и ежегодные затраты происходят в разные моменты времени их необходимо привести к одному году эксплуатации, применяют следующую формулу

$$K_t = \frac{K}{(1 + \mu)^t}$$

При оценке организационных параметров получают данные об эффективности отдачи от интеграции новых способов построения деятельности компании в сети, степени совмещения выполнения различных функций новой и существующей информационными структурами и степени интегрированности новой системы с существующей деятельностью предприятия.

Основные показатели – параметр интеграции и параметр степени интегрированности новой системы с существующей деятельностью предприятия:

$$\Pi_H = \frac{\sum_{i=1}^n P}{\sum_{j=1}^n P_0}$$

P – число функций, выполняемых совместно как существующей, так и новой информационной системой;

P_0 - общее число функций, которые могут быть совмещены существующей и новой информационными систе-

мами.

$$\Pi_o = \frac{\sum_{i=1}^n P_M}{\sum_{j=1}^n P_{общ}}$$

P_M – число функций, поддерживаемых с использованием Интернета;

$P_{общ}$ - общее число функций на предприятии в целом.

Маркетинговые параметры позволяют рассмотреть эффективность проведения маркетинговой программы реализации и продвижения web-сервера в среде Интернет и эффективность использования инструментов маркетинга. К таким параметрам можно отнести следующие:

- Эффективность входов на сервер (эффективность использования различных источников привлечения посетителей на сайт).

$$\Pi_{вх} = \frac{S_i}{S_0}$$

S_i - количество посетителей, воспользовавшихся i-м источником привлечения;

S_0 - общее количество посещений сервера.

- Оценка посещаемости web-страниц сервера (отражает популярность сервера).

$$\Pi_{СТР} = \frac{S_{СТРi}}{S_0}$$

$S_{СТРi}$ – количество посетителей i-ой страницы ресурса.

- Эффективность баннерной (текстовой) рекламы.

$$\Xi_{РЕК} = \frac{S_{БАНи}}{S_{СТРi}}$$

$S_{БАНи}$ - количество посетителей кликнувших на баннер.

- Эффективность преобразования посетителей сайта в покупателей.

$$\Xi_{ПРЕО} = \frac{S_{ПОТР}}{S_0}$$

$S_{ПОТР}$ – количество посетителей, совершивших покупку в интернет-магазине.

На основе полученных результатов оценки эффективности деятельности предприятия в сети проводится корректировка и совершенствование реализуемой системы интегрирования компании в Интернете.

Литература:

1. Рублевская Ю.В. Моделирование бизнеса в Интернет-среде. Журнал «Маркетинг в России и за рубежом» №2, 2001.
2. Интернет в России и мире. Электронный ресурс. URL: <http://www.bizhit.ru>
3. Юзбекова И. «Россияне начали отказываться от покупок в интернет-магазинах США», статья от 20.01.2015. http://top.rbc.ru/technology_and_media/20/01/2015/54be6b2c9a794733d6da46f5
4. Цуканова О. А., Варзунов А.В. Сетевая экономика: учебное пособие. — Спб.: НИУ ИТМО, 2012. — 76 с.
5. Чередниченко Ю. Маркетинг в Интернете. Сайт, который зарабатывает. Спб.: Питер, 2012. — 176 с.
6. Аналитический бюллетень INSALES 2015: рынок интернет-торговли в России в 2014 году. Электронный ресурс. URL: <http://www.insales.ru/blog/2015/05/20/analytical-bulletin-insales-2015>.
7. Иванов А. «Инвестиционная игла: почему интернет-торговля оказалась в кризисе», статья от 29.05.2015. <http://www.forbes.ru/svoi-biznes-column/master-klass/289909-investitsionnaya-igla-pochemu-internet-torgovlya-okazalas-v-k>
8. Бугорский В.Н. Сетевая экономика: учеб. пособие. М.: Финансы и статистика, 2008. — 256 с.
9. Зубарева И. «Покупателей затягивает в Сеть». Статья от 03.02.2015. <http://www.rg.ru/2015/02/03/torgovlya.html>
10. Европейские экономисты оценили ущерб для ЕС от санкций в €100 млрд. Статья от 19.06.2015 URL: <http://top.rbc.ru/economics/19/06/2015/558370d09a79477f1e0e53e1>

Методологические подходы к определению стабильности финансовой системы

Завгородняя Виктория Владимировна, кандидат экономических наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве РФ

Статья посвящена рассмотрению проблем методологического обоснования исследования стабильности финансовой системы. Автором рассмотрена европейская система интегрированных счетов в качестве основной методики исследования. На основании системы национальных счетов выделены звенья финансовой системы и предложены показатели анализа стабильности каждого звена.

Ключевые слова: финансовая система, методология исследования, стабильность финансовой системы, звенья финансовой системы, показатели анализа стабильности финансовой системы, система национальных счетов.

В современных экономических условиях России, одним из факторов, обеспечивающих реализацию стратегии экономического роста, должна стать стабильно функционирующая финансовая система. Учитывая влияние процессов международной глобализации, в том числе и финансовой, к современной финансовой системе предъявляются требования стабильности и устойчивости к влиянию негативных внешних факторов.

Характер влияния внутренних национальных факторов в определенной степени так же определяется международными тенденциями. Это наглядно демонстрируется всеми мировыми кризисами, в частности финансовым кризисом 2008 года. Когда финансовый кризис, начавшись в одной стране, распространился на финансовые системы других стран. Наибольшей опасности в подобных условиях подвергаются страны с развивающимися экономиками, в том числе и Россия.

Помимо опасности распространения кризисных явлений между финансовыми системами разных стран в условиях глобализации, опасность для стабильности и устойчивости финансовой системы России представляют на сегодняшний день экономические и финансовые санкции, введенные западными странами в отношении России. При этом мотивы введения антироссийских санкций являются политическими, а не экономическими.

Помимо внешних факторов, определяющих нестабильность финансовой системы России, существуют внутренние факторы, связанные с особенностями функционирования национальной экономики [1, с.16]. Основу российской экономики по-прежнему составляют природные богатства и в большей степени — углеводородное сырье. Что определяет основные риски функционирования российской экономики.

Так во второй половине 2014 года, в результате паде-

ния мировых цен на нефть, российская экономика пережила серьезные потрясения: ослабление рубля по отношению к доллару и евро, рост инфляции, снижение доходов федерального бюджета. Ситуация усугублялась общим ухудшением мировой экономической конъюнктуры, введением санкций в отношении российских банков и компаний, а также ответных мер со стороны России.

Девальвация национальной валюты привела к увеличению оттока капитала из России, в том числе за счет высокого спроса юридических и физических лиц на иностранную валюту. Ухудшение ситуации на денежном рынке привело в свою очередь к сокращению объемов вкладов населения в банках и росту процентов по кредитам.

Сырьевая основа российской экономики негативно сказывается на устойчивости бюджетной системы. Резкое падение мировых цен на нефть в конце 2014 году привело к сокращению нефтегазовых доходов федерального бюджета в виде налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) в виде углеводородного сырья и вывозных таможенных пошлин на нефть и нефтепродукты [2, с.126-127].

Нефтегазовые доходы федерального бюджета также не показали роста в 2014 году. Из этого можно сделать вывод, что на фоне роста инфляции, расширения налоговой базы в стране не происходит, а значит, нет и источников пополнения федерального бюджета. При таких условиях высокая зависимость федерального бюджета от мировых цен на нефть сохраняется, а, следовательно, сохраняется риск устойчивости бюджетной системы РФ.

В подобных условиях особая роль в развитии экономики должна принадлежать финансовой системе страны, которая обеспечивает распределение определенной части доходов государства, предприятий и населения.

Однако на сегодняшний день актуальными остаются

вопросы научного исследования и обоснования методологии определения стабильности финансовой системы страны.

Следует отметить, что на сегодняшний день наиболее обоснованными можно считать исследования Международного валютного фонда, направленные на определение финансовой стабильности экономики отдельного государства.

Использование методики МВФ для определения стабильности финансовой системы требует широкого применения системы национальных счетов (СНС) для определения структуры финансовой системы. А также международных стандартов формирования финансовой отчетности субъектов, представляющих элементы финансовой системы.

Система национальных счетов (СНС) представляет собой, опирающуюся на эмпирические данные систему для определения макроэкономических потоков и запасов (фондов) [3, с.25]. В основе СНС лежат сводные счета ВВП, капиталовложений, доходов и расходов государственных учреждений, домохозяйств, внешнеэкономических операций.

Первичным при анализе воспроизводства является движение ВВП как источника первичных доходов и накоплений. При перераспределении стоимости ВВП в денежной форме через бюджетную, налоговую, кредитную системы обеспечивается формирование финансовых ресурсов государства, субъектов хозяйствования, домохозяйств [4, с.293].

Применение Системы национальных счетов позволяет использовать следующую группировку секторов экономики:

- нефинансовые корпоративные предприятия;
- финансовые учреждения;
- страховые предприятия;
- органы государственного управления;
- частные некоммерческие организации;
- домашние хозяйства.

В соответствии с данной группировкой секторов экономики возможно выделение следующих звеньев финансовой системы:

1. Государственные финансы.

Данное звено соответствует сектору органы государственного управления.

Сюда включаются государственные и муниципальные финансы, государственный кредит, государственные внебюджетные фонды.

2. Финансы хозяйствующих субъектов.

2.1. Финансы нефинансовых корпоративных предприятий, производящие товары и нефинансовые рыночные услуги; предприятия, финансируемые из бюджета, но занятые производством продуктов; некоммерческие организации, которые создаются и финансируются предприятиями.

2.2. Финансы сектора финансовых учреждений (все финансовые институты, занятые финансовыми операциями на коммерческой основе, независимо от формы собственности).

2.3. Страховые предприятия — занимаются производством услуг страхования, переводом индивидуальных рисков в коллективные путем создания страховых резервов.

3. Частные некоммерческие организации оказывают нерыночные общественные услуги.

Они не финансируются государством, их ресурсы

складываются из частных пожертвований, частичной оплаты услуг, доходов от собственности и предпринимательской деятельности.

4. Финансы домашних хозяйств.

Для анализа каждого из приведенных звеньев финансовой системы, с целью определения его влияния на стабильность финансовой системы в целом, требуется сформировать систему показателей.

В качестве таких показателей возможно предложить:

1. для звена «Государственные финансы» - показатели государственных доходов, расходов, финансирования;
2. для звена «Финансы хозяйствующих субъектов» - показатели финансовых результатов (прибыль/убыток), платежей, задолженности;
3. для звена «Частные некоммерческие организации» - показатели доходов, расходов, финансирования;
4. для звена «Финансы домашних хозяйств» - показатели доходов, расходов, сбережений.

Данная система показателей требует дальнейшей детальной проработки, однако, уже сейчас возможно определить основные направления анализа финансовой системы с целью оценки ее стабильности. К таким направлениям относятся:

1. анализ тенденций макроэкономических факторов, в наибольшей степени влияющих на стабильность финансовой системы;
2. анализ показателей платежной системы страны;
3. анализ показателей финансового рынка, в наибольшей степени характеризующих финансовые риски.

Применение системы национальных счетов для анализа стабильности финансовой системы должно дополняться методиками формирования и оценки различных показателей, формируемых МВФ и Росстатом.

В частности Росстат формирует следующие методики: Единая система показателей статистики финансов на основе бюджетной классификации РФ, порядок разработки и представления данных по ВВП, методика расчета индекса физического объема промышленной продукции и др.

МВФ использует следующие методики для оценки стабильности финансовой системы:

1. Методика составления платежного баланса.
2. Методика оценки долговой устойчивости государства.
3. Методика определения рейтинга независимости финансовой системы.
4. Методика мониторинга финансовой стабильности государства и др.

Таким образом, не смотря на уже существующую методологическую базу исследования стабильности финансовой системы, эта научная проблема на сегодняшний день остается актуальной.

Также актуальными остаются вопросы теоретического обоснования категории «стабильность (устойчивость) финансовой системы». Ряд российских ученых рассматривают данную проблему, например, Ишина И.В. дает следующее определение устойчивости финансовой системы: «Устойчивость финансовой системы — это способность эффективного функционирования всех каналов формирования, распределения и перераспределения финансовых ресурсов между всеми субъектами экономики для достижения целей стратегического развития в условиях вызовов различного характера» [5, с.14].

Однако, на наш взгляд, лучше использовать термин «стабильность финансовой системы», под которым мы понимаем степень отклонения показателей финансовой

системы от базового (запланированного) уровня.

Именно поэтому, важно сформировать методологическую основу для изучения стабильности финансовой си-

стемы, которая включала бы в себя систему взаимосвязанных показателей функционирования отдельных звеньев финансовой системы и методики их анализа.

Литература:

1. Завгородняя В.В. Закономерности взаимодействия социально-экономических подсистем на примере Омской области. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Москва, 2009. — 25 с.
2. Марзаев А.В., Молчанова Н.П., Киселева Т.Ю., Рябова И.С., Завгородняя В.В., Молчанов И.Н., Чернов А.Ю., Дзусова С.С., Долина О.Н., Гузь Н.А. Теория и практика финансов некоммерческих организаций: коллективная монография. — М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2015. — 172 с.
3. Саблина Е.А. О методических вопросах определения рейтинга финансовой независимости // Вопросы статистики. — 2011. — № 11. — С.24-26.
4. Гузь Н.А., Завгородняя В.В. Финансовый механизм образовательных учреждений, перспективы внедрения новых форм финансирования // Аудит и финансовый анализ. - 2014. - № 6. - С. 292-295.
5. Ишина И.В. Формирование национальной финансовой системы в современных экономических условиях // Аудит и финансовый анализ. - 2014. - № 2. — С.11-21.

Проблемы антикризисного управления: поведенческие аспекты

Зуб Анатолий Тимофеевич, доктор философских наук, профессор
факультет государственного управления
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

В настоящее время не существует общепризнанных критериев эффективности антикризисного управления (АКУ). Однако, как нам представляется, проблема эффективности может быть решена посредством построения баланса сильных и слабых сторон АКУ в аспекте организационного поведения, что, разумеется, можно сделать после того, как организация успешно преодолела кризис и идет процесс анализа и оценки действий как отдельных лиц, уполномоченных принимать решения по АКУ, так и подразделений и организации в целом.

В общем виде сильные стороны поведения в АКУ могут быть отмечены как способность индивидов, подразделений и организации в целом к саморазвитию, самообучению, возможности в будущем, на основе прошлого опыта, выстраивать все более эффективные стратегии преодоления кризиса на базе полученного в ходе АКУ опыта, приобретению возможности в будущем, на основе прошлого опыта. С другой стороны, слабые стороны определяются вполне понятным сопротивлением людей перспективе продолжить жить в «мобилизационном» режиме, и далее «затягивать пояса» по призыву руководства, объясняющего все это необходимостью преодоления угрозы второго и последующего кризисов.

Таким образом, реакция людей на кризисы определяется, в конечном счете, не уровнем ясности, четкости, логичности, системности антикризисных мер, предложенных руководством, а эмоциями, настроениями, иррациональной верой людей в чудесное избегание последующих кризисов, а также особенностями национального характера, что прекрасно было продемонстрировано японцами во время кризиса, порожденного мартовским (2011) землетрясением, когда наблюдатели изумлялись почти полным отсутствием паники, массовой истерии и мародерства в регионах, подвергшихся разрушениям [2, с. 26].

Эмоциональный стимул к выживанию в трудные времена возник исторически, благодаря максимальному напряжению человеческих усилий и ресурсов для борьбы с каждым отдельным кризисом. После того, как кризис преодолен, люди начинают думать о будущем. В случае вторых кризисов такой эмоциональный всплеск может

помешать лидерам общества или организации строго на рациональной основе спланировать дальнейшие действия в рамках АКУ, так как всякий раз, выдвигая то или иное предложение или антикризисную меру, придется думать, какова будет эмоциональная реакция на них, в какой степени такая реакция будет влиять на авторитет и властные позиции руководства. Чтобы преодолеть это естественное сопротивление, стратегии борьбы с многочисленными и взаимосвязанными кризисами должны быть хорошо продуманы.

Представляет интерес построенная на изучении эмпирического материала работа американских исследователей Дж. Дурдена, Б. Слейда, Ч. Хо, К. О и Р. Печа, которые, изучая процесс принятия решений в АКУ, выявили ряд типичных ошибок, совершаемых менеджерами при осуществлении управления в условиях кризиса [6]. Авторы отмечают следующие из них: отсутствие системности в видении проблемы, ее изолированность от организационного контекста; недостойная квалификация в области принятия решений менеджеров высшего звена; непонимание сути антикризисных мер исполнительным уровнем; слишком жесткое планирование, ориентация на «оптимизацию» решений, не допускающую гибкость, вариабельность планов.

Английская исследовательница Б. Стамм, анализируя ошибки в принятии решений в условиях кризиса, обращает внимание на попытки обойтись прежними, хорошо рекомендовавшими себя методами в решении проблем, которые, однако, делаются абсолютно не эффективными в условиях кризиса: «Кризис — это особое состояние организации, и оно требует перестройки мышления ее руководства. Старые методы оценки ситуации и действий теряют свою эффективность. Инновационность в управлении делается решающим фактором успеха» [9, р. 115].

Рассматривая причины неэффективности принятия кризисных решений и последующего поведения, Я. Митрофф обращает внимание, прежде всего, на игнорирование слабых сигналов приближающегося кризиса, которые требуют действий, а, следовательно, и коррекции рабочих планов организации. Отказ от утвержденных

планов с целью оптимизации АКУ требует определенного мужества от руководства компании, а его-то зачастую и не хватает [7, p. 94]. Помимо этого, кризисные решения могут быть приняты вовремя, но не реализованы, так как в организации не отлажены коммуникации, адаптированные для АКУ. Они будут искажены или неверно интерпретированы получателями [7, p. 115].

Существенную для понимания особенностей кризисного поведения закономерность выделил Р. Хит. Он отмечает, что «часто эмоциональное отношение к действительности во время кризиса — переживания, чувства неуверенности и страха — искажают представления любого человека о времени: ощущения и события кажутся более длительными, чем в действительности, время для человека замедляется» [3, с. 445]. Автор следующим образом объясняет механизм этого явления: «Замедление времени возникает вследствие адреналиновой усталости, общем утомлении в том случае, если люди, пережившие нечто очень впечатляющее, пытаются рассказать все по порядку. Их мозг воспринял, записал, обработал и отреагировал на слишком большой объем раздражителей, поэтому им трудно упорядочить полученные данные по временной последовательности... Внезапные события часто парализуют людей и животных, и секунды превращаются в миллисекунды. Ускорение времени более характерно для кризисных менеджеров» [3, с. 446].

В литературе встречается требование гибкости реакции во время кризиса. При этом имеется в виду, что принятые во время кризиса решения должны легко подвергаться корректировке, так как среда развития кризиса обычно отличается чрезвычайной лабильностью, нестабильностью и требует корректировки решений и действий, иногда весьма существенных, вплоть до отказа от принятого плана действий. На это обстоятельство, в частности обращают внимание Дж. Кларк и М. Хартман [5, p. 40]. Менеджеры, не развившие навык принятия решений в условиях дефицита времени и информации могут впадать в «интеллектуальный паралич», отвергая любые варианты решений, как недостаточно хорошие, однако ничего не предлагая взамен. Это опасная для АКУ ситуация, часто требующая радикальных мер со стороны вышестоящих менеджеров или собственников.

Эти же авторы обращают внимание на проблему резкого замедления процесса принятия решения на рациональной основе, которая, очевидно, связана с временными aberrациями, отмеченными Р. Хитом. Здесь возникает противоречие между требованиями принимать решения быстро и в то же время качественно, используя интеллектуальный капитал группы и в то же время авторитарно (так быстрее!). Импульсивные решения в ответ на угрозы могут породить новые кризисы. Дж. Кларк и М. Хартман приводят пример, когда руководство фирмы приняло решение переехать в другой офис после пожара в прежнем здании. Речь шла о том, чтобы как можно быстрее начать работу, так как каждый день задержки сокращал количество клиентов фирмы на несколько единиц, поэтому было принято импульсивное решение переехать в первое же более или менее подходящее помещение. Но решение оказалось роковым, так как из-за масштабных работ по реконструкции дороги, начавшихся буквально на следующую неделю после переезда, подъезд к офису оказался заблокированным, что привело к еще большему оттоку клиентов [5, 42].

Важную проблему, связанную с поведением организа-

ционных стейкхолдеров во время кризиса поднимает американский исследователь Дж. Эйкен. Он обращает внимание на роль (роли) стейкхолдеров организации в принятии решений и как участников этого процесса (например, оценки и отбора альтернатив) и в качестве арбитров, выносящих свое суждение относительно в целом процедуры принятия решений и качества принятых решений. Он пишет: «При принятии решения очень важно понимать правила игры и требования (ожидания) акционеров, руководителей, государства, партнеров и поставщиков. Я видел, как решения принимались без учета этих факторов, и их публикация приводила к скандалам и еще большим проблемам. В период кризиса наша задача — выжить, а не накликать новые трудности» [4, с. 73].

Еще одну типичную ошибку АКУ поведенческого плана выделяет Я. Митрофф, называя ее «русская рулетка»: руководители тратят много времени и ресурсов на подготовку к кризисам. Однако они «так зациклены на традиционном кризисном планировании, разборе многочисленных сценариев, что когда случается кризис, не вписывающийся нив один из этих сценариев, они теряются до такой степени, что не знают, с чего начать» [8, p. 44]. Я. Митрофф предлагает в качестве профилактики организовывать подготовку к принятию решений в условиях кризиса на основе «техники случайного выбора», т.е. из всего множества возможных кризисных событий, как бы велико оно не было, выбирать события случайным образом, без использования каких-либо критериев, типа большей или меньшей вероятности события.

Рассмотрев и проанализировав эти и подобные высказывания, попытаемся их обобщить, опять же имея в виду, что разнообразие реальных проблем и трудностей превосходит возможности любого обобщения.

1. *Выдвижение абстрактно правильных, но не реализуемых на практике идей.* Обычно это замечательные, универсально правильные идеи, типа: «Необходимо существенно снизить издержки», или «Наша реклама должна быть более действенной», или «Рост производительности труда — важная антикризисная мера». Такие идеи часто можно услышать на совещаниях, посвященных преодолению кризиса. Все с ними соглашаются, и все понимают, что за этими заявлениями не последует действий именно в силу их абстрактной правильности.

Преодолеть это затруднение можно путем развития и конкретизации абстрактно правильных положений. Однако последнее требует высокой управленческой квалификации менеджеров как «решателей» проблем в условиях кризиса, что на практике встречается не часто. Отчасти помочь разрешить это затруднение могут специальные антикризисные тренинги, направленные на то, чтобы развить навык доведения абстрактно-правильных суждений до планов конкретных действий.

2. *Негибкое, одностороннее восприятие проблемы, угрожающей кризисом.* Это положение связано с хорошо изученными в психологии феноменами шаблонного мышления. Одним из широко встречающихся феноменов односторонности суждений при принятии решений является якорный эффект. Суть его состоит в том, что при оценивании вероятности тех или иных событий, угрожающих кризисом, менеджеры свою оценку произвольно связывают с оценкой совершенно других событий, которое не имеют отношения к актуальным кризисным угрозам для организации или даже к событиям, произошедшим случайным образом. Последние играют роль как бы «якоря» удержи-

вающего все возможные суждения в рамках определенного логического круга, обозначенного таким «якорем». Люди же не подозревают о существовании «якоря» и подгоняют оценки ситуации и альтернативы решения под этот «якорь».

Якорный эффект — явление, которое часто встречается в принятии антикризисных решений. Здесь в качестве якоря могут выступать показатели, характерные для «спокойного», докризисного этапа развития. Если на них ориентироваться при разработке критериев оценки преодоления кризиса, то можно получить нереалистичные ориентиры, которые будут скорее мешать, чем способствовать антикризисному управлению. Например, выход на 70-ти процентный уровень послекризисных продаж может оцениваться как провальный результат или как выдающийся, с учетом того, что никто из конкурентов не достиг и 50-ти процентного результата («якорь» — пятидесяти процентное восстановление). Таким образом якорный эффект может использоваться в рекламных, пропагандистских целях, для привлечения инвестиций и т.д. Однако он не является хорошим средством для принятия антикризисных решений, и от него необходимо защититься. Для этого нужно рационально, критически рассматривать любую альтернативу, даже если она выглядит привлекательно и многообещающе.

3. *Неготовность действовать во время кризисных угроз.* Если перспектива кризиса воспринимается как маловероятное событие, или как такое, последствия которого неприятны, но не существенны для нормальной работы организации, имеет место недооценка важности и значения АКУ. На практике это проявляется в том, что должностные лица в организации практически не тратят времени и ресурсов для анализа ситуации, прочтения сценариев неблагоприятного развития событий и подготовке антикризисных мер. То есть они не видят необходимости тщательно готовиться к работе в условиях кризиса.

Часто менеджеры с таким отношением к АКУ выглядят энергичными и деловыми, инициативными и самостоятельными в принятии решений, но практически на уровне подсознательного отвергают перспективу кризиса, выталкивая ее на периферию сознания, точно так же, как большинство людей не любят думать о неприятном для себя будущем. Такой поведенческий или ментальный тип составляет проблему для АКУ: когда на ответственных совещаниях по мероприятиям кризисного управления распределяются функции и роли, такие люди соглашаются с назначенными им заданиями, но, скорее всего, под разными благовидными предлогами будут игнорировать свои обязательства.

4. *Боязнь провала.* Такая боязнь вызвана недостатком уверенности в себе и в отказе предпринимать какие-либо рискованные действия, а также в неготовности нести возможные потери. В той или иной мере такое психологическое состояние возникает практически у всех людей (например, перед важным и ответственным экзаменом). Главное, чтобы боязнь провала не снизила качество принимаемых решений, а то и не парализовала способность их принимать, что нечасто, но случается и среди менеджеров. Если на первый план выходит забота об избегании неудачи, то качество антикризисного управления будет низким, так как АКУ, по определению, высокорисковое предприятие. Поэтому в АКУ ценятся люди с позитивным зарядом, оптимистически настроенные, способные воодушевлять и морально поддерживать окружающих.

5. *Ограничения со стороны стиля принятия решений и организационных ценностей.* Здесь речь должна идти об отношении к внутренним и внешним стейкхолдерам компании в плане учета их интересов при проведении тех или иных антикризисных мероприятий. В условиях кризисных угроз и непосредственно действий по преодолению кризиса персонал организации, особенно специалисты, эксперты, аналитики, финансисты, системные администраторы и др. внутренние стейкхолдеры являются важными игроками, от поведения которых зависит успех в преодолении кризиса. Необходимо помнить, что этот контингент является источником знаний о кризисных угрозах, первым узнает о реальной картине происходящего и готов активно действовать в своих собственных интересах. Нередко эти интересы приводят к увольнению наиболее ценных, квалифицированных сотрудников, которые обычно не испытывают трудностей с последующим трудоустройством.

Организационные ценности, приверженность им во время кризиса, принятие антикризисных решений на их основе — главные послылы внешним стейкхолдерам, прежде всего инвесторам, держателям акций и облигаций, поставщикам, дистрибьюторам, органам государственного и местного управления, представителям общественности. Здесь организация должна принимать такие решения, которые демонстрируют готовность чем-то жертвовать в интересах стейкхолдеров, проявлять лояльность по отношению к их интересам и, обязательно, приверженность принципу, что высшей ценностью для организации в ее антикризисных усилиях являются интересы ее клиентов и покупателей.

6. *Стойкая приверженность старым методам управления и шаблонное мышление.* Это явление более часто называют консерватизмом. Консерватизм в управлении означает опору на хорошо зарекомендовавшие в прошлом методы управления, многократно проверенные на практике. Консервативное мышление является надежным заслоном от авантюризма и волонтаризма, который может наносить ущерб организации и даже вызывать кризис, как говорится, «на ровном месте», чему имеется множество свидетельств, особенно в политическом управлении. С другой стороны, источником кризиса может быть и слишком усердное следование шаблонам, неспособность воспринимать новые методы производства и управления, что в случае бизнеса может подорвать конкурентоспособность организации.

7. *Коррекция планов для соответствия реальности.* Это положение можно прокомментировать следующим образом. Каждая организация (в идеале) имеет стратегический или бизнес-план, рассчитанный на довольно длительный срок (обычно от года и более). Общий стратегический план, дополненный и детализированный планами для отдельных функциональных направлений, подразделений организации в совокупности с оперативными планами является продуктом напряженного интеллектуального управленческого труда плановиков, менеджеров разных уровней управления, специалистов, и поэтому он представляет ценность для многих людей в организации. Появление кризисных сигналов ставит под вопрос как отдельные положения стратегического плана, так и план в целом. Таким образом возникают дополнительные препятствия для «чтения» слабых сигналов и для игнорирования сигналов уже достаточно очевидных, ибо признание угроз требует немедленного отказа от ориентации на утверждаемый план и выработку нового, антикризисного. Преодолеть эту угрозу мож-

но посредством создания гибких планов, использование метода сценарного планирования, когда предусматриваются конкретные решения (например, «Вариант А», «Вариант Б» или «Вариант В») для наступления тех или иных кризисных событий.

8. *Чрезмерная самоуверенность*. Здесь речь идет о неспособности видеть новые факты, оценивать суждения, идущие вразрез с собственным мнением. Такое поведение отнюдь не является свидетельством низкой культуры принятия решений или, более общё, низкой управленческой культуры в целом, но скорее, как закономерность, поро-

даемая «мягкими» проблемами, перспективы решения которых сталкиваются с высокой степенью неопределенности, обусловленной «человеческим фактором» — настроениями, привычками, стереотипами, интересами людей.

Подводя итог, отметим, что эффективность АКУ, осуществляемого в данной, конкретной организации во многом будет определяться умением ее руководителей понимать мотивы человеческого поведения — как индивидуального, так и группового, — и учитывать их при принятии анти кризисных решений.

Литература:

1. Зуб А.Т. Антикризисное управление. М.: Юрайт. 2013.
2. Иванов А. Японию ждут политические потрясения // Эксперт, № 11 (745). 21-27 марта 2011. С. 26.
3. Хит Р. Антикризисное управление для руководителей и менеджеров. М.: Лори. 2004.
4. Эйкен Дж. Кризис — остаться в живых! М.: Альпина бизнес букс. 2009.
5. Clark J., Hartman M. On crisis management and rehearsing a plan // Risk management. Vol. 51, No 5. 2004. May. P. 40-49.
6. Durden G., Slade B., Ho Ch., K. Oh., Pech R. Crisis decision making. N.Y.: Nova Science Publ., 2010.
7. Mitroff I. Managing crises before they happen. N.Y.: AMACOM, 2001.
8. Mitroff I. Think like a sociopath, act like a saint // Journal of business strategy. 2004, Vol. 25. No 5. Pp. 38-52.
9. Stamm von, B. Managing innovation, design and creativity. L.: John Wiley & Sons, 2008.

Торговые отношения стран БРИКС и возможности расширения взаимных торговых связей

Линкевич Вероника Павловна, студент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В настоящее время самыми перспективными в мире странами для бизнеса, по мнению многих аналитиков, являются Бразилия, Россия, Индия и Китай и Южно-Африканская Республика, или так называемые страны БРИКС.

Выгодное положение стран БРИКС обеспечивает им наличие большого количества важных для мировой экономики ресурсов.

Бразилия богата сельскохозяйственной продукцией. Также обладает богатейшими, хотя еще не достаточно разведанными залежами полезных ископаемых: железной руды, марганцевых руд, бокситов, никеля, урановой руды, вольфрама, золота, циркония, тория.

Россия — крупнейший в мире экспортер минеральных ресурсов (в первую очередь — нефти и газа), угля, железа, кобальта, золота и серебра[1]

В Индии и Китае — дешевые трудовые и интеллектуальные ресурсы. ЮАР много разнообразных ископаемых: алмазов, золота, марганцевых и железных руд. Китаю и Индии удалось изменить природу производства товаров. Раньше промышленность была сосредоточена главным образом на производстве низко технологичных товаров, в то время как сейчас производство сосредоточено на high-tech продукции. Бразилия и Южная Африка так же были свидетелями подобных изменений, хотя и менее радикальных. В отличие от стран-партнёров, в России главной статьёй экспорта остаются нефтепродукты.

Влияние стран БРИКС на мировой товарооборот растет. За последние 10 лет доля стран БРИКС в международной торговле возросла в 2,3 раза до 15,4%. Развитые страны продолжают терять свои позиции.

Что касается международной торговли, то если тенденция сохранится, как в период с 2000 по 2009 год, то через десять лет или около того, на развивающиеся страны будет

приходиться более половины мировой торговли. В настоящее время в странах БРИКС аккумулируется 40% золотовалютных резервов и реализуется 45% глобальной торговли. Экономика БРИКС обходит показатели ЕС: по итогам 2010 г. ВВП БРИКС составил \$12,7 трлн. против \$12,2 трлн. еврозоны. По прогнозам МВФ, к 2012 г. БРИКС по размеру ВВП обгонит США: \$15,91 трлн. против \$15,88 трлн[2]

Лидирующее место по динамике роста товарооборота в настоящее время занимают страны БРИКС (102% за 5 лет), развитые страны нарастили показатель лишь на 29% за тот же период, что ниже среднемирового значения в 43%.

На протяжении всей истории существования БРИКС половина ее взаимного агрегированного экспорта (более 296 млрд долл. США на конец 2014 г.) приходилась на Китай (53,5%) [3]. Безусловно, так называемый эффект высокой базы ВВП КНР и самые высокие в группе темпы роста внешней торговли со странами объединения оказали прямое влияние на пропорции межстранового обмена БРИКС. Кроме того, экспортные приоритеты каждой из стран-членов воспроизводились в торговых потоках между БРИКС — начиная с 2012 г. Китай стал крупнейшим внешнеторговым партнером Бразилии и ЮАР, для Индии — второй по объемам поставок страной назначения экспорта и первой страной происхождения импорта. В итоге около трети внешнеторгового оборота Бразилии, Индии и ЮАР сосредоточилось на Китае, у России же лишь 11% (к концу 2014 г. 18% импорта и 8% экспорта) [3].

С геополитической точки зрения подобное распределение товарных потоков внутри группы стран сопряжено как с определенными выгодами для ее субъектов, так и с обременениями в виде межстрановых торговых дисбалансов. Для участников внешнеэкономической деятельности

такие пропорции торговли между БРИКС свидетельствуют еще и о том, что сегодня каждая третья внешнеторговая сделка в этих странах заключается с китайскими партнерами, что, в свою очередь, связано и с издержками внешнеэкономической деятельности (уровень тарифной нагрузки, таможенные процедуры и формальности и т.д.), и с конкурентными преимуществами китайских товаров.

По существу, внутренние рынки БРИКС стали для ее участников экстенсивной составляющей экспортной стратегии и конкурентной борьбы. Оценки экстенсивной составляющей прироста экспорта России наименьшие (6%), в то время как Бразилии, Китая и Индии 27%, 22% и 21% соответственно. За последнее десятилетие Бразилия

экстенсивно расширяла экспорт минерального сырья (23,9% прироста) и машиностроения (13,4%), Индия и Россия — продукции машиностроения, в то время как Китай — практически всех конкурентнозначимых товарных групп БРИКС[6]. Развивающимся странам удавалось существенно продлить стадию роста экспорта за счет расширения и углубления торговых связей.

Страны БРИКС остаются наиболее привлекательными для иностранных инвестиций. При этом совокупный объем ВВП четырех стран — Бразилии, России, Индии и Китая — в 2015 году должен превзойти аналогичный показатель США.

Таблица 1. Пять наиболее привлекательных стран для инвестиций для зарубежных и отечественных компаний в 2014–2015 гг. [5]

Иностранные инвесторы	Российские компании
Китай	Китай
США	Бразилия
Индия	Южная Корея
Великобритания	Индия
Германия	ОАЭ

Данные опроса руководителей компаний (431 мировой компании и организации), проведенного Глобальным разведывательным альянсом, показывают, что страны БРИКС наиболее предпочтительны для инвестирования. В топ-10 развивающихся рынков на 2012–2017 гг., по мнению респондентов, вошли: Индия — 66,4%, Бразилия — 65,7%, Китай — 65,4%, Россия — 39,7%, ЮАР — 22,2% [6]. При этом основной причиной, по которой респонденты предпочитают для инвестирования развивающиеся экономики, стало создание базы для долгосрочного успеха на этих рынках и в гораздо меньшей степени — поиск более низких издержек производства.

Экономист банка Goldman Sachs Джим О'Нил, который ввел в обиход аббревиатуру БРИК, написал в лондонской «Таймс», что страны «пятерки» в 2010 году развивались быстрее, чем ожидалось, и теперь их следует относить не к категории развивающихся стран, а к категории растущих экономик.

Однако и на них сказался мировой экономический кризис. В начале апреля 2011 года банк HSBC опубликовал индекс развивающихся рынков (EMI) за первый квартал этого года, согласно которому темпы роста на развивающихся рынках снизились. Причиной стал спад в обрабатывающих отраслях и секторе услуг, вызванный инфляци-

ей и ростом цен на сырьевые товары и продовольствие. По данным аналитиков HSBC, темпы роста ВВП в развивающихся странах в нынешнем году снизились до 6,3% по сравнению с 7,5% в 2010 году.

Рост объема инвестиций в мире за последние 5 лет составил 40%. В развитых странах увеличение показателя сильно замедлилось в этот период и выросло лишь на 5%. Другие цифры у развивающихся стран: БРИКС показывает рост на 170% за последние пять лет (лидер — Китай (202%)).

Глобальные инвесторы все активнее стремятся присутствовать на ведущих развивающихся рынках. Используя преимущества альянса инвесторы получают легкий доступ к производным инструментам на основные фондовые индексы стран БРИКС, которые будут торговаться на площадках стран альянса в местных валютах. Это важный момент в истории развивающихся стран. Данный альянс позволяет большему числу инвесторов выходить на развивающиеся экономики стран БРИКС с их растущей экономической мощью. С глобальной точки зрения этот альянс указывает на повышение важности экономик и финансовых рынков БРИКС в ближайшее десятилетие и еще раз подчеркивает важность укрепления сотрудничества между членами БРИКС[3].

Таблица 2. Объемы и динамика роста инвестиций, млрд. долл. [2]

Инвестиции по регионам	2000	2005	2010	2016
По всему миру	7263,1	10236,9	14359,0	23183,6
<i>Динамика роста по периодам</i>	-	41%	40%	61%
<i>По сравнению с ВВП</i>	23%	22%	23%	26%
Развитые страны	5709,2	7345,9	7712,3	11053,2
<i>Динамика роста по периодам</i>	-	29%	5%	43%
<i>По сравнению с ВВП</i>	22%	21%	19%	21%
Страны БРИКС	724,1	1562,1	4219,8	7958,7
<i>Динамика роста по периодам</i>	-	116%	170%	89%
<i>По сравнению с ВВП</i>	27%	31%	37%	38%
Страны СНГ	66,0	207,4	414,3	116,9
<i>Динамика роста по периодам</i>	-	214%	100%	170%
<i>По сравнению с ВВП</i>	19%	21%	21%	27%

Таким образом, если в 2000 году доля инвестиций развитых стран в мире составляла почти 80%, то к 2014 году

этот показатель снизился и теперь составляет чуть более половины всех инвестиций, осуществленных в мировой

экономике. За этот же период доля инвестиций стран БРИКС возросла почти втрое – с 10% до 29,4%, особенно резкий рост произошел за последние шесть лет, когда показатель удвоился. В странах СНГ также наблюдается позитивная динамика, к 2014 году доля инвестиций этого блока в мире возросла до 2,9% с 0,9% в 2000 году[2]

В подходах государств БРИКС к определению основных задач и направлений своего социально-экономического развития существует много общего. Страны в целом достаточно единодушны в своем понимании основных угроз и вызовов, а также в определении приоритетов роста. Подтверждением этому стали стратегии и планы, принятые отдельными странами БРИКС. Так, в Бразилии разработаны планы модернизации экономики, среди которых План «Большая Бразилия», и ряд целевых программ, в частности программа «Наука без границ». План «Большая Бразилия» ориентирован на развитие национальной промышленности, повышение конкурентоспособности экономики в целях поддержания экономического роста и создание рабочих мест. К главным приоритетам развития были отнесены прежде всего инновационные отрасли экономики, а также отрасли, обеспечивающие национальный суверенитет. Особую поддержку предполагается оказывать таким отраслям, как авиация и космос, энергетика, информационные технологии и телекоммуникации, фармакология и медицина, нефтегазовый и военно-промышленный комплексы, а также сферам деятельности, связанным с созданием и использованием экологически чистых источников энергии и в целом способствующим поступательному социально-экономическому развитию страны.

В Индии принят план развития «India Vision 2020», нацеленный на создание в стране развитой экономики к 2020 году. В Китае стратегические направления развития экономики нашли отражение в двенадцатом пятилетнем плане социально-экономического развития Китая - 2011-2015 годы, в котором подчеркнута важность повышения инновационного потенциала и в целом перехода от экстенсивного к интенсивному способу роста. Устойчивое развитие страны увязывается с инновационным и технологическим развитием экономики, большое внимание уделяется становлению «зеленой» экономики с акцентом на три сектора: утилизация и переработка отходов, чистые технологии и возобновляемые источники энергии. В Национальном плане развития ЮАР до 2030 года не только проанализированы главные проблемы страны, но и намечены основные области преобразований, среди которых ключевое значение приобретают создание рабочих мест, образование и квалификация. В отраслевых планах развития в ЮАР важное место также занимают вопросы развития энергетики и защиты окружающей среды.

При всех различиях существующих схем модернизации, обусловленных конкретными национальными потребностями и особенностями экономического роста, во всех моделях модернизации, реализуемых в странах БРИКС, прослеживается одна и та же логика. Наличие общих тем в вопросах социально-экономического развития создает хорошую базу для развития сотрудничества[7]

Таким образом, страны БРИКС в среднесрочной перспективе планируют сосредоточить свои усилия на обеспечении базовых составляющих национальной безопасности: продовольственной, энергетической, экологической, транспортной, санитарной и т. п. Новые возможности для решения этих задач предполагается черпать прежде всего в

ускоренном переходе от экстенсивного к интенсивному способу развития. В условиях замедления мировой экономики и стагнации основных рынков сбыта для стран БРИКС наряду с внешними факторами всё большее значение приобретают внутренние факторы роста, такие как расширение внутреннего спроса, активизация участия среднего и мелкого бизнеса в экономической жизни страны, повышение инновационного потенциала экономики и расширение сотрудничества с новыми партнерами.

Страны БРИКС по целому ряду основных групп своего экспорта выступают на мировом рынке скорее как конкуренты, чем как взаимодополняющие партнеры, и это является определенным ограничителем на пути развития сотрудничества. В то же время определенная реальная взаимодополняемость во взаимной торговле стран БРИКС всё же существует, что подтверждают данные индекса взаимодополняемости торговли стран БРИКС, рассчитанные за период первого десятилетия XXI века.

Россия, ЮАР и в значительной степени Бразилия специализируются в настоящее время на поставках сырья и сельскохозяйственной продукции; экспорт Китая носит ярко выраженный промышленный характер; Индия приобретает всё больший вес на мировом рынке как поставщик фармацевтической продукции и услуг. Развитие сотрудничества в рамках этих направлений уже позволяет найти точки роста для развития товарооборота.

В то же время важно отметить, что факторы, ограничивающие торговлю внутри БРИКС, имеют объективную природу, а это означает, что кардинального, прорывного роста взаимной торговли товарами стран БРИКС в краткосрочной и даже среднесрочной перспективе, скорее всего, не произойдет. В связи с этим наиболее целесообразной представляется планомерная работа по созданию условий для постепенного, но устойчивого наращивания товарооборота на фоне углубляющихся связей между экономиками БРИКС.

Основными направлениями деятельности по наращиванию объемов товарооборота на текущем этапе могли бы стать следующие:

- 1) обмен опытом проведения экономической политики по конкретным ее направлениям;
- 2) обмен опытом, совершенствование существующих и распространение лучших деловых практик, включая таможенное оформление и таможенную очистку грузов;
- 3) сближение и, по возможности, унификацию таможенных процедур;
- 4) оперативное информирование партнеров об изменениях в таможенном законодательстве и нетарифном регулировании;
- 5) углубление работы по внедрению электронного документооборота во взаимных связях;
- 6) развитие электронной торговли;
- 7) расширение информационного сотрудничества, нацеленного на лучшее понимание бизнес-сообществом стран БРИКС взаимных возможностей и потребностей;
- 8) развитие сотрудничества деловых кругов как на уровне стран, так и на региональном уровне;
- 9) развитие взаимодействия в сфере статистики в целях расширения обмена статистическими данными и опытом внедрения международных статистических публикаций.

Как следует из планов и стратегий развития стран БРИКС, все государства заинтересованы в диверсификации и усложнении структуры экономики и экспорта, что невозможно без развития новых производств, базирую-

щихся на технологиях XXI века. Поэтому страны БРИКС будут заинтересованы в расширении взаимного экспорта и будут стремиться увеличить в своем экспорте долю сложных товаров с высокой добавленной стоимостью. Создание новых, высокотехнологичных отраслей на любом формирующемся рынке требует определенной поддержки со стороны государства. В связи с этим представляется, что успех сотрудничества стран БРИКС во многом будет зависеть от понимания данного стремления к развитию и готовности не рассматривать меры по защите и поддержке создаваемых высокотехнологичных производств на стадии их становления как прямое нарушение правил свободной торговли.

В сложившихся условиях наиболее перспективным направлением расширения экономических связей внутри БРИКС в краткосрочной и среднесрочной перспективе представляется инвестиционное и производственное сотрудничество, прежде всего в области инфраструктуры и энергетики. Это связано с большой потребностью в модернизации и развитии данных отраслей у всех стран БРИКС, так как проблемы именно в данных отраслях становятся серьезным тормозом развития экономик этих стран. Так, например, порты в Бразилии уже давно работают на пределе своих возможностей, что приводит к большим задержкам при перегрузке товаров и снижает эффективность внешней торговли страны.

Сотрудничество в реализации подобных проектов интересно с нескольких точек зрения:

Литература:

1. Жуков Е. Ф. Международные экономические отношения. - М.: Юнити, 2010. - 389 с.
2. БРИКС. Совместная статистическая публикация. 2015; Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР/ Росстат. - М.: ИИЦ «Статистика России», 2015. - 235 с.
3. Ишханов А.В. (2014) В поисках нового мирового валютного стандарта // Вестник волгоградского государственного университета. Серия 3: экономика. Экология
4. Trade Map - Trade statistics for international business development [Электронный ресурс] URL: <http://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 19.03.2015).
5. Гнидченко А.А. (2014) Декомпозиция роста экспорта на экстенсивную и интенсивную составляющие с учетом сравнительных преимуществ // Журнал новой экономической ассоциации. № 4 (24). С. 38-64.
6. БРИКС. Страны БРИКС - Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР [Электронный ресурс] URL: <http://www.ereport.ru/articles/ecunions/brics.htm> (дата обращения: 20.03.2015).
7. Архипов А.Ю., Ишханов А.В., Линкевич Е.Ф. (2013) Новый мировой валютный стандарт: поиски и перспективы // Journal of economic regulation.

Изменение внешнеторговой деятельности России под влиянием международных санкций

Мажукина Екатерина Степановна, студент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Структурный кризис российской экономики, который берет свое начало в 2012 году, связан с возникновением новых условий хозяйственной жизни при одновременном существовании устаревших механизмов. Двукратное снижение цен на нефть с июля по декабрь 2014 года привело к резкому изменению внешнеторговых условий. Обесценение рубля и в связи с этим ужесточение денежно-кредитной политики государства, дефицит и удорожание кредитных ресурсов еще больше ослабили внутренний спрос в экономике. Геополитическая напряженность марта 2014 года способствовала введению западными странами экономических санкций в отношении России. Приток инвестиций резко снизился вследствие повышения уровня вос-

1) в странах БРИКС есть технологии, необходимые для сооружения подобных объектов.

2) это дает возможность компаниям стран БРИКС экспортировать свои высокотехнологичные услуги, что будет способствовать росту торговли услугами.

3) подобные строительные проекты, как правило, сопровождаются экспортом в страну осуществления проекта необходимых машин и оборудования, что позволит странам - участникам проектов расширять экспорт товаров с высокой добавленной стоимостью.

4) осуществление подобных проектов будет способствовать накоплению опыта взаимного сотрудничества, даст возможность познакомиться с особенностями правовой среды стран-партнеров, с существующей деловой практикой и т. д.

5) осуществление больших инвестиционных проектов, прежде всего инфраструктурных, представляет собой направление деятельности, которое позволит объединить усилия разных стран БРИКС и создаст предпосылки для развития многостороннего сотрудничества.

Таким образом, именно инвестиционное сотрудничество может стать ключевым направлением активизации всего набора экономических связей в рамках БРИКС, включая развитие взаимной внешней торговли. В связи с этим России в период ее председательства было бы целесообразно обратить особое внимание на продвижение инициатив, способствующих расширению и углублению именно инвестиционных связей между странами БРИКС.

принимаемого риска и введения финансовых санкций в конце июля. Воздействие таких шоков испытала на себе экономика России в прошлом году. И, скорее всего, последствия еще будут проявляться в течение длительного периода времени.

Российская Федерация достаточно быстро начала приспосабливаться к внешним вызовам. 7 августа 2014 года Правительство РФ ввело эмбарго на импорт большого перечня продуктов питания и сельхозпродукции из стран ЕС, Норвегии, Канады, США, Австралии и Украины сроком на один год. В этом перечне присутствуют говядина, свинина, мясо птицы, рыба, колбасные изделия и мясопродукты, плодоовощная продукция, орехи, молоко и молоч-

ные продукты, сыр. Кроме того, Россия запретила ввоз свежих фруктов, вина и мясных полуфабрикатов из Молдовы, а также картофеля, соевых бобов, подсолнечника и кукурузной крупы из Украины. В связи с этим Министерство экономического развития, Министерство сельского хозяйства, Министерство промышленности и торговли, а также Министерство финансов внесли целый ряд поправок в свои нормативные документы, касающиеся протекционистской политики на ближайшие годы, поддержки отечественных отраслей производства и сбыта готовой продукции и усиления присутствия государства в эконо-

мике.

Так, в связи с растущим спросом со стороны российских потребителей свое производство увеличивают такие известные крупные компании, как АПХ «Мираторг» и ООО «Яблочный Спас». «Мираторг», здания мясоперерабатывающих комплексов которого находятся в Брянской и Калининградской областях, является ведущим российским производителем мяса, а именно мраморной и обычной говядины. Столичная компания «Яблочный Спас» — единственный в России производитель натурального яблочного сидра и грушевого пуаре.

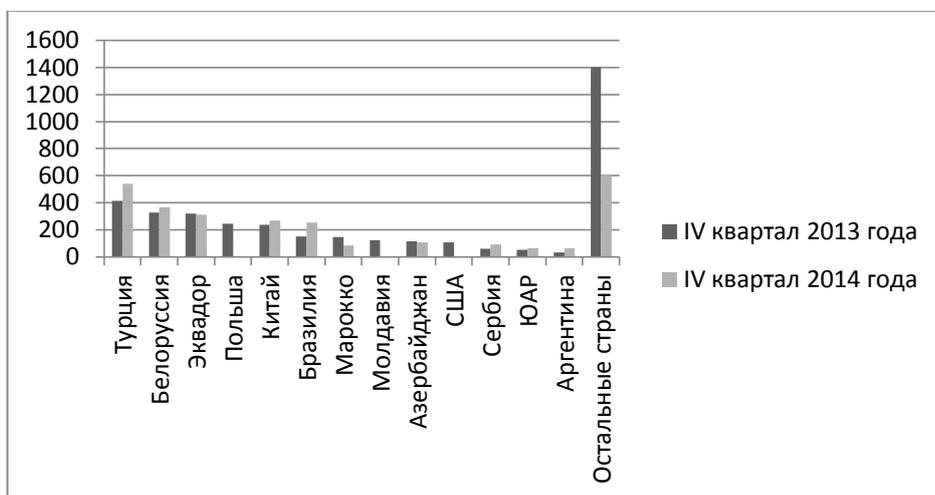

Рис.1. Изменение импорта продуктов из стран, попавших под российские «контрсанкции», тыс. т
Источник: составлено автором на основе данных ФТС

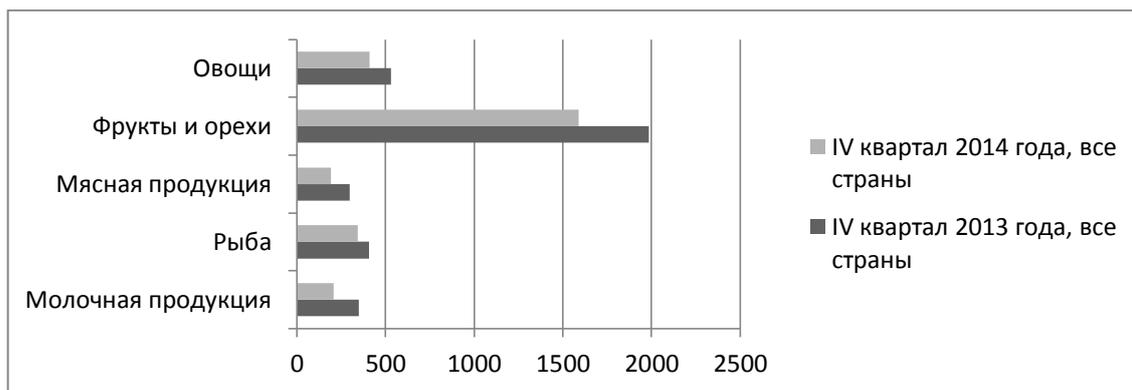

Рис. 2. Изменение импорта продуктов, попавших под российские «контрсанкции» в весе (все страны), тыс. т
Источник: составлено автором на основе данных ФТС

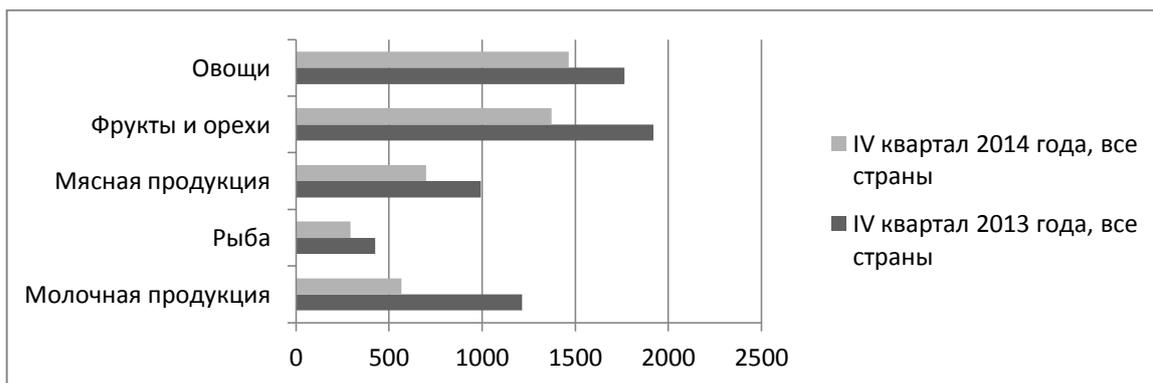

Рис. 3. Изменение импорта продуктов, попавших под российские «контрсанкции» в денежном выражении (все страны), млн долл

Источник: составлено автором на основе данных ФТС

Наблюдаемое на данный момент влияние санкций отражено в показателях по внешней торговле за 2014 год по сравнению с 2013 годом: резкое падение объема импорта вследствие снижения курса рубля и принятия Россией ответных мер по запрету ввоза продовольствия из западных стран. Импорт товаров (по методологии платежного баланса) в 2013 году, по оценке, составил 341,3 млрд долл США и вырос на 1,7% (в 2012 году – 5,4%). Годовое увеличение стоимостного объема импорта обеспечивалось ростом средних импортных цен и реального уровня потребления. [2] Импорт товаров (по данным таможенной статистики) в 2014 году, по оценке, составил 285,9 млрд долл США и снизился на 9,2% (в 2013 году – (-) 0,7%). Уменьшение стоимостных объемов импорта обусловлено значительным падением физических объемов ввоза, при этом средние импортные цены имели также отрицательную динамику. [3]

По данным Федеральной таможенной службы в IV квартале 2014 года по сравнению с IV кварталом 2013 года сократился импорт в Россию на 23% или на 833 тыс. т. (Рисунок 1). На 12% увеличили поставки продуктов Белоруссия и Китай, на 30% - Турция. Значительное увеличение импорта было из Сербии (57%), Бразилии (67%) и Аргентины (89%). Что касается уменьшения поставок продуктов из стран, попавших под «контрсанкции» России, то здесь зарегистрировано сокращение импорта из ЮАР на 17% и из Марокко на 41%. В большей степени подверглась категория остальных стран, на которые изменение пришлось в 57%.

Если рассматривать импорт запрещенных продовольственных товаров не по странам, которые предоставляли России необходимые продукты, а по видам, то наибольшему изменению по натуральным и денежным измерителям была подвержена молочная продукция из США, Японии и Австралии: сокращение было практически в два раза. На 35,3% в весе (на 29,6% в денежном выражении) сократился импорт мясной продукции. Это было вызвано запретом в январе 2014 года в соответствии с государственной политикой в области санитарных и фитосанитарных мер ввоза живых свиней и свинины из стран ЕС после обнаружения четырех случаев заражения диких кабанов африканской чумой в Литве и Польше. Примерно в равных соотношениях (по 22,5% и 20%) были снижены поставки в Россию овощей, фруктов и орехов. Наименьшему влиянию была подвержена рыба (15,4%) (Рисунок 2).

По опубликованным статистическим данным Федеральной таможенной службы, в связи с сокращением импорта Россия на 30,6% меньше заплатила за приобретение рыбы, на 29,6% - за приобретение мясной продукции и на 28,5% - за приобретение фруктов и орехов. Сокращение импорта овощей на 119,57 тыс. т вызвало уменьшение расходов на 17% на их оплату (Рисунок 3).

Наиболее заметным поворотным явлением стала переориентация на новых торговых партнеров и на отличные от Европы и стран Запада продовольственные рынки. Увеличились импортные поставки попавших под запрет продуктов из стран Латинской Америки (например, Бразилии и Аргентины), Центральной Азии (например, Азербайджана и Армении), Африки и Ближнего Востока (например, Марокко и Ирана), а также из европейских государств, которые не входят в состав ЕС (например, Турции и Сербии).

Отдельное внимание хочется уделить последствиям импортозамещения для России и для стран, со стороны которых были введены санкции. Запрет на импорт продо-

вольствия носит очень широкий характер и охватывает как основные продукты питания, так и элитные продукты. Кроме того, замещение импорта отечественной продукцией привело к повышению стоимости продуктов питания для наиболее уязвимых слоев населения России. В целях сдерживания и недопущения роста цен на продовольствие постановление Правительства, которое ввело запрет на ввоз продуктов питания, предусматривало также принятие мер, направленных на недопущение роста цен на соответствующую сельскохозяйственную продукцию. Министерством промышленности и торговли был составлен перечень из сорока наименований продовольственных товаров (практически все продукты, входящие в состав утвержденной российской продовольственной корзины), по которым органы исполнительной власти проводят ежедневный мониторинг розничных цен на предприятиях торговли, в городах и регионах. Наряду с этим запрет на ввоз продовольствия создал определенные стимулы для отечественного производства продуктов питания, которое неуклонно расширялось в течение последних шести месяцев.

Запрет на ввоз продовольствия связан с рядом краткосрочных и среднесрочных рисков. В краткосрочной перспективе увеличатся транзакционные издержки, поскольку необходимо найти новые каналы поставок импортного продовольствия. В среднесрочной перспективе запрет на ввоз продовольствия чреват дальнейшими ответными мерами со стороны торговых партнеров и ростом риска торговых споров в рамках ВТО. В настоящее время страны ЕС рассматривают возможные варианты урегулирования спора в ВТО в ответ на российский запрет импорта. Россия также указала на то, что США (и косвенно ЕС) нарушили правила ВТО.

Некоторые страны окажутся в выигрыше в результате введения экономических санкций против России и принятия ответных мер, а традиционные торговые партнеры могут потерять свои рынки сбыта. В целом, по мнению экспертов Всемирного банка, влияние запрета на ввоз продовольствия на восточноевропейские государства-члены ЕС (страны Балтии, Польшу, Чехию, Болгарию, Румынию, Словению, Словакию и Хорватию), вероятно, будет негативным, но слабым, поскольку их экспорт в Россию был незначительным. В общей сложности, экспорт запрещенных товаров составлял всего лишь 0,001-0,5% ВВП этих стран, за исключением Литвы, где доля такого экспорта достигала 2,9% ВВП. Однако некоторые секторы этих стран экспортировали значительную часть своей продукции в Россию: например, на долю России приходилось 68% польского экспорта яблок и 65% литовского экспорта сыра до введения ответных санкций. [1, с. 57] Конечное влияние на эти сегменты пищевой промышленности будет зависеть от способности компаний-экспортеров перенаправить свою продукцию на другие рынки. Другие европейские государства, не являющиеся членами ЕС, такие, как Турция и некоторые страны бывшего Советского союза (за исключением Молдовы и Украины), скорее всего, выиграют от этого торгового запрета.

В виду сохранения геополитической напряженности международные санкции будут по-прежнему оказывать влияние на российскую экономику, особенно на фоне низких цен на нефть. Рост российской экономики замедлился из-за структурных ограничений и неопределенности, вызванной геополитической напряженностью и санкциями. Экономические последствия санкций будут развиваться на протяжении последующих двух-трех лет в условиях пони-

женного спроса на нефть, падения цен на нефть и сокращения экспортных доходов.

Литература:

1. Доклад об экономике России «Начало новой экономической эры?» // World Bank Group. Macroeconomics & Fiscal Management. No 33 апрель 2015 г. – 63 с.
2. Иллюстрированное информационное издание «Исполнение федерального бюджета и бюджетов бюджетной системы Российской Федерации за 2013 год». [Электронный ресурс] URL: http://www.minfin.ru/ru/performance/budget/federal_budget/budgeti/11-14/# (дата обращения: 19.09.2015).
3. Иллюстрированное информационное издание «Исполнение федерального бюджета и бюджетов бюджетной системы Российской Федерации за 2014 год (предварительные итоги)». [Электронный ресурс] URL: http://www.minfin.ru/ru/performance/budget/federal_budget/budgeti/11-14/# (дата обращения: 19.09.2015).
4. Федеральная таможенная служба РФ: [сайт] URL: <http://www.customs.ru>

Влияние регионального маркетинга и логистики на инвестиционную привлекательность региона

Шевелева Вероника Владимировна, кандидат экономических наук, доцент
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) (г. Ростов-на-Дону)

В условиях, когда и предприятия и регионы вынуждены снижать масштабы инвестирования и сокращать издержки одним из самых необходимых условий становится выработка мероприятий по преодолению кризисной ситуации и дальнейший выход на устойчивое развитие. Поэтому для решения актуальных проблем субъекта РФ, для того, чтобы жизнь в регионе была привлекательной и для жителей, и для туристов и для инвесторов, необходимо уделить особое внимание маркетинговой составляющей стратегии социально-экономического развития. Система регионального маркетинга позволит, на наш взгляд, не только оценить сильные и слабые стороны региона, учесть угрозы и благоприятные возможности в его функционировании и развитии, но и поможет в решении ряда насущных проблем, прежде всего, по формированию благоприятной инвестиционной среды.

В данный период в Ростовской области наблюдается спад инвестиционной активности, несмотря на то, что регион занимает одно из ведущих положений на Юге России. Ростовская область обладает высоким научно-техническим потенциалом, однако наблюдается недостаточный уровень реализации промышленных инноваций. Только 7,7 процента от общего количества крупных и средних предприятий проявляют инновационную активность, а доля инновационной продукции составляет лишь 8,9 процента в общем объеме промышленной продукции. [4]

В то же время на форуме «Сочи-2015» Ростовская область заключила соглашения на общую сумму 70 млрд. рублей. В прошлом году сумма составляла 133 млрд. рублей.

Введение санкционных мер, ужесточение межрегиональной конкуренции на рынках инвестиций, труда, товаров и услуг, наличие административных барьеров для потенциальных инвесторов — все это только усугубляет непростую ситуацию в инвестиционной сфере. Даже, несмотря на прогнозируемое инвестиционное оживление в связи с проведением Чемпионата мира по футболу в 2018 году.

Например, стоимость строительства нового аэропорта «Южный», крупнейшего в регионе логистического центра, инженерной инфраструктуры и автодорог к аэропорту вырос из-за девальвации рубля (в 2013 году называлась цифра — 31,4 млрд. рублей, теперь сумма выросла до 38 млрд. рублей), а ожидаемый пассажиропоток суще-

ственно уменьшен (с 12 млн. человек в год до 5 млн. человек в год). [5, с. 6]

Можно отметить, что одной из проблем, которая сказывается на потоке инвестиций, являются инфраструктурные ограничения. [4] То есть отсутствие в регионе сбалансированной маркетинговой программы, в рамках которой можно сформировать и эффективно развивать региональную логистическую систему.

Данное положение становится особенно актуальным в связи с внедрением кластерного подхода к формированию современной социально-экономической системы региона.

В Ростовской области создан Центр кластерного развития, а также была принята Концепция кластерного развития на 2015 -2020 годы, в рамках которой были выделены следующие приоритетные для развития направления:

- машиностроительный комплекс;
- радиоэлектроника, системы управления и информационные технологии, интеллектуальные материалы;
- легкая промышленность;
- угольная переработка;
- агропромышленный комплекс и биотехнологии;
- здравоохранение;
- индустрия спорта и туризма. [2]

Однако для эффективного развития кластеров необходима сформированная и развитая логистическая сеть, которая состоит из таких равнозначных элементов, как:

- транспортная сеть и ее инфраструктура (наличие дорог и торговых путей всегда являлось необходимым условием для развития экономики);
- терминальные транспортно-распределительные центры, без которых невозможно управлять материальными потоками;
- телекоммуникационная сеть;
- региональный информационно-аналитический центр (РИАЦЛ), где принимаются решения и координируются действия участников логистической сети региона.

Формирование и развитие региональной логистики представляет собой длительный и сложный процесс, который будет успешен только в том случае, если федеральные, местные органы власти объединяться с бизнесом и другими заинтересованными лицами. [3, с. 217]

Развитие логистической системы в Ростовской области является одной из наиболее актуальных проблем на со-

временном этапе. Перегруженность транспортно-дорожной сети и ее неравномерное развитие относятся к слабым местам Ростовской области при анализе ее SWOT-анализа. [4]

Логистический подход гарантирует эффективность функционирования кластеров с помощью формирования устойчивых связей между всеми участниками кластера. В то время как маркетинг позволит осуществить успешную коммерциализацию инноваций, что позволит региону достичь конкурентоспособных преимуществ в будущем.

Создание региональных логистических систем поможет решить целый ряд актуальных проблем, таких как:

1. Повышение качества транспортно-логистического обслуживания как внутри региона, так и при формировании межрегионального транспортного сообщения.

2. Формирование эффективной системы управления региональным и межрегиональным рынком транспортно-логистических услуг.

Литература:

1. Дудник Т. А. О формировании институциональной структуры интегрированной цепи поставок. // Логистика сегодня. — 2010. - № 3. - С. 140-148.

2. Концепция кластерного развития Ростовской области на 2015 — 2020 годы. // Интернет-сайт Администрации Ростовской области: <http://www.donland.ru/Donland/Pages/View.aspx?pageid=75189&mid=128186&itemId=252> (дата обращения: 28.10.2015)

3. Носов А. Л. Основные направления развития региональной логистики. // Логистика сегодня. — 2006. - № 4. — С. 216-218.

4. Стратегия инвестиционного развития Ростовской области до 2020 года. // Интернет-сайт Администрации Ростовской области: <http://www.donland.ru/Donland/Pages/View.aspx?pageid=75189&mid=128186&itemId=119> (дата обращения: 28.10.2015)

5. «Южный» подрос в цене. // Эксперт Юг. — 2015. - № 35-38. — С. 6.

3. Внедрение современных интегрированных логистических технологий управления товарно-материальными и информационными и финансовыми потоками.

4. Создание благоприятного инвестиционного климата и привлечение как внутренних, так и зарубежных инвесторов в экономику региона.

5. Достижение устойчивого социально-экономического развития региона за счет создания новых рабочих мест и увеличения поступлений в доходную часть бюджета субъекта РФ. [1, с. 144]

Итак, можно сделать вывод, что разработка систем регионального маркетинга и логистики позволит привлечь как внутренних, так и зарубежных инвесторов, создать новые рабочие места, увеличить региональный бюджет, что в результате даст толчок к решению острых проблем региональной экономики — преодолению кризисных тенденций и выход на траекторию устойчивого развития.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Разработка нетрадиционных видов углеводородов в АНДР: задачи правового регулирования

Сафин Ильдар Ралифович

Филиал «Газпром ЭП Интернэшнл Сервисиз Б.В.» (г. Санкт-Петербург)

Международный опыт правового регулирования сферы разведки и разработки углеводородов представляет особый интерес для Российской Федерации, учитывая роль энергоносителей в экономике страны. В последнее время всё чаще приходится слышать о так называемой «сланцевой революции» и нетрадиционных видах углеводородов. Геологические особенности коллекторов, специфика технологий добычи, а также наукоёмкость и высокая инвестиционная нагрузка, связанные с данным сегментом нефтегазовой отрасли, требуют появления в законодательстве отдельных норм для его регулирования.

По данным Энергетического информационного ведомства США, Алжирская Народная Демократическая Республика (АНДР) занимает второе после Нигерии место в Африке по доказанным запасам природного газа (4,5 трлн. м³) [1], а также третье место по запасам нефти (12,2 млрд. баррелей) [2].

По проведённым алжирской государственной нефтегазовой корпорацией (АГНК) «Сонатрак» подсчётам, ресурсы сланцевого газа по пяти сахарским бассейнам составляют 139,8 трлн. м³, из которых извлекаемыми являются 15% (21 трлн.) [3]. Исследования проводились с привлечением международных компаний по бассейнам Ахмет, Тиммин, Муидир, Иллизи и Беркин (алжирская часть Гедамеса). Таким образом, по данному показателю Алжир занимает четвёртое место в мире после США, Китая и Аргентины.

Опыт АНДР в области правового регулирования разведки и добычи нетрадиционных видов углеводородов представляет интерес для других стран с точки зрения возможности его использования при разработке и внедрении соответствующих правовых норм в их законодательствах. Следует отметить, что Алжир, как и Россия — страна с большими объёмами традиционных запасов нефти и газа, и возникновение отдельного правового регулирования сегмента нетрадиционных углеводородов отражает изменения в мировой энергетической системе и энергетической политике её отдельных игроков.

В последние годы в Алжире наметилось падение добычи традиционных видов углеводородов. Учитывая планы страны по экспорту и растущее внутреннее потребление, актуальным является вопрос по приращению ресурсной базы страны. Сделать это предполагается путём стимулирования инвестиций в геологоразведку, в том числе в поисково-разведочное бурение, а также за счёт вовлечения в оборот ресурсов нетрадиционных углеводородов.

Следует отметить, что разведка и добыча углеводородов на территории Алжира, в том числе в рамках контрактов с иностранными компаниями, осуществляется на основании закона АНДР № 05-07 от 28 апреля 2005 года «Об углеводородах» [4] с последующими изменениями и дополнениями [5; 6], а также нормативно-правовых актов, приня-

тых в его обеспечение.

Регуляторами в топливно-энергетической сфере являются два агентства, созданных в рамках министерства энергетики и горнодобывающей промышленности: Национальное агентство по развитию углеводородных ресурсов («Алнафт»), которое отвечает за проведение тендеров, заключение контрактов на разведку и разработку, контроль за соблюдением условий недропользования, а также Национальное агентство по контролю и регулированию деятельности в области углеводородов, отвечающее за техническое регулирование и надзор, а также промышленную безопасность и экологию.

Понятие нетрадиционных углеводородов было введено в алжирское законодательство законом № 13-01 от 20 февраля 2013, который изменил и дополнил вышеупомянутый закон 2005 года [6].

В соответствии со статьёй 5 закона «Об углеводородах»:

«Нетрадиционные углеводороды — углеводороды, находящиеся и добываемые из коллектора или геологических формаций, имеющих как минимум одну из следующих характеристик или находящихся в следующих условиях:

- плотные коллекторы со средней матричной проницаемостью, равной или ниже 0,1 миллидарси и/или добыча из которых может осуществляться только из горизонтальных скважин и путём применения ступенчатого гидроразрыва;

- непроницаемые или низкопроницаемые глинистые и/или сланцевые геологические формации, добыча из которых может осуществляться только из горизонтальных скважин и путём применения ступенчатого гидроразрыва;

- геологические формации, содержащие углеводороды с вязкостью более 1000 сантипуазов или плотностью ниже 15° API (Американский институт нефти);

- коллекторы с высоким давлением и высокой температурой, находящиеся в следующих условиях давления и/или температуры:

- забойное давление, равное или выше 650 баров;
- забойная температура выше 150°С;

- природный газ или метан угольных пластов, называемый также «Coal Bed Methane» (СВМ), который находится в микропорах неэксплуатируемых или не полностью эксплуатируемых глубоких угольных подземных пластов;

Метан угольных пластов (СВМ) адсорбируется в центр твёрдотельной угольной матрицы в ходе процесса «адсорбции». Данный природный газ характеризуется применением нетрадиционных способов его извлечения, таких как снижение условий давления» [6, р.5].

Изменения также были внесены в определение коллектора путём включения в него вышеупомянутых нетра-

диционных пластов [6, p.5]

Включённая дополнительно в закон «Об углеводородах» статья 23.bis определяет, что деятельность, связанная с разработкой месторождений сланцевого газа или нефти с использованием технологии гидроразрыва пласта, подлежит утверждению советом министров АНДР [6, p.19].

Статья 110.bis определяет, что для ранее заключённых контрактов на разведку и разработку возможно подписание дополнительных соглашений для того, чтобы распро-

странить на них положения, касающиеся нетрадиционных углеводородов. При этом, бремя доказательства соответствия определению нетрадиционных углеводородов ложится на подрядную сторону [6, p.20].

Изменённая статья 35 закона «Об углеводородах» [6, p.11] вводит различие по срокам действия и фазам контрактов на разведку и добычу традиционных и нетрадиционных углеводородов:

Таблица 1. Сравнение контрактных условий

Условия контракта	Традиционные углеводороды	Нетрадиционные углеводороды
Продолжительность основного периода геологоразведки	до 7 лет	до 11 лет
Фазы периода ГРП	3+2+2 года	3+2+2+4 (пилотная)
Исключительное продление для завершения оценки		2 года
Период разработки для жидких углеводородов	25 лет	30 лет
Период разработки для газовых месторождений	30 лет	40 лет
Возможность продления периода разработки	(-)	2 продления по 5 лет

Таким образом, в случае нетрадиционных углеводородов создаются более благоприятные условия для проведения геологоразведки и последующей добычи продукции (возврата инвестиций).

Необходимо отметить, что период геологоразведочных работ для нетрадиционных углеводородов включает помимо основного периода в 7 лет возможность пилотной фазы продолжительностью 4 года. В течение данной фазы допускается опытно-промышленная эксплуатация (*production anticipée*) [6, p.12]. Если подрядная сторона (*contractant*) не использует какую-либо из фаз периода ГРП, то соответствующий неиспользованный срок добавляется к периоду разработки в обоих рассматриваемых случаях.

Деятельность компаний в нефтегазовой отрасли подпадает под отдельное налоговое регулирование. Перечень применимых налогов, ставки, индексация и порядок применения определяется законом «Об углеводородах» и документами, принятыми в его обеспечение. Для месторождений нетрадиционных углеводородов в законодательство об углеводородах были внесены изменения, предполагающие налоговые льготы. Так, размер роялти (*redevance*), который для традиционных углеводородов варьирует от 5,5% до 23% в зависимости от уровня добычи и налоговой зоны [4, p.21], в данном случае составляет 5% (единая ставка) для всех случаев. Изменения введены и в расчёт налога на нефтегазовые доходы (*TRP*) [6, p.19], однако они не касаются контрактов, в рамках которых уже ведётся добыча на дату публикации закона № 13-01 [6, p.20].

На основании введённых в законодательство АНДР об углеводородах изменений Национальным агентством по развитию углеводородных ресурсов был разработан типовой контракт на разведку и разработку нетрадиционных углеводородов [7].

03 марта 2014 года агентство «Алнафт» объявило четвёртый раунд международного и национального тендера на право разведки и разработки 31 участка, среди которых участки с нетрадиционными видами углеводородов (такие как силюрийские и франские сланцы) [8].

Международные компании интереса к участкам с нетрадиционными углеводородами не проявили. Так, по результатам тендера, из 31 выставленного участка только по 4 были определены победители. С одной стороны, это обусловлено слабой геологической изученностью данных участков, с другой — низким интересом международных

нефтегазовых компаний к работе на территории Алжира в целом.

В этом плане, представляет интерес программа АГНК «Сонатрак» по самостоятельной разведке ресурсов сланцевого газа, активным сторонником которой был теперь уже бывший министр энергетики и горнодобывающей промышленности АНДР Юсеф Юсфи [9]. Именно он инициировал внесение изменений в действующее законодательство об углеводородах и программу поисково-разведочного бурения на сланцевых объектах. Строительство сланцевых скважин в бассейне Ахнет вызвало протесты населения в районе города Ин-Салах, формальным поводом протестующие обозначили возможные экологические последствия при использовании технологии гидроразрыва. Тем не менее, исполняющий на тот момент обязанности генерального директора АГНК «Сонатрак» Саид Сахунун заявил, что компания не намерена останавливать буровые работы и реализацию программы разведки нетрадиционных ресурсов в целом [10]. По заявлениям руководства АГНК «Сонатрак», Алжир планирует выйти на промышленную добычу сланцевых месторождений к 2022 году с плановой цифрой в 20 млрд. м³ сланцевого газа в год.

Необходимо особо отметить, что экологические аспекты разведки и разработки сланцевых месторождений действительно являются важными для Алжира и региона в целом, поскольку для этого потребуются вовлечение подземных водных ресурсов, находящихся под Сахарой. В этом плане, к нетрадиционным углеводородам применяются те же требования по выполнению обязательной оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС) и подготовке плана по управлению экологическими рисками перед проведением работ (сейсморазведка, строительство скважин, объектов инфраструктуры) [6, p.8], ограничению сжигания газа [6, p.13-14] и уплате специальных налогов на сжигание газа и на использование водных ресурсов [6, p.14]. При этом использование водных ресурсов, находящихся в государственной собственности, осуществляется путём выдачи разрешений или предоставления концессий уполномоченным ведомством в координации с агентством «Алнафт» [6, p.14].

Резюмируя вышесказанное, можно выделить несколько основных задач, которые преследуют внесённые в алжирское законодательство изменения:

1. Введение в нормативно-правовую базу самого поня-

тия нетрадиционных углеводородов;

2. Создание правовых оснований для разведки и разработки запасов нетрадиционных видов углеводородов с учётом технико-технологических особенностей данного сегмента нефтегазодобычи;

3. Создание более привлекательных условий для привлечения иностранных инвестиций в данный сегмент нефтегазодобычи;

4. Обеспечение контроля за экологическими аспектами деятельности в области разведки и разработки нетрадици-

онных видов углеводородов.

Можно также отметить, что создание нормативно-правовой базы не является самодостаточным для развития сегмента нетрадиционных углеводородов. Оно должно сопровождаться целенаправленной политикой правительства страны по общему повышению инвестиционной привлекательности алжирской экономики, улучшению геологической изученности нефтегазоперспективных участков, в том числе за счёт средств алжирского государства, активной работой с населением.

Литература:

1. International Energy Statistics // US Energy Information Administration [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eia.gov/cfapps/ipdbproject/IEDIndex3.cfm?tid=3&pid=3&aid=6>
2. International Energy Statistics // US Energy Information Administration [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eia.gov/cfapps/ipdbproject/IEDIndex3.cfm?tid=5&pid=57&aid=6>
3. N. Rabia. Gaz de schiste : ce que révèlent les premières évaluations du potentiel de l'Algérie // Algérie Presse Service [Электронный ресурс]. – 2015. – 31 января. – Режим доступа: <http://www.aps.dz/economie/17278-gaz-de-schiste-ce-que-revèlent-les-premières-évaluations-du-potentiel-de-l-algérie>
4. Loi n° 05-07 du 19 Rabie El Aouel 1426 correspondant au 28 avril 2005 relative aux hydrocarbures // Journal officiel de la République algérienne démocratique et populaire. – 2005. – n°50 du 19 juillet 2015. – P. 3-28.
5. Ordonnance n° 06-10 du 3 Rajab 1427 correspondant au 29 juillet 2006 modifiant et complétant la loi n° 05-07 du 19 Rabie El Aouel 1426 correspondant au 28 avril 2005 relative aux hydrocarbures // Journal officiel de la République algérienne démocratique et populaire. – 2006. – n°48 du 30 juillet 2006. – P. 4-9.
6. Loi n° 13-01 du 19 Rabie Ethani 1434 correspondant au 20 février 2013 modifiant et complétant la loi n° 05-07 du 19 Rabie El Aouel 1426 correspondant au 28 avril 2005 relative aux hydrocarbures // Journal officiel de la République algérienne démocratique et populaire. 2013. – n°11 du 24 février 2013. – P. 4-20.
7. 4th National and International Bid Round for E&P Contracts Awarding. Legal and Institutional Frameworks / ALNAFT. – Algiers, 2014. – 18 p.
8. 4th National and International Bid Round for E&P Contracts Award. Technical Summaries / ALNAFT. – Algiers, 2014. – 83 p.
9. A. Akef. Algérie : l'exploitation controversée du gaz de schiste fait tomber le ministre de l'énergie // Le Monde Afrique [Электронный ресурс]. – 2015. – 05 мая. – Режим доступа: http://www.lemonde.fr/afrique/article/2015/05/15/algérie-l-exploitation-controversee-du-gaz-de-schiste-fait-tomber-le-ministre-de-l-energie_4634102_3212.html
10. L. Ghali. Sonatrach poursuivra le forage des puits-pilotes du gaz de schiste à In Salah // Algérie 1 [Электронный ресурс]. – 2015. – 08 февраля. – Режим доступа: <http://www.algerie1.com/actualite/sonatrach-poursuivra-le-forage-des-puits-pilotes-du-gaz-de-schiste-a-in-salah/>

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Нелинейность знания и возможности рода людей

Скачков Алексей Сергеевич, кандидат философских наук, доцент
Омский государственный технический университет (г. Омск)

Знание нелинейно. Источник нелинейности его — нелинейность предельной меры возможности или действительности любого (как субъектного, так и бессубъектного) сущего. Знание нелинейно в силу нелинейности мира в целом, Универсума.

Универсум — имя корневого смысла знания в любой мировоззренческой форме: ни обыденное, ни научное, ни философское, ни религиозное и т. д. воззрение на мир не может не быть эксплицитным (а чаще — имплицитным) осознанием конкретным лицом места, закономерностей и возможностей человеческого рода, общества, человека в мире в целом.

Универсум, мироздание, вселенная — уточняющие друг друга имена. Первое — знак мысли о таком предмете, вне которого ничего нет, не может быть. Т. е. это знак мысли о том, «в чем» находится «все», что бы это ни было. С динамической точки зрения это такое все, в котором есть пути и хаоса, и порядка, и деструкций, и созиданий, и энтропии, и неэнтропии. Самоподдерживающийся порядок суть космос — область Универсума в виде актуального, явно структурированного сущего. Т. е. та составляющая континуума материи, что (пользуясь, например, языком смыслообразов Анаксагора — друга и соратника Перикла и терминологией В. И. Вернадского — академика Императорской Санкт-Петербургской АН и АН СССР) извечно и бесконечно упорядочиваема, организуема, управляема «космическим вихрем» — Нусом, «ноосферна», есть ноосферное состояние космической области живого вещества. Такое сущее в аспекте рассмотрения возможности или действительности нашего в нем существования и есть собственно мироздание: мысль о том, что порядок-космос может как содержать, так и исключать наблюдателей в их субъектном понимании и конкретном (антропном или ином) выражении. Не вмещение нас мирозданием есть зияние (хаос) антропного бытия в нем. Порядок конкретного структурированного сущего в Универсуме с нашим наличием — мироздание как вселенная.

Следует понимать: любое человеческое знание, в какой бы форме общественного сознания оно не созидалось и не содержалось, есть знание о том, как быть или как не быть в мироздании. Это знание об антропной вселенной — мироздании с нашим действительным существованием и возможностями как нашего существования, так и нашего несуществования в нем. В совокупности своей это общечеловеческое знание — выражение нелинейного био-социо-антропо-космического опыта рода *Homo sapiens* планеты Земля.

Вслед за академ. АН СССР и РАН Н. Н. Моисеевым можно и нужно утверждать: в науке остаются действительно фундаментальными три взаимосопряженные проблемы: понимания сути «антропного космологического принципа», происхождения «живого вещества», многообразия и нелинейности «внутреннего мира» человека, спо-

собного спадать до модуса «ошибки Природы» [1, с. 37–38]. Если вдуматься в сопряженность этих проблем, то можно увидеть идущую от начала рода *Homo* попытку ответа на сложный вопрос о том, как и зачем есть собственно человеческая жизнь и в каком статусе в Универсуме она есть и возможна. Эта попытка — разработка знания того, каковы граничные условия, за пределами которых действительность человеческого в мироздании прекращается за ее невозможностью.

Человеческий род, каждый его представитель существует реально в биосфере планеты Земля, иначе — в области фантазий, ряд представлений которых уводит нас от реального понимания жизни в область нулевых понятий и построенных из них рассуждений. Возможно, земная биосфера есть одна из областей предполагаемой некоторыми, например, так считал академ. В. И. Вернадский, «космической биосферы». Это проблема множественности «миров», содержащих аналогичное земному «живому веществу» также живые материально-энергетические образования. Но вне зависимости от того, «оживлен» ли Универсум только представителями земной биосферы или же и иными «живыми существами», человек, как явно живое существо, не может не исходить из «категориального, характера понятия жизни, т. е. коренного и, во всяком случае, не выводимого из наивных моделей механики факта жизни, но наоборот их порождающего» [2, с. 352]. Поэтому перспективен подход академ. В. И. Вернадского к решению проблемы генезиса «живого вещества», как процесса космического характера и масштаба. Причем, следует отдавать себе полный отчет в том, что даже обнаружение «реального абиогенеза» не отменит ни принципа П. Кюри (диссимметрическому следствию всегда отвечает диссимметрическая причина), ни принципа Реди (все живое от живого), ни принципа Х. Гюйгенса (жизнь — явление космических масштабов). Не отменит потому, что это будет деятельное обнаружение представителями рода *Homo*, т. е. актуально живыми разумными существами с неизбежной диссимметрией вмещающего их пространства и с разумом, который есть «сила космических масштабов»: т. е. род *Homo sapiens* «входит» в кондициональную причину такого «абиогенеза», возможно, даже в статусе пускового звена.

Последнее можно считать парадоксом, но это не парадокс, а естественное устремление самого «живого вещества», относительно «разумной» формой которого мы сами и являемся. Такова глобальная термодинамика жизни — быть вершиной «космического вихря» неэнтропии. Это именно так, хотя бы постольку, поскольку и косные вихревые структуры в Универсуме есть именно те динамические структуры, которые, свидетельствуя об ограниченности «томсоновской» картины мира, реально возникают «из хаотического (теплого) движения» [3, с. 28]. Но не только «хаос порождает порядок», но и иной (некоторый и только некоторый) порядок есть «порядок» недialeктического

снятия, разрушающий живое и разумное в угоду косному и бессмысленному.

Совсем не безразлично для последствий научного творчества то, какую теоретико-доктринальную установку имеет в своем поиске конкретное лицо: универсалистско-антифиналистскую или феноменалистско-финалистскую [4]. Ведь осведомленному в собственном мировоззрении ученому необходимо выбирать, держа в уме и сформулированный «диалектиком по стихиям», милетцем Анаксимандром еще на заре мировой науки и философии, но до сих пор окончательно не опровергнутый тезис о том, что люди, будучи по существу своему всего лишь одним из видов существ в составе не имеющего исключения множества рожденных, потому заведомо злых, хищных в отношении ко всему, вещей, «в назначенный срок времени» неотвратимо, роковым образом расплатятся за свою родовую агрессию всеобщей гибелью, и контртезис, явно идущий от, например, даосов (предвосхитивших научную синергетику), Платона (с его «кибернетом», умением которого является перманентное поддержание порядка над «зиянием» иного), через неоплатоников и Дж. Бруно, согласно которым «населенный мир» имеет реальную возможность к бесконечно продолжительному существованию, а то и имеет такое существование с необходимостью. Итак, дилемма, лежащая в основе движений мысли всякого ученого: либо неизбежен омницид, значит, действительность рода Ното подобна «болезни материи», Универсума, от которой «избавление» неизбежно или желательно, так, например, мыслил П. Т. де Шарден, в чем он в принципе не совпадает с В. И. Вернадским, либо сама только что выраженная омницидальная зачарованность есть болезнь духа, способная провоцировать гибель души и тела, а то и гибель целой биосферы. Дилемма объективной космической диалектики «духа» [5].

А. Швейцер, Л. Н. Гумилев, отмечали, что, по большому счету, в мировой истории противоборствуют два типа мировоззрения: жизнеутверждающий и жизнеотрицающий: последний в качестве принципа имеет ложь, т. е. нацеленность на конъюнктивирование противоречащего, что приводит к ментальным, социальным и биогеоценотическим деструкциям [6, с. 471–506]. Интересно, что этот тип есть контрверза аттрактивности, а последняя — необходимое условие собственно научно-нравственного отношения к действительности. Интересно также и то, что аттрактивность связана с реальной личной и общественной борьбой с энтропией, что и объясняет когерентность подлинных научных устремлений и стратегии живого в целом, что по сути и было зафиксировано именем «ноосфера» сначала Э. Леруа, а затем П. Т. де Шарденом и В. И. Вернадским. Но это же значит и то, что есть как механизмы социокульту-

турной самозащиты ноосферогенеза, так и механизмы паразитирования или разрушения его. На что указывал, например, акад. АН СССР и РАН Вяч. Вс. Ивбнов, отметивший, что зачастую «высшие слои социальной иерархии» некоторых обществ, «а сейчас ... высшие слои общества в США», являясь носителями и распространителями «разного рода оккультных представлений», есть идеологически, экономически, политически, государственно оформленные контрагенты ноосферных процессов на планете Земля [7, с. 96–97].

Воочию убедиться в этом легко, если отследить базовые структуры осмысления Универсума в связи с возможностями рода Ното, вписываемыми в это абсолютное смысловое поле самими людьми (внутренний мир). При этом будем держать в уме, что нам известно безэнтропийное явление, а именно: работа нашего сознания и мозга в том случае, если это работа с самосохранением (дословно: «Этим (термодинамическим. — А. С.) методом был выявлен тот фундаментальный факт, что среди всеобщей энтропийности природы существует *единственное* (курсив Н. И. Кобозева. — А. С.) безэнтропийное, вполне упорядоченное явление — логическая продукция мозга и сознания»)[8, с. 173] Но сама названная работа может быть как в энтропийном векторе использования превращений вещества, энергии, информации, так и в векторе противоположном. При этом, как доказал В. А. Лефевр, «формальные схемы ментальных феноменов совпадают с формальными схемами некоторых термодинамических процессов», энтропийному вектору отвечает «нисходящая рефлексия» (рефлексия элиминации субъектности), противоположному — «восходящая рефлексия» (рефлексия элевации субъектности), причем, в первом случае «если допустить, что мы являемся инструментом Вселенной, то наше предназначение это борьба с тепловой смертью», во втором — «предназначение человека ... приближать тепловую смерть» [9, с. 98, 108–117, 155].

Заменим слово «смерть» или «жизнь» (без разницы) словом «однообразие» и посмотрим на то, как противоположно в истинностном выявлении бывает его приятие (либо как тотального, либо только локального) в отношении Универсума, мира в целом. При тотальности однообразия имеем логическую форму, которая обнаруживает, что это принципиально тождественно-ложная мысль. Во втором случае имеем логическую форму, которая обнаруживает, что это именно тождественно-истинная мысль. Первая энтропийна и, находясь в основе конкретного мышления, знания и деятельности, дает соответствующие результаты, вторая — противоположна. А какова основа — таковы и последствия.

Литература:

1. Моисеев Н.Н. Человек во Вселенной и на Земле (по поводу книги И.Т. Фролова “О человеке и гуманизме”) // Вопросы философии. — 1990. — № 6. — С. 32–45.
2. Флоренский П.А. [Письмо В.И. Вернадскому] // В.И. Вернадский: pro et contra. — СПб.: РХГИ, 2000. — С. 351–354.
3. См., напр.: Хайтун С.Д. Мои идеи. — М.: Аграф. 1998. — 240 с.
4. Скачков А.С. Антропология и Универсум // Антропологические конфигурации современной философии: Матер. науч. конф. (3–4 декабря 2004 г.). — М.: Современные тетради, 2004. — С. 229–231.
5. Скачков А.С. О космической диалектике «духа» // Ильенковские чтения. Ильенков и диалектическая традиция в философии: Матер. 10-й Междунар. науч. конф. Москва, апрель, 2008 г. М.: Изд-во СГУ, 2008. — С. 469–470.
6. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. — 560 с.
7. Иванов В.В. Наука о человеке: Введение в современную антропологию: Курс лекций. — М.: РГГУ, 2004. — 195 с.
8. Кобозев Н.И. Исследования в области термодинамики мышления. — М.: Изд-во МГУ, 1971. — 196 с.
9. Лефевр В.А. Космический субъект. — М.: Институт психологии РАН, 1996. — 184 с.

Причины и особенности смены цивилизационной парадигмы права на примере Казахстана и Кыргызстана

Стамова Рахат Дуйшембуевна, д. филос. н.;
Иманбаева Дина Каскырбаевна, соискатель
НАН КР

Право, являясь одним из важнейших видов [регуляторов общественных отношений](#), длительное историческое время относилось к феноменам, которые носили определенные признаки культуры и, в более в широком смысле, цивилизации, породившей его. Однако в XIX веке в ряде государств Азии произошел значительный цивилизационный сдвиг, в первую очередь это касалось именно системы права. В XX веке данный процесс существенно усилился, и благодаря этому на сегодняшний день государства и социумы, независимо от их цивилизационной принадлежности и специфики, различаются по тому, являются ли они прямыми или косвенными наследниками традиций римского права или правовой семьи, возникшей на базе римского права. Казахстан и Кыргызстан в правовом отношении относятся к римско-германской правовой семье. Однако если взять во внимание культурную и цивилизационную специфику этих народов, игнорируя при этом конкретные исторические обстоятельства, при которых нашими народами было воспринято чужеродное право, то такое положение вещей приобретет черты парадоксальности.

В истории человечества можно найти множество примеров того, как тот или иной народ возвращался к собственной, исконной культуре, как только внешнее давление по каким-либо причинам ослаблялось. Однако в случае с римским правом мы имеем яркий и убедительный пример того, как навязанная, либо заимствованная система права продолжила самостоятельное и полноценное существование на иной культурной почве, как это, к примеру, случилось, с казахским и кыргызским народами.

Философия, как мы считаем, располагает для этого большими возможностями и, соответственно, может дать наиболее полное объяснение упомянутому нами культурному парадоксу.

История и культура казахского и кыргызского народов имеют множество различий, поскольку это истории и культуры, несмотря на определенные сходства в языке, менталитете и т.д., разных народов. С другой стороны, наше исследование лишилось бы смысла, если мы имели бы сосредоточили свое внимание на этих частностях, упуская из виду общее и при этом сущностно важное во всем, что имеет отношение к праву.

Интерес к римскому праву, стремление к его внедрению в уже сложившиеся правовые системы были связаны в первую очередь с интенсивным формированием либо усилением государств с мощной централизованной властью. Интенсивное развитие экономических отношений, обусловленное ростом городов и возникновением новых классов в лице буржуазии и рабочих, формирование общего национального рынка настойчиво требовали более эффективного регулирования постоянно усложнявшихся и интенсифицировавшихся общественных отношений, которое могло куда более успешно осуществляться на основе более совершенного единого профессионального права, а не на прежних правовых обычаях.

Здесь речь идет об осознанном желании целых народов и государств и соответствующих этому желанию действий,

направленных на максимальное освоение чужеродных элементов культуры, как способных оказать положительное влияние на экономический рост и возрастание военной мощи, способной обеспечить безопасность и политический суверенитет.

Для казахского и кыргызского народов характерно множество сходств не только в том, каким образом происходило развитие права, но и как был осуществлен переход в новую систему права. Данные сходства и совпадения в значительной мере обусловлены двумя обстоятельствами. Во-первых, общей культурной основой казахов и кыргызов, их принадлежностью к одной и той же кочевой цивилизации, в пределах которой мы прибывали приблизительно одинаковое по продолжительности время. Во-вторых, большим сходством исторических обстоятельств, при которых казахский и кыргызский народы перешли вначале в царскую российскую, затем в советскую и, наконец, современную систему права.

Несомненно, между казахским и кыргызским обычным правом можно найти множество различий. Однако обе эти системы права были разновидностями обычного права, какой бы исторической и этнической спецификой они не обладали.

Разумеется, мы не должны и не можем проигнорировать различия в истории права обоих рассматриваемых нами народов. Различия, которые создали благоприятную почву для определенных отличий в самих системах права. Так, казахи, в отличие кыргызов, неоднократно предпринимали попытки кодификации обычаев на основе норм обычного права. Одна из таких попыток была при [Тайке хане](#) (1680–1718 гг.). Собранные по его распоряжению в единое целое нормы получили наименование «Жеті Жарғы» («Семь уложений»). До «Жеті Жарғы» у казахов приблизительно за два столетия до этого существовал другой свод узаконений, принятый в [Казахском ханстве](#) при хане [Касым хане](#) (1455–1522 гг.) и называвшийся казахами «Касым ханнын каска жолы» («Чистая дорога хана Касыма»). Законы, однако, не были записаны и существовали в устном виде.

Как пишет академик НАН Республики Казахстан, доктор юридических наук С.З. Зиманов: «Казахское право («Жарғы») — это во многом селективное право, выражающее общее и особенное в развитии кочевого общества на Восточном Дашт-и Кипчаке (Кипчакской степи). Оно представлено как бы естественным отбором из Правовых массивов кочевых обществ, сменявших друг друга на протяжении многих веков в истории Центрального Казахстана. Следовательно, в нем есть нормы и следы от гуннов и тюркских каганатов, от кипчаков и Монгольской империи. ... Казахское право («Жарғы») в имманентном его понимании, формировалось и достигло развития в Кипчакской степи в условиях большей свободы кочевников и самоопределения кочевых сообществ. Оно было одним из определяющих качественных элементов кочевой цивилизации и ее культурных ценностей в Центральной Азии» [1, с. 39–40]. «В кочевом Казахском обществе особое значение, прида-

валось регулятивным нормам, имевшим обязательную силу, абсолютная масса которых применялась на уровне традиционных, обычных стандартов поведения. «Казахское право («Жарғы»), — пишет С.З. Зиманов, — в имманентном его понимании, формировалось и достигло развития в Кипчакской степи в условиях большей свободы кочевников и самоопределения кочевых сообществ. Оно было одним из определяющих качественных элементов кочевой цивилизации и культурных ценностей в Центральной Азии» [1, с. 40].

Перемены в процессе становления обычного права происходили настолько медленно, что говорить о его органическом росте можно только с определенными оговорками. Одной из фундаментальных черт традиционного общества является его сравнительно медленное развитие, которое, собственно, и объясняет столь же медленное развитие всех его составных элементов и институтов. Это обстоятельство, а вернее, черта, свойство традиционного общества в данном случае значительно важнее для нашего исследования, чем «органический рост» права, так как данная черта объясняет устойчивость и чрезвычайно медленную эволюцию правовых форм. Тем более что «органический рост» был, в конце концов, прерван.

Наличие огромных пространств, на которых были расселены оба народа, позволяло им сохранять не только жизнь, но и собственную культуру и самобытность. Органической частью данной культуры была, в частности, обычная система права. Но поскольку пространство, каким бы большим оно не было само по себе, не может бесконечно долго защищать социумы, прибывающие в нем, то казахи приблизительно с XVII века, а кыргызы где-то с середины XIX века стали испытывать влияние одной из разновидностей европейской культуры и цивилизации в лице Российского государства. Данное влияние в силу различных обстоятельств со временем будет только возрастать, что в конечном счете приведет к глубочайшим культурным и цивилизационным изменениям наших народов.

Так почему система обычного права казахов и кыргызов сохранялась в малоизмененном виде в течение многих веков, вплоть до трех первых десятилетий XX века? Кратко - потому что оба народа, продолжая придерживаться кочевого образа до первых десятилетий XX века, не испытывали особой необходимости и потребности вносить изменения в систему права. Данное утверждение, носящее аксиоматический характер, в полной мере вписывается в фундаментальное положение марксизма, которое высказал К. Маркс в своем программном труде «К критике политической экономии», а именно: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [2, с. 8].

Новейшее время было ознаменовано для казахского и кыргызского народов настолько кардинальными изменениями, что можно утверждать, не греша против истины, что казахи и кыргызы перешли, по сути, в иное цивилизационное состояние, которое уже не могло обслуживаться традиционной обычной системой права. Реальность претерпела столь существенные изменения, что прежняя система права, какими бы положительными чертами она не обладала сама по себе, стала архаизмом. Очевидно, что данный переход состоялся в силу значительного внешнего влияния, которое исходило от Российского государства, особенно в советский период истории, длившийся, как известно, более семидесяти лет.

Основное противоречие советского периода истории состоит в том, что, несмотря на все негативные черты совет-

ской политической и социально-экономической системы, что позитивных изменений, произошедших с казахским и кыргызским народами, в целом было, по нашему убеждению, больше, чем отрицательных. И эти изменения были сопряжены в первую очередь именно с существенными культурно-цивилизационными сдвигами, изменениями, произошедшими с нашими народами.

Приблизительно к середине семидесятых годов XX века наметилось четкое отставание государств социалистической системы государств от ведущих капиталистических экономик. Последние, осуществив у себя информационную революцию, стали стремительно переходить от индустриальной к постиндустриальной фазе общественного развития.

Казахи и кыргызы, в целом, осуществили переход в новое цивилизационное состояние, тип и парадигму, во многих отношениях не совпадающих с исконным культурно-цивилизационным состоянием. Очевидно, что именно этот переход привел, не мог не привести к кардинальной смене исконного традиционного права и соответствующих ему институтов. И так же очевидно, что этот переход был осуществлен во многом благодаря внешнему влиянию и помощи, исходившей от России. Данное обстоятельство заставляет нас думать, что это является одной из основных причин настаивать на усилении сотрудничества и контактов наших государств и народов с Российским государством и народом, который включает в себя помимо прочих несколько тюркских этносов.

С момента провозглашения независимости начался Новейший этап в истории обоих народов. У.М. Мукамбаев и Г.А. Мукамбаева в совместном труде «Конституционное развитие Кыргызстана» в связи с данным этапом пишут следующее: «Общество шло к капиталистическому пути развития» [3, с. 210]. Правда, в юридической литературе и официальных документах слово «капиталистический» и родственные слова авторы предпочитают не употреблять, находя им соответствующую замену. Однако все эти слова и словосочетания (к примеру, «рыночная экономика», «демократическое общество», «либерализм», «либерализация общественных отношений», «либеральный ценности», «плюралистическое общество», «многопартийность», «развитое гражданское общество», «свобода совести», «свобода слова» и т.д.), взятые в совокупности, характеризуют развитое капиталистическое, современное буржуазное общество. В пользу данного утверждения говорит, в частности, содержание Основного закона — Конституции — обоих наших государств.

Современное казахское и кыргызское общество содержит в себе элементы как современного гражданского, так и традиционного общества, а значит, содержит в себе одновременно как коллективистские, так и индивидуалистические начала. Это неизбежно порождает ряд противоречий практически во всем спектре общественных отношений, а кроме того, в отношениях между обществом, индивидом и государством. «Индивидуалистическое общество, — пишет В.В. Лазарев, — по природе своей ограничивает вмешательство государства в жизнь граждан. Коллективистское же, напротив, предполагает большой простор для государственной деятельности. В зависимости от того, чьи интересы — человека (гражданина) или общественные — стоят на первом месте, расширяются или сужаются границы деятельности государства» [4, С. 87].

Можно выявить еще одно трудно преодолимое противоречие, состоящее в том, что утверждаемые уже в течение

более двадцати пяти лет в Казахстане и Кыргызстане ценности, порядок и правовая система отрицают предшествующие ценности, порядок и правовую систему. Разумеется, не целиком, но в достаточно ощутимой мере. Казахстан и Кыргызстан движутся в направлении к гражданскому обществу, с характерной для него правовой и цен-

ностной системой, которая во многих отношениях находится в оппозиции к традиционным институтам и ценностям. Однако, учитывая современные глобальные тенденции, у нас нет иной альтернативы, чем следовать и дальше в уже избранном направлении. Это, разумеется, относится и к праву.

Литература:

1. Зиманов С.З. Обзорные и особенности законодательной деятельности казахских ханов [Текст] / С.З. Зиманов // Древний мир права казахов. Материалы, документы и исследования, 10 т. — Т. 4. — Алматы: Жеті Жарғы, 2005. — 552 с. — С. 38–59. 110.
2. Маркс, К. К критике политической экономии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. — 2-е изд. — Т. 13. — 771 с.
3. Мукамбаев, У.М., Мукамбаева, Г.А. Конституционное развитие Кыргызстана [Текст] / У.М. Мукамбаев, Г.А. Мукамбаева. — Бишкек, 1998. — 498 с.
4. Лазарев В.В. Теория государства и права. — М., 1992.

Симулякр. Совесть и очевидность как неустранимые элементы бытия человека — действующее небытие

Шиповская Людмила Павловна, доктор философских наук,
профессор кафедры философии
РГАУ МСХА им. К.А. Тимирязева

Ключевые слова: коммуникации, глобальный диалог, симулятивная виртуальная реальность, идеологема, информационные технологии, симулякр.

Движение современного общества строится в поле коммуникации и глобального диалога. Соответственно, идеологические реальности вводятся в процесс общественного бытия как средство и объект коммуникации, в качестве замены действительности. Действительность реальна в качестве порождающей мысль, но в современном, сведенном к идеологическим реальностям мировоззрении она виртуальна, т.е. присутствует только как мысль, образ, переживания и т.п.

Однако, жизнь богаче самых фантастических концепций. Когда возникла виртуальная реальность, сфера субъективности, как ни странно, существенно сузилась. «Я» теперь есть простое внутреннее имя. Его содержание равно нулю. Наполненность «Я» богатым содержанием субъективной реальности только мешает воспринимать подготовленную к употреблению множеством других информацией из mass media, Интернета, рекламы и т.п. «Я» перестало быть вполне субъективным. Событие - это то, что попало в поле коммуникации, что сообщено. Только потом оно осознаётся «Я» как случившееся. Стирается характерная для европейской культуры Нового времени оппозиция «Я — мир», исчезает субъективная реальность, а вместе с ней затрудняется возможность мыслить объективную реальность. Вся человеческая реальность тяготеет к статусу виртуальной. Так мышление современного человека отдаляется от очевидности, идеологизируется и вместо использования понятий, предполагающих строгость и однозначность дефиниций, переходит к многозначному и метафорическому языку косвенных выражений. Одной из характерных особенностей мышления является связь с языком, ибо в языке человек закрепляет результаты мыслительной деятельности. Язык является важным средством в деле выявления логической структуры мысли. Язык - это знаковая информационная система, выполняющая функцию формирования, хранения и передачи информации в процессе познания действительности и общения между людьми.

Метафорический язык не способен передавать аналитические истины (само понятие истины растворяется), а передает особое духовное состояние в виде множества идеологем.

Появляются как действительность, преобразованные в идеологеми — специфические переживания субъекта о сложившейся в коммуникативном пространстве виртуальной реальности, вытеснившей объективную реальность на задворки осознаваемого бытия.

Теперь позволительно мыслить о человеке абстрактно, а абстрактное мышление есть обобщенное отражение мира, и при этом не отвергать единственность и конкретность его места в мире. Совесть и очевидность как неустранимые элементы бытия человека оказываются действующим небытием.

Формируясь, человек выстроил из знаков символический мир, поставив его рядом с действительным миром. Простейший язык и примитивные образы — его первоначальный ресурс. Потом одни символы стали описывать посредством других — возникла идеология как особая человеческая реальность. Вокруг идеологической реальности разворачивалась борьба, разрушались и создавались человеческие судьбы, велись войны, возникали, существовали и изменялись государства и сам человек.

Современный способ социального бытия и его осознания во многом рождается в результате бурного развития цифровых информационных технологий. Сегодня технические разработки позволяют достичь почти полного информационного моделирования действительности, но могут и уводить от действительности, формируя симулятивную виртуальную реальность. Пытаясь показать этапы развития симуляции, ученые выделяют четыре стадии. Первая - воспроизведение некоей действительности; вторая - замаскированное превращение действительности в иллюзорные формы; третья - маскировка отсутствия за видимостью всякой действительности; четвертая - утрата всякой связи с

действительностью, переход из строя видимости в строй симуляции, т. е. обращение знака в симулякр, в элемент виртуальной реальности [1, с. 147].

Знак, как известно, — это материальный объект, используемый в процессе познания или общения в качестве представителя какого-либо объекта. Поскольку симулякр не знак, он не копирует действительность. Он (симулякр) существует в особом пространстве симулякров — в виртуальной реальности. Он есть виртуальное тело, и может быть референтом представляющего его знака-симулякра следующего порядка (как в железных расходящихся рядах). Там, где заканчивается цепочка подобия, знак рождается в симулякр. Симулякр был бы знаком научной, идеологической или, даже, мифической реальности, если бы его предметное значение можно было бы хотя бы помыслить. Например, время в формулах науки является измеряемой исследователем наблюдающим часы величиной. А за пределами науки термин «время» становится симулякром, то есть означающим, предметного значения которого не удается помыслить. С таким «временем» можно делать все, что угодно — ускорять, замедлять. По нему можно двигаться туда-обратно и т.п. Жан Бодрийяр писал, что симулякры существуют обретая странным образом «гиперреальность», то есть осознаются реальнее реального. Под симулякрами Бодрийяр понимает знаки или образы, отрывающиеся по смыслу от конкретных объектов, явлений, событий, к которым они изначально относились и тем самым выступающие как подделки, уродливые мутанты, фальсифицированные копии, не соответствующие оригиналу.

Симулякр существует только сливаясь с субъектом, становясь элементом содержания «Я», а субъект обращается в собственный симулякр. Телесно, физически оставаясь в действительном мире, человек ментально переходит в виртуальный мир, в пространство симулякров, где наделяется новым телом, не имеющим ничего общего с телесностью. Возникает подобие шизофренического состояния, расщепления целостности индивида, который одновременно находится в двух пространствах. Эффект двойного присутствия, обладания двумя самостями.

Всегда и везде в современном мире преодолевается грань, за которой симуляция заслоняет и маскирует события действительного бытия. Наиболее интенсивное вторжение виртуальной реальности в действительность современного социума произошло в средствах массовой информации. Их виртуализация выражается в активном и агрессивном вытеснении воспроизведения действительности ее симуляцией. Один из наиболее ярких примеров симуляции — социально-политическая реальность современного социума. Политика сегодня неразрывно слилась с технологиями mass media.

Метафорическая характеристика средств массовой информации как «четвертая власть» некорректна. Новый властный институт не возникал, а вот старый — трансформировался под влиянием новейшей технологии. «В настоящее время власть это не просто политические и административные структуры, а ни что иное, как технологический гибрид, обнаруживающий себя в «роковом соединении власти и знака» [1, с. 102].

Причем, это даже не знак, а симулякр, объединяющий в себе означаемое и означающее, воплощающий отчужденность, а не сходство с действительностью. Властные отношения модифицировались и вызвали симуляции в качестве новых форм социального бытия.

Новые формы социальной коммуникации, связанные с перестройкой знаковой системы, изменили действительность власти. Симуляция деятельности власти теперь может рассматриваться как настоящая деятельность. Присутствие власти в Интернете — атрибут современной власти. Сообщение о событии в mass media и есть подлинное событие. На этом основаны избирательные технологии, освещение военных конфликтов, создание имиджа власти, образ конфликтов, которым может быть придан вид экстремистских, этнических, этноконфессиональных и любых других. Виды, образы, имиджи определяются их собственным взаимодействием, и весьма приблизительно связаны с действительностью.

Сложилась ситуация, когда СМИ не столько отражают действительность, сколько творят симулякры и слово-образы, определяющие контуры и содержание принимаемой за действительность виртуальной культурной реальности.

Эту виртуальную среду плодотворно рассматривают как специфическую форму дискурса современного мира. Понятие «дискурса» при этом используется в смысле, предложенном Мишелем Фуко — французским философом, теоретиком культуры и историком. Под дискурсом он понимал социально обусловленную систему общения, включающую различные формы действия, речевых высказываний, правила и способы обоснования высказываний, принятые в конкретном социуме, поддерживающие властные отношения и опирающиеся на них. Понятием дискурса М. Фуко подчеркнул неразрывность Власти, Техники и Текста. Власть Фуко понимал, как множественность отношений силы, характерных для области их осуществления, а вовсе не как «совокупность институтов и аппаратов». Неразрывные власть и дискурс взаимно конституируют организацию друг друга и функционируют в этой организации. «Власть, писал М. Фуко, — повсюду — не потому, что она все охватывает, но потому, что она отовсюду исходит» [3, с. 93].

Властные и информационные технологии неразрывно слиты. «Между техниками знания и стратегиями власти нет никакого промежутка» [3, с. 93], утверждал Фуко. Анализируя действительное бытие «виртуального образа» политических отношений современного общества, надо избегать примитивных утверждений, будто власть определяет деятельность СМИ, принуждая выполнять определенные ее заказы; или же, наоборот, СМИ выполняют функции власти, вынуждая подстраивать политику под заданный ими шаблон. В действительности коммуникация, власть, информация, знание слились в единую паутину симуляций, которая есть дискурс современного общества.

Симуляция может быть откровенно деструктивной, например, когда виртуальные технологии используются для организации и информационного прикрытия военных действий. В современном мире война для не затронутых ею непосредственно существует как своего рода игра. Даже об итоге жестокой Великой отечественной войны теперь говорят не «Мы победили!» а «Мы *выиграли* войну», как будто сыграть партию в шахматы.

Сегодня даже кадры расстрела мирных жителей с вертолета и съемка мертвых тел переживаются как игра на телевизионных и компьютерных экранах. Но даже участники и жертвы войны переживают столкновение, как бы, не с действительными событиями, а с какой-то видимостью симуляции, выходящей за рамки пространства симу-

лякров и имеющей вполне определенные действительные, а вовсе не виртуальные результаты: разрушение и смерть.

Симуляция, как системообразующий элемент современного информационного общества, является неотъемлемым компонентом всех социальных подсистем. Ее проявления обнаруживаются, например, в сфере межличностных отношений, в политике, искусстве, и т.д. «Налицо факт виртуализации сегодняшнего общества, в котором симулятивная деятельность принимает такие масштабы, что позволяет говорить об утрате устойчивости социальных структур и об ощущении призрачности и нестабильности социального бытия в ситуации постмодерна» [2].

Проиллюстрируем «исчезновение реальности» современного мира, о которой писал Бодрийяр, на примере совсем недавних политических событий. В частности, действительные события Балканской войны на рубеже веков по материалам СМИ реконструировать практически невозможно. Ясно лишь, что сегодня война - не только вооруженный конфликт, это еще и битвы симуляций в информационном пространстве, без победы в которых, не может быть победы в кампании в целом. В результате симулятивных дискурсивных практик формируются активно действующие виртуальные реальности, в которых власть и информация сливаются так, что постепенно полностью исключается из информационного пространства действительность, не укладывающаяся в предпочтительные, привычные схемы сложившегося дискурса.

Еще одним - классическим примером генерированной гибридом mass media и властных технологий подмены действительности симулятивными знаками реальности, являются различного рода рейтинги партий и политических лидеров, представляемые как результаты опросов общественного мнения. Их заявленная цель - понять действительную политическую ситуацию в стране, выяснить, каково соотношение политических сил. Но стремление к достижению цели на одном из этапов вызывает такое состояние, что корректные данные произведенных опросов начинают прогнозировать, предопределять результаты последующих опросов, в итоге само понятие «объективности» становится неуместным, а образ политической реальности начинает превосходить саму политическую действительность. «Исчезновение реальности» (на языке классической философии это звучит «исчезновение субъективного образа объективного мира») в смысле исчезновения соответствия ее действительности (тому, что действует) и формирования системы виртуальных симулятивных замен является с одной стороны, продуктом внутренних транс-

формаций философствования, с другой - навязывается социально-технологическими особенностями современного мира. «С того времени, когда новые электронные mass media и компьютерные технологии вторгаются в жизненный мир, изменяется наше понятие действительности... Сегодня технологии симуляции ставят под вопрос само различие между реальным и воображаемым» [4, с. 108].

В современном мире феномен симуляции по-новому ставит проблему соотношения веры и разума. Рациональное знание в симулятивно выстроенной среде уходит на второй план, уступая место вере. Хотя мы осознаем свою погруженность в искусственный мир, существование которого, вроде бы, можно прекратить - нужно лишь покинуть его - мы продолжаем верить в виртуально симулированную реальность как в действительность. Это противоречие иногда называют «шизоидным» воздействием симуляций. Если виртуальный мир мы находим на экране компьютера, его можно покинуть, просто кликнув «мышью». Но ситуация становится принципиально иной, если вследствие осуществленной стратегий власти вся социально-политическая реальность становится виртуальной. В этом случае вся вещно-событийная действительность заменяется симулятивной, технологической, искусственной средой обитания.

Как видим, ситуация амбивалентна. С одной стороны, глобальное развитие информационных технологий открывает новые огромные возможности для человечества, но с другой стороны, человек сталкивается с новыми опасными ситуациями. Он может превратиться в «человеческий фактор», стать ненужным в обезличенном представляющем мозаику мире.

Таковы некоторые аспекты современной социокультурной ситуации. И таковы контуры ситуации современного человека, поместившего себя в симулятивный мир. Тотальная симуляция заменяет мир вещей и событий виртуальным миром.

В современную эпоху глобализации поражения и победы свершаются на невидимом фронте информационно-психологической войны, использующей коммуникативные технологии с долговременными и кратковременными целями. Очень трудно дать оценку влиянию СМИ на человека, на его мнение сегодня, ведь недооценка влияния средств массовой информации на человека и манипуляция общественным сознанием становятся одной из главных причин вырождения культурных ценностей человека и общества, искусства и науки, нравственности и духовности, образования и воспитания подрастающего поколения [5].

Литература:

1. Аршинов В.И. Постнеклассическая наука. Философский анализ. М., 2001. С. 147, 102.
2. Емелин В.А. Информационные технологии в контексте постмодернистской философии, (цит. по дисс.) М., 1997.
3. Фуко М. Воля к истине. М., 1996. С. 93.
4. Фуре В. Эпистемологические импликации постмодерна // Топос. — 2000. - №1. С. 108.
5. Шиповская Л.П. Общество как объект философского осмысления. // VIII Международная научная конференция «Научные аспекты современных исследований» М. ЕНО №8 Август, 2015.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Анализ диадических отношений в структуре английских составных технических терминов

Генералов Владимир Александрович, соискатель
Челябинский государственный университет (г. Челябинск)

Аннотация: В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с диадическими (парными) отношениями, в которые вступают некоторые типы модифицирующих компонентов в структуре английских составных технических терминов.

Ключевые слова: составной технический термин; модификатор; диадический; корреляция; контрапозиция; антонимический; классификация.

В данной работе мы анализируем такое свойство некоторых типов определителей или, по нашей терминологии, модификаторов, которые входят в состав сложномодифицированных терминов, как способность образовывать диадические (парные) корреляции. Мы предлагаем термин 'диадический' (от греческих слов 'дуо' - два, пара и 'диас' - двоица, для того, чтобы не употреблять общепринятый термин 'бинарный', который применяется в других контекстах.

Отдельные модификаторы могут образовывать диады, или пары, друг с другом. Например, определители 'upper' и 'lower' в железнодорожных терминах 'upper berth' (верхняя полка в вагоне) и 'lower berth' (нижняя полка в вагоне) образуют друг с другом антонимичную пару, которая существует в сознании субъекта. В некоторых странах пассажирские вагоны оборудуются тремя спальными полками, например в Индии и Китае. Естественно предположить о наличии в этом случае триады: {upper berth - middle berth* - lower berth}. Однако, средний термин не отмечен в британском варианте английского языка. Поэтому триада существует только потенциально в британском стандарте и практически реализована в локальных вариантах английского языка. По нашему мнению, для субъекта терминологии наиболее важными являются крайние члены корреляции, а потенциальные члены могут либо находить свое языковое выражение, либо оставаться в импликациях. То есть в независимости от того, существуют ли в языке промежуточные члены (например, middle berth*), *противопоставление происходит между двумя членами корреляции* (антонимическая контрапозиция) - в виде диады {upper berth versus middle and lower berths} или {lower berth versus middle and upper berths}. Здесь возникает вопрос о противопоставлении единичного объекта и группы объектов, если число коррелятов превышает два. Согласно нашей гипотезе, если модификаторов в корреляции больше двух, происходит диадическое (парное) противопоставление (dyadic contraposition) между отдельным модификатором и группой модификаторов из одного мнемонического ряда (например, {white versus *x* colours}; {one-storey versus *n*-storeys}). Другими словами, мы считаем, что модификатор 'white' коррелирует в сознании со всей группой цветовых признаков (black, brown, red, green, yellow и т.д.), а не с отдельно взятыми признаками (мы не рассматриваем здесь частную корреляцию {white versus black}). В случае с модификаторами цвета или этажности наблюдается диадическая корреляция на уровне противопоставления еди-

ничного модификатора и группы *x/n*-модификаторов.

Также возникает вопрос о том, могут ли диадические корреляции вообще формироваться совместно эксплицированными и имплицитными модификаторами. Например, у модификаторов 'white' и 'black', имеющих метафорические значения в словосочетаниях типа *white sale* (зимняя распродажа), *white harvest* (запоздалая уборка урожая), *black data* (зашифрованные данные), *black economy* (теневой рынок), не отмечены корреляты с антонимическими значениями, как в случае с модификаторами в словосочетаниях *black list* (черный список) и *white list* (список лиц, прошедших проверку на благонадежность). Существуют ли они в импликациях и если так, то образуют ли они диадическую корреляцию друг с другом?

Тем не менее, лингвистами признается тот факт, что невыраженный член какой-либо корреляции может подразумеваться, но не выражаться в языке, например так называемый нулевой артикль: {the definite article: the indefinite article: the zero article}.

Члены диадической корреляции образуют антонимические пары с различными типами антонимичности [1, 3-10]. Согласно принятой точке зрения, антонимы классифицируются на *contradictories*, *contraries* и *incompatibles*. Первый тип обозначает антонимы, которые взаимно противопоставлены друг другу по семантике, например {singular versus plural}. Второй тип предполагает градацию, когда корреляция включает пары, различающиеся по степени интенсивности признака или качества: {lukewarm/tepid/warmish versus warm}; {cool/chilly versus cold}; {hot/scalding versus sizzling}. Третий тип связан с отношениями исключения, например признак 'green' исключает все другие цвета цветового ряда (white, black, brown, yellow, etc.).

В своей работе, посвященной исследованию антонимии в сфере петрохимических терминов, исследователь Н. В. Горохова отмечает существование контекстных антонимов: «Исследуемой терминосистеме кроме истинных антонимов свойственны и прагматические, контекстные антонимы, существование которых в общелитературном языке отмечается Ю. Д. Апресяном, О. С. Ахмановой, А. А. Брагиной, Г. П. Мельниковым, Л. А. Новиковым, Д. Н. Шмелевым и многими другими лингвистами. Термины данной группы приобретают противоположные смыслы только в контексте и представляют противопоставления, нехарактерные для общелитературного языка: straight — directional (вертикальный — горизонтальный);

feed – ultimate (начальный – суммарный); impulse – rotary (ударный – вращательный); modular – land (передвижной – стационарный) и т.п.» [2, с. 83].

Н. В. Горохова приводит, например, следующие семантические классы антонимов (которые мы представляем здесь в сокращенном изложении):

1) антонимы, выражающие качественную противоположность: upper horizon – lower horizon (верхний горизонт – нижний горизонт) (нам представляется, что противоположность здесь отражает прежде всего идею *локативности* - В.А.Г.);

2) антонимы, выражающие дополнительность (комплементарность): main hole – branch hole (основной ствол скважины – боковой ствол скважины);

3) антонимы, выражающие противоположную направленность действий, свойств, признаков, основанную на логически противоположных понятиях (векторная противоположность): vertical drilling – horizontal drilling (вертикальное бурение – горизонтальное бурение). Исследователь далее отмечает, что «антонимы противопоставлены парадигматически по одному дифференциальному признаку противоположными семами значений». Она выделяет на этом основании следующие классы антонимов:

1) по месту: lateral – edge effect (боковой – концевой эффект);

2) по положению в пространстве: subsurface – above-surface storage (подземное – наземное хранилище);

3) по способу действия: mechanical – electromagnetic clutch (механическая – электромагнитная муфта);

4) по форме: maxi – mini fitting (большой – малый фитинг);

5) по качеству: hydraulically rough – hydraulically smooth pipe (гидравлически гладкая – гидравлически шероховатая труба);

6) по выполняемой функции: inlet – outlet header (впускной – выпускной коллектор) и т.д. [там же с. 82-83].

Н. В. Горохова отмечает, что «... бинарный принцип особенно важен в языке технических дисциплин, отличающемся своей конкретностью, поскольку позволяет представить логически стройную систему понятий определенной научной сферы» [там же, с.83].

Нам представляется, что диадичность модификаторов в составе сложномодифицированных технических терминов является частным случаем антонимии в языке. Данная категория, которую мы предлагаем в настоящей работе, является, вероятно, универсалией, связанной с механизмом образования СТТ.

Мы проводим наше исследование на базе терминов, связанных с механической обработкой почвы. Для этих терминов также характерно наличие диадических корреляций, в которых обычно один из членов эксплицирован, а другой дается в импликации, например в термине '**new agricultural tool**' (новое сельскохозяйственное орудие) модификатор '**new**' противопоставляется модификатору '**outdated**' в термине '**outdated agricultural tool**'* (устаревшее сельскохозяйственное орудие), который подразумевается, но не отмечен на языковом уровне. Еще пример: термин '**rotating/rotary/rotation plough**' (1. почвенная фреза; 2. плуг, в котором производится смена рабочих органов путем полного или частичного переворачивания его вокруг своей оси, например в конце поля) содержит модификатор '**rotating/rotary/rotation**', который эксплицирован. В первом значении рабочий орган плуга является вращающимся в противоположность неподвижному органу ({rotating/rotary/rotation versus immobile}). Во втором значении

плуг вместе с корпусами совершает полный или неполный оборот вокруг своей оси согласно требованиям технологии вспашки почвы ({rotating/rotary/rotation versus stationary}). Однако, антонимичный термин '**stationary/fixed/immovable plough**'* нами не отмечен. Мы считаем, что такой вид диадичности, когда эксплицирован только один член корреляции, является распространенным в данной терминосфере.

Ниже мы приводим нашу классификацию модификаторов терминов, использующихся в области механической обработки почвы, выражаемых прилагательными, причастиями, отглагольными прилагательными и отглагольными существительными, которые образуют диадические пары с имплицированными модификаторами. Нередко такие модификаторы имеют при себе делимитирующие компоненты, например *double-rotating*, *hydraulic(ally)-reversible*, *rotary-driven* и т.п. Нижеследующие факторы характеризуют модификаторы в составе СТТ, относящихся к области механической обработки почвы:

1) *постоянная динамическая параметризация (наделение параметрическими признаками) базиса (символ CONST DYN PAR)*:

double rotating plough (плуг с двойным поворотом);

rotary tillage tool (фреза для обработки почвы);

rotation plough (1. почвенная фреза; 2. плуг, позволяющий изменять положение рабочих органов).

2) *переменная динамическая параметризация базиса (символ VAR DYN PAR)*:

reversible plough (оборотный плуг, балансирный плуг);

hydraulic/hydraulically reversible furrow plough (гидравлически переустанавливаемый бороздковый плуг)

3) *статическая параметризация базиса (символ STAT-IC PAR)*:

strong plough (древнеегипетский деревянный плуг для обработки тяжелых глинистых почв, армированный металлическими пластинками);

heavy plough (плантажный плуг, служащий для глубокой вспашки);

wide plough (многокорпусный плуг, применяемый для одновременного выполнения нескольких пахотных борозд).

4) *параметризация модификатора (символ PAR FEATURE)*:

а) *часть технического объекта наделяется постоянным динамическим признаком (символ CONST DYN FEATURE)*:

rotating disc plough (плуг с вращающимися дисками);

rotating plough machine (машина с вращающимся плугом)

б) *часть технического объекта наделяется переменным динамическим признаком (символ VAR DYN FEATURE)*:

reversible mouldboard plough (плуг с поворачивающимся отвалом).

в) *часть технического объекта наделяется постоянным статическим признаком (символ CONST STATIC FEATURE)*:

toothed harrow tractor (трактор с сочленяемой зубовой бороной).

г) *часть технического объекта наделяется пассивным динамическим признаком (символ PASSIVE DYN FEATURE)*:

rotary driven disc plough (дисковый плуг с вращательным приводом);

power-driven rotating toothed disk plough (плуг с вращающимися зубчатыми дисками, имеющими механический привод).

5. *параметризация базиса посредством признака-*

эталона (символ REF FEATURE):

large-size cultivator (культиватор с большими габаритами);

low-till agriculture (сельское хозяйство с минимальной обработкой почвы);

(high-) precision adjustment ([высоко-] точная регулировка). Развертка: → adjustment ATTAINS a high precision или: adjustment CHARACTERISED BY a high precision;

(best-) choice plough (плуг высшей категории). Развертка: → a plough RELATES TO the best choice;

Иногда встречаются составные модификаторы с переносным значением, например в термине '**cutting-edge cultivator**' (усовершенствованный культиватор) модификатор 'cutting-edge' употребляется метафорично, не в прямом

значении, и обозначает 'технически совершенный', 'передовой', 'усовершенствованный'.

Выводы:

1. Предлагаемая нами категория диадической корреляции попарно противопоставляемых модификаторов, из которых один представлен в импликациях, может служить в качестве инструмента для изучения и систематизации английских составных технических терминов разной сложности, а также для создания их классификаций.

2. Необходимы дальнейшие исследования в целях подтверждения корректности и обоснованности предлагаемой нами категории диадической корреляции и изучения ее роли в механизме образования и функционирования СТТ как комплексных линейных знаков.

Литература:

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974. Стр. 119-133.
2. Горохова Н.В. Антонимия в англоязычной терминологии нефтегазового дела // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 5 (47) 2015, Часть 1. С. 81-83.
3. Иванова В.А., Антонимия в системе языка / В.А. Иванова, - Кишинев, 1982. 160 стр.
4. Cruse, D.A. (1986). *Lexical Semantics*. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Gross, Derek, Fischer, Ute & Miller, George A. (1988). *Antonymy and the Representation of Adjectival Meanings*. Cognitive Science Laboratory Report 13, Dept. of Psychology, Princeton University.
6. Jones, S. (2002). *Antonymy: A Corpus-Based Perspective*. Amsterdam: Routledge.
7. Justeson, John S. & Katz, Slava M. (1991). *Co-occurrences of Antonymous Adjectives and Their Contexts*. *Computational Linguistics*, 17, 1-19.
8. Leech, Geoffrey. (1981). *Semantics* (2nd edition). Harmondsworth: Penguin Books.
9. Lyons, John. (1977). *Semantics*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Murphy, L. (2003). *Semantic Relations and the Lexicon: Antonyms, Synonyms and Other Semantic Paradigms*. Cambridge: Cambridge UP.

Проблема формирования двуязычной личности в Республике Саха (Якутия)

Макарова Розалия Петровна, старший преподаватель филологического факультета СВФУ;

Панькова Саина Гаврильевна, студент
Северо-Восточный Федеральный университет

В Республике Саха (Якутия) два государственных языка — русский и якутский. В связи с этим сфера образования в республике всегда испытывала трудности в решении вопросов, которые касаются двуязычного обучения и двуязычного образования. Конечным продуктом всего образовательного процесса в условиях двуязычия должна стать полноценная языковая личность с развитыми лингвистическими и коммуникативными компетенциями по двум государственным языкам. Теоретически оказалось, что легче научить будущего экономиста или юриста на немецком языке, нежели на якутском. Легче, не значит лучше. В итоге юристы предпочитают общаться с клиентами своей национальности на русском языке, нежели на родном якутском. Скорее всего, экономист после окончания ВУЗа ни разу не использовал в жизни немецкий язык и почти забыл пройденный материал, в отличие от якутского языка, с которым он сталкивается ежедневно.

Важно правильно планировать языковое образование в двуязычном социуме, учитывая неравенства в социально-демографических параметрах и функциональной дистрибуции языков. Для понимания сущности языкового образования, определения его стратегии приобретает обращение к ведущим параметрам языковой ситуации.

Необходимо провести социолингвистическое исследование языковой ситуации в сфере образования на разных этапах формирования личности: семейном, дошкольном,

начальном, среднем общем и профессиональном. Важно учитывать не только языковые и педагогические факторы, а социальные и психологические факторы формирования языковой личности как при обучении на неродном языке, так и родном якутском языке.

В процессе формирования языковой личности роль семьи как первой языковой микросреды играет важную роль, как и роль образовательного учреждения, которая представляет собой вторую, но самую важную языковую микросреду. Процесс языкового образования в системе дошкольного и общего образования в г. Якутске (за исключением отдельных образовательных учреждений) создает мнимый эффект двуязычного обучения в виде искусственного двуязычия, которое предусматривает изучение якутского языка только как предмета. В результате такого обучения якутский язык лишь символически сохраняет статус родного языка и частично выполняет функции первого языка. «Обучение родному языку в условиях ограниченно коммуникативного потенциала языка не только создает эффект временности пользования родным языком, но оно по сравнению со всеми иными видами применения языка воспитывает и многократно усиливает публичность его использования, прививает навыки применения родного языка в «демонстрационном» режиме, оно формирует представление о том, что родной язык — это язык не для себя и не для второго говорящего, это язык для третьего

слушающего, для того, от которого ожидается поощрение за пользование родным языком» [1]

Для формирования полноценной двуязычной личности без ущерба для родного языка наиболее эффективными представляются дошкольные и общеобразовательные учреждения гимназического типа с обучением на якутском языке. В условиях доминирования русского языка в г.Якутске, такие образовательные учреждения, которые представляют моноэтническую языковую среду, обеспечивают знание и сохранение якутского языка и, судя по высоким показателям успеваемости гарантируют хорошие лингвистические знания и коммуникативные умения по русскому языку. Например, Якутская городская национальная гимназия, где преподавание ведется на

якутском и русском языках, школа «Айыы кыбата», где преподавание ведется только на якутском языке, Саха-Корейская гимназия, где преподают на якутском языке с углубленным изучением корейского языка – эти образовательные учреждения показывают высокую успеваемость и поступления в местные, центральные ВУЗы.

Если вводить обязательное обучение и воспитание якутских детей на родном языке вплоть до времени установления коммуникативных навыков, то можно остановить процесс интенсивной русификации во всех сферах жизнедеятельности. Нехватка высококвалифицированных специалистов по двуязычному образованию, которые компетентны в области педагогики, психологии, социологии придают стихийный характер процессу языкового образования.

Таблица 1. Выбор школы в зависимости от языка обучения родителей

Какую школу Вы предпочли бы для Ваших детей?	На каком языке Вас учили в школе?	
	На русском	На якутском
	%	%
Школа, где обучение ведется на якутском языке	2,9%	50,2%
Школа, где обучение ведется на русском языке	5,9%	10,9%
Школа, где обучение ведется на русском языке и преподается якутский язык	50,60%	24,30%
Школа, где обучение ведется на якутском языке и преподается русский язык	27,6%	52,2%
Школа, где обучение ведется на якутском языке с углубленным изучением иностранных языков	21,20%	41,20%
Школа, где обучение ведется на русском языке с углубленным изучением иностранных языков	35,30%	13,20%

Вся ответственность за выбор языка обучения и языкового образования учащегося возлагается на родителей. Они несмотря на отсутствие целенаправленной работы по информированию населения Республики Саха(Якутия) об общеобразовательных учреждениях с двуязычным обучением выбирают для своего ребенка школу, полагаясь на свой опыт и собственные возможности.

Во время педагогической практики в нескольких школах г. Якутска мы с моими однокурсниками провели опрос среди родителей учащихся, какую школу они выбрали бы для своих детей. По результатам опроса было выявлено то, что выбор языка обучения ребенка зависит от языка обучения родителя. В нашем опросе участвовало 78 родителей. В нижеследующей таблице видно, что родители, обучавшиеся на русском языке, выбирают русскую школу с

изучением якутского языка (50,6%) и русскую школу с углубленным изучением иностранных языков (35,3%), а родители, обучавшиеся на якутском языке, выбирают якутскую школу с изучением русского языка (52,2%) и якутскую школу с углубленным изучением иностранных языков (41,2%).

Существуют большие противоречия в решении проблемы двуязычного образования в нашей республике в связи с расхождением в ответах якутских родителей на вопрос о выборе языка обучения в школе.

Таким образом, своей работой мы хотим добиться того, чтобы были учтены языковые и этнокультурные потребности и права каждого якутского ребенка, поступающего в образовательное учреждение, независимо от языковых ориентаций родителей.

Литература:

1. http://lingsib.iea.ras.ru/ru/round_table/papers/burykin.shtml

Сравнительно-историческая фонетическая транскрипция и многоуровневая фонология

Семенов Алексей Иванович, кандидат филологических наук, доцент
Северо-Восточный государственный университет (г. Магадан)

В статье рассматривается специфика использования фонетической транскрипции при изучении диахронических курсов, в качестве одного из оснований сравнительно-исторической фонетической транскрипции автор рассматривает теорию многоуровневой фонологии.

Ключевые слова: сравнительно-историческая фонетическая транскрипция, диахроническая фонетическая транскрипция, многоуровневая фонология.

Одним из направлений практического использования теории многоуровневой фонологии, предложенной А. А. Соколянским, является развитие видов фонетической транскрипции.

Размышляя о разграничении звуков языка и звуков речи, А. А. Соколянский предлагает различать две разновидности транскрипции: «Разграничение звуков языка и звуков речи должно быть последовательно проведено и в преподавании дисциплин, в которых касаются вопросов фонетики. Прежде всего, это современный русский язык и диалектология. И в научных, и в учебных целях следовало бы различать два вида транскрипции. Та транскрипция, которую на занятиях требуют от студентов, отражает звуки языка. Действительно, студент записывает не то, как он произнес тот или иной текст в конкретном случае, а некоторое идеальное звучание этого текста. Другое дело, когда записывается конкретный произнесенный текст. Он имеет автора и время произнесения. Например, транскрипция конкретного произнесенного диалектного или литературного текста.» [4, с. 62].

С указанным видом работы студенты-филологи имеют дело не только на синхронических курсах (современный русский язык), но и при освоении диахронических дисциплин (старославянский язык, историческая грамматика русского языка, история русского литературного языка). В преподавании историко-лингвистических дисциплин мы используем разновидность фонетической транскрипции, которую называем «сравнительно-историческая фонетическая транскрипция». Эта транскрипция представляет собой такую форму графической записи реконструируемого звучания письменного текста, в которой выделяются два аспекта: сравнительный (сопоставительный) и диахронический (исторический). В первом случае («сравнительная транскрипция») речь идет о сопоставительном транскрибировании текстов, созданных на разных языках, во втором («диахроническая транскрипция») — о транскрибировании текстов (или одного текста), составленных на одном языке, в соответствии с хронологическими периодами, выделяемыми в истории данного языка. Студентам-русистам сравнительная транскрипция необходима, например, для сопоставления фонетических систем старославянского и древнерусского языков, что позволяет закрепить сведения об исходной фонетической системе древнерусского языка, об отличиях в фонетике старославянского и древнерусского языков. Диахроническая транскрипция наглядно демонстрирует те изменения, которые происходили в истории русского языка. Оба приема могут быть использованы одновременно при сопоставлении исторических изменений в фонетике церковнославянского и русского языков.

В качестве методологической основы обсуждаемой разновидности фонетической транскрипции мы рассматриваем не только теорию и практику традиционных сравнительно-исторического и структурного методов, но и теорию многоуровневой фонологии А. А. Соколянского, которая, по нашему мнению, наиболее ясно объясняет, что именно мы транскрибируем. Здесь снова необходимо обратиться к приведенной выше цитате и указать на то, что сравнительно-историческая фонетическая транскрипция является прежде всего «транскрипцией языка». Точнее сказать, только «транскрипцией языка».

А. А. Соколянский пишет о том, что звук языка «осуществляет контроль за стандартностью звука речи» [4, с. 56]. Подобные отношения между звуками языка и звуками речи в практическом отношении (в частности при решении учебных задач) по-разному проявляются в син-

хронической и диахронической транскрипциях. Можно указать на важное преимущество синхронической транскрипции перед сравнительно-исторической: тот, кто выполняет данный вид графической записи, имеет возможность соотносить «идеальное звучание текста» (звуки языка) с его «реальным звучанием» (звуки речи). При синхроническом транскрибировании студент может ориентироваться как на собственное произношение, так и на произношение того, чью речь может воспринимать в качестве образцовой или приближенной к образцовой (обычно носителем подобного произношения выступает преподаватель, работающий со студентом). В исторической транскрипции подобная соотнесенность («идеальное звучание чужого текста» / «собственное произношение транскрибируемого текста»), по-видимому, не является актуальной: вместо «идеального звучания» здесь представлена «идеальная реконструкция звучания», при этом «собственное» произношение (или произношение, предложенное преподавателем) также является реконструкцией звучания транскрибируемого текста, которая является учебной задачей, а не реальным навыком, то есть своеобразная «перепроверка» звучания чужого текста через собственный речевой опыт невозможна.

Итак, специфика исторической транскрипции состоит в том, что она является продуктом научной реконструкции. Это не только воссоздание звучания, но и реконструкция первоначального написания текста. Непосредственно к фонетической транскрипции студент переходит после ознакомления с процедурой установления соотношения между буквами и звуками древнерусского языка (см., например, об этом в [2]). Усвоение основных графико-орфографических правил предполагает формирование представления о причинах вариативности написаний в древнерусской письменности (см. [5, с. 114–115]).

Из разновидностей сравнительно-исторической фонетической транскрипции при изучении истории русского языка наиболее часто мы используем диахроническую транскрипцию. Ниже представим пример учебной работы с данным видом транскрипции по теме «Переход Е в О в истории русского языка» (период: начало XV в.) (см., например, [1, с. 184–187]).

Последовательность действий студента:

1) орфографическая запись текста с раскрытием подтитальных написаний и восстановлением первоначального графического облика фрагмента, указание сильных и слабых позиций редуцированных;

2) фонетическая транскрипция с точки зрения начала XI в. (этап повторения: в транскрипции отражается исходная фонетическая система, основное внимание уделяется различению мягких и полумягких согласных, мягкие согласные — продукт праславянских палатализаций, на данном этапе одновременно с транскрибированием повторяется (частично) и тема «Праславянские фонетические процессы»);

3) фонетическая транскрипция с точки зрения начала XII в. (этап повторения: в транскрипции отражается процесс смягчения полумягких согласных, произошедший в древнерусском языке в середине XI в., при транскрибировании полумягкие заменяются на мягкие согласные, звук [ǫ] — на [a]);

4) фонетическая транскрипция с точки зрения начала XIII в. (этап повторения: в транскрипции представлен процесс падения сверхкратких, а также его следствия для фонетической системы древнерусского языка (хронологиче-

ски это изменение в древнерусской фонетике протекает во 2-й половине XII — начале XIII в.; при транскрибировании знаки слабых редуцированных не используются, вместо сильных сверхкратких приводятся [o], [e], транскрипция отражает различные фонетические процессы в области согласных: ассимиляции, диссимиляции и др.);

5) фонетическая транскрипция с точки зрения начала XV в. (основная тема работы: в транскрипции отражается процесс перехода [e] → [o] (м'о)д), включая и те случаи, когда данное явление имело аналогическую природу (т'ом'ен); кроме того, в транскрипции представлены изменения в фонетике, связанные и с другими процессами: отвердение шипящих [ш'] → [ш], [ж'] → [ж]; развитие [г] → [в] в интервокальном положении (т[г]о → т[в]о); появление твердого [т] в глагольных окончаниях (не[с'ет'] → не[т'от]).

Кратко проиллюстрируем сказанное небольшим примером из Русской правды по Новгородской Кормчей 1282 г. [3, с. 64].

Нач. XI в.: [аж'е к'то уб'ј'ет'ь кн'а'ж'а муж'а].

Нач. XII в.: [аж'е к'то уб'ј'ет'ь кн'а'ж'а муж'а].

Литература:

1. Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. 3-е изд. М.: Просвещение, 1990. — 400 с.
2. Князевская О. А. Орфография и отражение в письме явлений языка (на материале рукописей XI—XIV вв.) // Источниковедение и история русского языка. М.: Наука, 1964. С. 59—68.
3. Обнорский С. П., Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. 1. 3-е изд. М.: Аспект Пресс, 1999. — 439 с.
4. Соколянский А. А. Модель многоуровневой фонологии русского языка. Магадан: Изд-во СВГУ, 2010. — 282 с.
5. Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). 3-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2002. — 558 с.

Региональная лексика Крайнего Северо-Востока России

Соколянская Наталья Николаевна, кандидат филологических наук, доцент
Северо-Восточный государственный университет (г. Магадан)

Термин *региональная лексика* используется исследователями для обозначения группы слов, призванных отразить специфические реалии какой-либо местности. Соответственно *регионализмы* — это слова и выражения, обозначающие реалии (природные и социальные) определенной местности и функционирующие более или менее регулярно в литературных текстах (устных и письменных) с номинативно-терминологической или стилистической функцией [1, с. 27—28]. Состав регионализмов неоднороден и часто не имеет четко обозначенных границ. Одни регионализмы связаны с диалектами, другие (хотя и функционируют в диалекте) приближаются к терминам, так как используются в этнографической литературе, некоторые из них по своему происхождению являются заимствованиями из языков народов Севера. Все они объединены общим свойством — нацеленностью на реалию северных территорий, современную или являющуюся устаревшей с точки зрения современного быта.

Сфера употребления региональной лексики включает в себя: 1) живую речь людей, проживающих на Крайнем Северо-Востоке; 2) художественную и публицистическую литературу о Крайнем Северо-Востоке, путевые заметки, воспоминания, дневниковые записи; 3) историко-этнографические исследования Крайнего Северо-Востока.

Нач. XIII в.: [аж'е к'то уб'ј'ет'ь кн'а'ж'а муж'а].

Нач. XV в.: [ажэ к'то уб'ј'от кн'а'жа мужа].

Обычно на практических и лабораторных занятиях студенты транскрибируют один и тот же текст несколько раз (по числу синхронических периодов). И на примере одного фрагмента студент может проследить изменения в фонетике русского языка на протяжении довольно продолжительного периода его истории. Также возможен вариант работы, когда предлагаются документы или их фрагменты, написанные в разные эпохи. Добавим, что для увеличения интереса к работе и достижения большей наглядности синхронные срезы представляем разными цветами (например, при использовании учебной доски).

Мы привели в качестве примера употребление сравнительно-исторической транскрипции при изучении истории русского языка, что непосредственно связано с нашей профессиональной деятельностью. Надеемся, что употребление данного приема будет востребовано и при изучении истории других языков.

Степень известности регионализмов может быть различной, в зависимости от этого можно выделить следующие группы региональной лексики:

1. *Собственно регионализмы*, то есть слова, обозначающие реалии определенной территории и мало известные (или совсем неизвестные) жителям других местностей. Часто это группа лексики представлена словами, принадлежащими какому-либо сибирскому наречию или говору Крайнего Северо-Востока и зафиксированными диалектными словарями. В словари литературного языка эти слова, как правило, попадают с ограниченными пометами, чаще — «Обл.». Обычно их знают не только жители сельской местности, но и городское население: *хэбденэк* 'региональный национальный эвенский праздник, который проходит в июне в г. Магадане', *кораль* 'загородка для оленей', *кухлянка* 'верхняя одежда из оленьих шкур', *лупанина* 'разновидность строганины' и др.

2. *Относительные регионализмы* — слова, известные в литературном языке, но неупотребляемые или почти неупотребляемые большинством носителей русского литературного языка в силу того, что реалии, обозначенные этими словами, не являются актуальными для них (сюда можно отнести такие слова, как *корюшка*, *навага*, *мальма*, *нерка*, *сопка*, *жимо-лость*, *ши́кша*, *стланик* и т. п.). Обычно именно выделение этой группы регионализмов вызывает дис-

куссии. По остроумному замечанию М. Ю. Федосюка, пунктуальное следование этому определению вынуждает нас признать, что слово *метро* является регионализмом, характерным для крупных городов. В принципе это утверждение можно принять: частотность употребления слова *метро* в речи москвичей значительно выше, чем у магаданцев. А частотность употребления – это важный параметр функционирования слова.

3. *Книжные регионализмы* – это слова, употребляющиеся в художественной или научной литературе для решения специфических задач. Их предназначение в художественном тексте – придать повествованию определенный стилистический колорит, а в научном – участвовать в формировании соответствующих терминосистем (этнографических, ботанических, зоологических и др.). Примеры: *кэркэр* ‘меховая женская одежда’, *остол* ‘палка для управления собачьей упряжкой’ и др.

4. *Вкрапления регионального характера* – это, как правило, слова из языков коренных народов Севера, которые используются в научной литературе (реже в художественной) для обозначения специфических реалий (например, местных названий животных и растений). Обычно эти слова за пределами ограниченной группы текстов не употребляются и неизвестны носителям русского литературного языка. При использовании вкраплений из языков, пользующихся латинской системой письма, такие слова даже предпочитают писать в графической системе языка-источника, однако подобный прием трудно использовать в отношении языков Севера, так как народы, говорящие на этих языках, используют кириллическую систему письма с добавлением некоторых знаков, как правило, диакритического характера. Пример из современной прозы: «Если по забывчивости спросишь у чукчи, кто это сидит на дереве и долбит по стволу, чукча ответит: «Это утгырэвымрэвйт». Впрочем, зимой дятлы улетают. Но остаются глухари (утгырэвымрэв) и куропатки (рывымрэв)» (В. Писигин).

В основе тематической группировки региональной лексики лежит традиционный принцип, опирающийся на внеязыковую реальность: 1) обозначения лиц по тому или иному признаку (чаще всего социальному); обычно в словарях данные номинации характеризуются двумя признаками – региональным и временным: *камák* ‘злой дух’, *тойón* ‘глава рода, обладающий силой, храбростью, богатством’, *эрэм* ‘глава рода, начальник’, *кавраляне* ‘богатые чукчи’; 2) профессиональная лексика охоты, рыболовства и морского промысла: *мáрик* ‘крючок’, *кайрио*, *арамáки* ‘виды посола рыбы’, *епалгíны* ‘моржовая шкура’ *кулемá* ‘ловушка на пушного зверя’ *пыгынг* ‘надутая воздухом нерпичья шкура’; 3) обозначения предметов быта и построек: *балаган*, *барабара*, *жупан*, *полог*, *чум*, *юрта*, *шалаш*, *яранга*, *летник*, *поварня*; 4) обозначения пищи и напитков: *щербá* ‘рыбная похлебка’, *рилькэйль* ‘вид крайне специфической чукотской пищи’; 5) обозначения реалий растительного и животного мира: *важенка*, *эрник* ‘кривой низкорослый кустарник’; 6) обозначение предметов и понятий традиционной национальной культуры: *камлэя* ‘вид национальной одежды’, *хоньбы* ‘женский комбинезон из оленьей шкуры’; 7) описание природного ландшафта:

пурга, *шугá* ‘осенний мелкий лед на реке’, *кошка* ‘песчаный морской берег’, *забой* ‘сугроб’, *камень* ‘отдельный утес’.

Таким образом, регионализмы можно разделить: 1) по сфере употребления (живая речь, художественная, публицистическая и научная литература); 2) по степени известности (собственно регионализмы, относительные регионализмы, книжные регионализмы, регионализмы-вкрапления); 3) по лексико-тематическим группам (общее количество этих групп представляет собой открытый список).

Приведем некоторые примеры функционирования регионализмов, называющих одежду, в письменной речи. Еще в начале XIX века в материалах Ф. П. Врангеля встречаются такие слова, как *парка*, *кухлянка*, *камлея* и др.: «Носовой чукча сверх мохнатой *кухлянки* своей носил он на шее два образа и четыре креста, а на груди его между двумя дощечками в виде футляра висели два письменных свидетельства: одно о принятии им и его тремя сыновьями Св. Крещения, а другое о пожаловании ему Государем Императором *камлеи* из красного сукна, за присылку чернубурой лисы» [2, с. 328].

В работе В.К. Войта «Камчатка и ее обитатели» дается описание быта оседлых и кочевых народов: «Оседлые ходят большей частью в тканых куртках, сюда привозимых; кочующие Алюторцы в *камлейках роудожных*, выделанных их оленьей кожи вроде замши» [3, с. 10].

Нижнеколымский миссионер священник Андрей Аргентов считал своим долгом выезжать в чукотские поселения и оставаться там на некоторое время, изучая язык и быт чукчей, в своих воспоминаниях он писал: «В Нижнеколымске сторож – русский человек. На плечах *камлея*; а холодно – он *парку* надевает, наколенные *сутуры*, *кухлянку*» [4, с. 7].

Современные научные работы, посвященные ительменам, камчадалам, корякам, чукчам, юкагирам и т.д., также не могут обойтись без регионализмов. Так, в коллективной монографии «Народы Северо-Востока Сибири» [5], описывая историю коренных народов Крайнего Северо-Востока, ученые вынуждены обращаться к материалам путешественников XVII–XIX вв., местным записям, воспоминаниям, а значит, цитировать С.П. Крашенинникова, В. Г. Богораза, Я. И. Линденау и др.

Из современной научной работы можно узнать, что в бытовой жизни коряков есть такие вещи, как *маниги* (мешки из морской травы), *кокаёлганы* (корзины из прутьев), *титина* (игла вообще), *омти* (большая игла для шитья прочных материалов), *лилит* (рукавицы из камуса), *ильчичан* (погребальный костюм для тигильских коряков) и т.д.

При описании материальной культуры чукчей употребляют другие наименования: *яранга*, *полог*, *аакуканенг* (глиняный горшок), *кэмэн* (деревянное блюдо), *керкер* (женский меховой камбинезон), *копальхен* (квашеное моржовое мясо) и т.д.

Существуют группы слов, схожие с регионализмами и в то же время имеющие свои специфические черты. Рассмотрим группы лексики, соотносимые с регионализмами по таким признакам, как локальность распространения; связь с конкретной территорией; экзотичность явления, называемого словом; отсут-

стве вербального эквивалента из литературного языка.

Диалектизмы – характерные для каких-либо территориальных диалектов слова, словоформы, синтаксические обороты, фонетические, акцентологические варианты, включенные в литературную речь и воспринимаемые как отступление от литературной нормы.

Например, в говорах Крайнего Северо-Востока имеются слова *а́т* ‘инструмент для скобления кож’, *са́ры* ‘высокая непромокаемая обувь из кожи животных’, *оштол* ‘палка для торможения собачьей нарты’, *са́йба* ‘рубленный амбар, обычно на высоких столбах’ и др. Научная и художественная литература поддерживает употребление таких слов: умирая в говоре, слово еще долго живет в письменном источнике, в лексикографической фиксации.

Среди диалектной лексики выделяют этнографизмы – слова, обозначающие специфические явления старой крестьянской жизни или местной природы, термины каких-либо промыслов, имеющих общерусское распространение. Н. М. Шанский относит к этнографизмам «диалектные слова, которые обозначают предметы и явления быта и труда, специфичные для определенной местности и неизвестные литературному языку» [6, с. 118]. Они используются для описания предметов домашнего обихода, деталей жилой постройки, местной одежды и представляют интерес не только в лингвистическом, но и в историко-этнографическом плане.

В говорах, как правило, эта лексика сохраняется. На территории Крайнего Северо-Востока консервации подвергались, прежде всего, названия орудий рыбного промысла, охоты. Например, Н.Л. Гондатти в «Сведениях о поселении по Анадырю» (1897) пишет: «Всего в поселке рыболовных принадлежностей: *карбасов* на три человека два, *веток** 2, волосяных сеток – 9, *прядевых ставов* – 9 и две *мотни*». Понимая специфику диалектных слов, в сноске на этой же странице он подробно описывает новую для читателя реалию: «*Ветка*, маленькая лодка, до 20 ф. весом, которая употребляется для охоты на оленя, во время его весеннего и осеннего хода через р. Анадырь. Делается ветка из трех очень тонких досок; поднимает одного человека; управляется веслом, на одном конце которого приделано железное или стальное копые» [7, с. 80]. В конце XX века это слово фиксировалось в с. Гижиге, Русском Устье и др. населенных пунктов Колымы.

Экзотическая лексика – «слова и выражения, заимствованные из малоизвестных языков, обычно неиндоевропейских, и употребляемые для придания речи особого колорита. □ В русск. яз. гурия, гяур, шальвары, аул, уздень, чихирь» [8, с. 214].

Употребление слов типа *вигвам*, *хартал*, *чидаоба*, считает Л. П. Крысин, обусловлено не языковыми причинами, а «тематикой, ситуацией речи: рассказывая о какой-либо стране, автор употребляет слова, обозначающие вещи или явления, которые специфичны для этой страны» [9, с. 40]. Л. П. Крысин высказывает мнение, что экзотизмы остаются за пределами словарного состава языка, поскольку вместе со словом не заимствуется предмет, им обозначаемый. «Употребляться в языке такое иностранное слово мо-

жет, но оно будет оставаться «чужим», экзотическим до тех пор, пока чужой и экзотической носителям данного языка будет казаться реалия, обозначаемая этим словом» – пишет он [9, с. 40]. Заимствуя и предмет, и слово, мы отвлекаемся от понятия *экзотизм* и вынуждены оперировать термином *заимствование*.

Как экзотизм можно квалифицировать слово *санаях* в материалах Ф.П. Врангеля о северных территориях: «Короткие в обтяжку штаны и узкий *санаях* (род кафтана, или старинного фрака) совершенно соответствуют беспрестанной подвижности тунгусов, вообще от всех своих соседей отличающихся проворством, легкостью и всегдашней веселостью, так что мы обыкновенно называли их французами тундры» [2, с. 322–323].

В переводной литературе обычно сама экзотическая реалия требует подробного описания в тексте произведения или в словарном материале, представленном в подстрочнике. Например, в переводе чукотской сказки «Предание о Чивтыгине из Утэна» охотник разговаривает с *келе*, своим добрым духом, представшим в образе уточки. Птица не хочет пускать его в открытое море для охоты за моржами, на что он ей отвечает: «А ну, помолчи-ка ты лучше! Сама ведь ты зимой никак нам *копальгена* не заменишь!». Сноска для слова *копальген* дается следующая: «*Копальген* (в чукотском написании «*копалгын*») – моржовое мясо, которое заготавливалось на зиму, хранилось в мясных ямах и в замороженном виде употреблялось в пищу» [10, с. 72].

К некоторым словам-заимствованиям из языков народов Крайнего-Северо-Востока применим термин «иноязычное вкрапление» (синонимичные термины – *окказиональное слово иноязычного происхождения*, *неассимилированная иноязычная лексика*, *экзотизм-вкрапление*, *варваризм-экзотизм* и т.д.). Л. П. Крысин считает, что иноязычные вкрапления – это «иноязычные элементы, не принадлежащие к кругу устойчивых и интернациональных. Их использование в тексте часто связано с художественно-стилистическими задачами, а иногда отражает индивидуальное употребление» [9, с. 48]. Это слова из других языков, не освоенные ни фонетически, ни грамматически, ни лексически. Они не фиксируются словарями русского языка, но могут встречаться в текстах сходной тематики (например, при описании флоры и фауны того или иного региона).

В пределах одной фразы похожие внешне иноязычные вкрапления могут различаться по степени освоенности: «Охотились чукчи и эскимосы в основном на греландского («*йитив*») и серого («*лыгирьэв*») китов. Охота была коллективной. Несколько байдар преследовали кита на парусах. Сначала его гарпунили, а когда он был на «*пыгыгах*» – воздушных перепиных поплавах, кололи длинными специальными копьями насмерть» [11, с. 110]. Если первые два иноязычных слова имеют синонимы в русском языке (греландского «*йитив*» и серого «*лыгирьэв*»), то значение слова *пыгыги* возможно передать только с помощью описания необычного предмета, однако данный экзотизм вполне освоен в конкретном тексте, получив окончание *-ах* для выражений грамматического значения множественного числа.

Употребление таких слов в исследованиях корен-

ных народов Севера позволяет говорить о терминологическом характере лексики, обозначающей реалии материальной и духовной культуры.

Вспомним, что впервые северные *регионализмы* встречены в исторических, географических и этнографических описаниях. Специфика регионализмов, входящих в состав различных терминосистем, состоит в том, что они описывают местные природные богатства и входят в научную номенклатуру. Такими, на наш взгляд, являются названия ягод (*морошка, голубика, жимолость, шикша, брусника*), названия рыб (*мальма, кижуч, кета, корюшка, горбуша, вахня*) и др. Среди них можно найти слова, зафиксированные нормативными словарями русского языка, и те, которые отражены только в специальной литературе по ихтиологии (например, *вахня*). Все они, однако, известны проживающим на территории Крайнего Северо-Востока и оставляют органическую часть их быта.

Существует еще одна группа слов-терминов, которые являются по происхождению диалектизмами или заимствованиями из языков северных народностей. Они функционируют только в литературе, посвященной описанию истории и этнографии этих террито-

рий, и в рамках этой тематики обладают определенной воспроизводимостью.

Например, в научной монографии «Чукчи» В.Г. Богораз пишет: «...казаки ходили неумоимо для прииску новых земель и новых неясачных людей. Истари привычные к пешему и речному ходу, они вышли в Полярное море на своих неуклюжих «*кочах*», без карт, без компаса и ходили в далекие морские плавания, которые неизменно кончались кораблекрушением» [12, с. 37]. Существительное *коч* зафиксировано во многих словарях XIX века как территориально ограниченное: «Большое водоходное судно, с одною мачтою и палубою, употребляемое в Сибири и на Северном океане» [13, с. 213].

Уже в конце XIX века эти старинные суда вышли из употребления и само слово в академическом словаре 1891-1930 получило соответствующую помету «стар.» (*старинное*). Несмотря на это, при описании истории заселения Крайнего Северо-Востока всегда используют этот регионализм, с помощью которого возможно более точное описание средств передвижения первооткрывателей.

Литература:

1. Соколянская Н. Н. Проблемы региональной лингвистики (лексикологический аспект). Магадан, 2007.
2. Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. экспедицию под начальством флота лейтенанта Фердинанда Фон-Врангеля. Ч.II. СПб., 1841.
3. Войт В.К. Камчатка и ее обитатели. СПб., 1855.
4. Аргентов А.И. Нижнеколымский край. СПб., 1879.
5. Народы Северо-Востока Сибири/ отв. ред. Е.П. Батянова, В.А. Тураев; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. М., 2010.
6. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М., 1964.
7. Гондатти Н. Л. Сведения о поселениях по Анадырю //Записки Приамурского Отдела ИРГО. Т.III. Вып.I. Хабаровск, 1897. С.71-110.
8. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
9. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968.
10. Чукотские народные сказки, мифы и предания/ автор Л.В. Беликов. Магадан, 1982.
11. История Чукотки с древнейших времен до наших дней. М., 1989.
12. Богораз В.Г. Чукчи: В 2ч. Ч.1. Л., 1934.
13. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Импер. Академии наук. Т.1-4. СПб., 1847.

Старожильческие говоры Крайнего Северо-Востока России в фонологическом аспекте

Соколянский Александр Анатольевич, доктор филологических наук, профессор;
Магеранова Юлия Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент
Северо-Восточный государственный университет (г. Магадан)

Внутри Московской фонологической школы (МФШ) сложилось два основных подхода в вопросе о выделении фонемных единиц. Одни считают, что единицей фонологии является только фонема. Это сторонники одноуровневой фонологии (А. А. Реформатский, П. С. Кузнецов, В. К. Журавлев, Л. Л. Касаткин, М. Л. Каленчук и др.). Другие пришли к выводу, что фонетической системе более соответствует многоуровневая фонология (С. К. Шаумян, Р. И. Аванесов, М. В. Панов, Е. Ф. Киров, А. А. Соколянский и др.). В докторской диссертации А. А. Соколянского «Модель многоуровневой фонологии русского языка» было предложено различать

восемь звуковых уровней: *слог* (минимальная единица речевого потока), *звук речи первого рода*, *звук речи второго рода* (единицы речи), *звук языка* (единица языка, отвечающая за установление связи между языком и речью), *дифференциатор*, *синтагма-фонема*, *парадигма-фонема* и *морфонема* (единицы языка) [см. 1]. Автором двигало стремление иерархизировать явления *речевого потока*, *речи* и *языка*, устранив тем самым противопоставление фонетики и фонологии. С позиций предложенной теории был описан вокализм литературного языка и некоторые явления в области консонантизма, включая диалектные. В предлагаемой статье используются элементы многоуровневой фо-

нологии при описании старожильческих говоров Крайнего Северо-Востока России (КСВ).

Русские старожильческие говоры на КСВ сложились в XVIII–XIX вв. в результате освоения территории Восточной Сибири. Основа старожильческих говоров севернорусская.

При описании фонетических явлений исследователь должен, как минимум, различать три случая. Значительное количество фонетических процессов в литературном языке и в говорах носит регулярный характер и может быть рассмотрено как фонетический закон. *Фонетический закон* – регулярное фонетическое изменение, представленное в синхронии в виде фонетических позиционных чередований, а в диахронии в виде строгих позиционных фонетических изменений, происшедших в конкретном языке в определенную эпоху его существования. К таким явлениям, к примеру, следует отнести изменение гласных под влиянием соседних мягких согласных (*n'átъj – n'ám'*) или оглушение согласных на конце слова (*дубы – дуп*). В говорах (реже в литературном языке) могут происходить нерегулярные фонетические изменения (примеры см. далее). Особый статус имеют лексикализованные явления. Термин *лексикализация* многозначен. В диалектологии лексикализация – это фонетическое изменение, характерное именно для данного слова или небольшой группы слов и не имеющее системного характера. Например, повсеместно в русских говорах распространено слово *оп'эт'* ‘опять’. Здесь между мягкими произошло изменение *a → e*, однако во многих говорах этот процесс наблюдается только в этом слове, а в других случаях он отсутствует.

Ударный вокализм говоров КСВ является пятифонемным, какие-либо свидетельства о наличии в говоре в настоящем или прошлом особых фонем <ê> или <ô> нет.

В соседстве с мягкими согласными происходит смещение артикуляции гласных в переднюю зону образования. В говорах КСВ это явление иногда приводит к изменению *a > e* в позиции между мягкими согласными: *оп'эт'*, *пл'ем'эн'н'ик*, *п'ят'* ‘пять’, *в'эл'ел'и* ‘вляли’, *хоз'эйка*, *вз'эл'и* и т. п. Анализ этих примеров с фонематической точки зрения в большинстве случаев позволяет говорить о том, что мы имеем дело с лексикализованными явлениями. Из приведенных слов только в словах *п'ят'* ‘пять’, *вз'эл'и* и *в'эл'ил'и* обнаруживается связь *ê* с фонемой <a>, которая проявляется в чередовании *a // ê* (*n'átмой – n'эт'* ‘пять’, *вз'ал – вз'эл'и*, *в'áлой – в'эл'ил'и*). Во всех других примерах синхронное чередование отсутствует. Нельзя изменить слова *оп'эт'*, *пл'ем'эн'н'ик* *хоз'эйка* так, чтобы было представлено чередование *a // ê*. Таким образом, в отношении этих слов следует говорить о гиперфонемной ситуации, возникающей в позиции под ударением. Вместе с тем в данном случае возможны и другие решения. Дело в том, что только слово *опять* может в говорах последовательно произноситься как *оп'эт'*, все другие слова только в редких случаях допускают такую возможность. Иначе говоря, произношение *пл'ем'эн'н'ик* *хоз'эйка* в говорах существует наряду с произношением *пл'ем'ан'н'ик* *хоз'áйка*. Более того, последнее произношение встречается даже чаще. Стало быть, в речи одного диа-

лектоносителя сосуществуют варианты *пл'ем'эн'н'ик* и *пл'ем'ан'н'ик*, что подтверждает реальность чередования *ä // ê* на синхронном уровне. Данное чередование осуществляется не в определенной фонетической позиции, а в речевой позиции: реализации фонемы зависит от положения во фразе, темпа речи и других факторов. Речевые позиции были описаны в монографии А. А. Соколянского [1].

Звук *ы* нередко изменяется в у. Обычно это происходит в соседстве с губными и заднеязычными (эти звуки в дихотомической акустической классификации составляют класс *низких* [см. 2, с. 193–195]): *бул*, *бúли* ‘былины’, *мúло*, *зabuла* и др. В силу общей лабиовелярности звукового строя говоров КСВ это явление распространено довольно широко.

Веляризация и ослабление корреляции твердости–мягкости согласных привели к тому, что звуки *и* и *ы* часто утрачивают противопоставленность, что приводит к их взаимной мене: *р'ýба*, *в'úжехал*, *м'и* и др. В некоторых случаях исследователи затрудняются определить, какой именно звук произносится.

Безударный вокализм. Для говоров КСВ характерно *оканье*, которое фиксируется практически всеми исследователями речи старожиллов. Несмотря на то, что сомнений в отношении существования *оканья* в говорах КСВ нет, его характер вызывал часто споры. Многие исследователи отмечали, что *оканье* в речи старожиллов не столь явно выражено, как это имеет место в говорах Европейской части России. В целом речь старожиллов не воспринимается как *окающая*. Попытка объяснения этого явления была предпринята А. И. Курьяновой, исследовавшей говор старожиллов села Марково. Ею была подробно проанализирована речь одной информантки. Результаты проведенного исследования показали, что фонема <o> в речи старожиллов может быть реализована как *o* (*тонúл'и*), как *o^б* (*до^бскá*), как *o^о* (*д^омá*), как (*вз'úл'и*), реже как *a^б* (*дра^бвá*) и как *a* (*стаját*). Фонема <a> в этой позиции почти всегда реализуется в звуке *a* (*вар'úл*, *самá*). Анализируя полученные данные, можно прийти к выводу, что реализации фонемы <o> лежат в зоне звуков более верхнего подъема со склонностью к сохранению лабиализации *o – o^б – o^о – ь*, а реализации фонемы <a> тяготеют к нижнему подъему и представлены преимущественно звуком *a*. Проведенное исследование показывает сохранение *оканья* в старожильческих говорах и объясняет, почему *оканье* не воспринимается носителями литературного языка как яркое диалектное явление: его «приглушенный» характер обеспечен тем, что очень часто противопоставление фонем <o> и <a> реализуется не в звуках *o* и *a*, а в звуках *ь* и *a*.

Ослабленное *оканье* порождает такое явление, как *уканье* – усиление лабиализации гласных *o* и *ы* в безударном положении. Как правило, этот процесс происходит в соседстве с губными и заднеязычными, приводя к контекстно обусловленной нейтрализации (по Н. С. Трубецкому). Примеры: *кулумá* ‘Колыма’, *турговáл*, *умувáл'н'ик*. Этот процесс порождает нейтрализацию *и × у → у* и приводит к тому, что *оканье* реализуется в противопоставлении *a ÷ у* (*траvá – друvá*). Здесь противопоставление звуков *a ÷ у* способ реализации фонем <a> и <o>.

Исследователи говоров КСВ не уделяли особого

внимания состоянию безударного вокализма после мягких согласных. Принято считать, что для говоров характерно *еканье*, то есть произнесение на месте фонем <е>, <а>, <о> звука *e* или близких к нему. Примеры употребления: *л'еп'оск'и*, *п'ер'еворот*, *т'еп'эр*. Вероятно, это не повсеместно распространенное явление. Часто, особенно в позиции перед мягким согласным, может произноситься *и*: *л'ип'оск'и*, *т'ип'эр* и др. Такое произношение можно интерпретировать как проявления слабого еканья, которое само по себе является этапом перехода к иканью. Слабое еканье предполагает произношение *п'етак* 'пятак', но *п'ит'и* 'пяти', то есть в позиции перед твердым согласным в первом предударном слоге произносится *e*, а между мягкими – *и*.

Консонантизм. Фонема <г> в говорах КСВ реализуется во взрывном звуке *z*, на конце слова закономерным образом он чередуется с *к*: *нога* – *нок*. Наличие оканья и взрывная реализация <г> – свидетельство севернорусского происхождения говоров КСВ.

Самой яркой чертой консонантизма говоров КСВ является *соканье*. Этот термин даже в пределах диалектологии не является однозначным. Мы используем его в том значении, в каком его употреблял А. М. Селищев [3]. По его мнению, *соканье* – это неразличение свистящих и шипящих фонем в говорах и совпадение этих рядов в звуках, близких к *с*, *з* и *ц*. Стало быть, термин *соканье* фактически обозначает два явления, которые в диалектологии обычно рассматриваются раздельно: *цоканье* и *собственно соканье*.

Цоканье – неразличение фонем <ц> и <ч'>, совпадение их в звуке типа *ц*. Различают несколько видов цоканья в зависимости от того, в каком именно звуке происходит совпадение. Наиболее распространенным является *мягкое цоканье*, при котором совпадение аффрикат осуществляется в звуке *ц'*. При *твердом цоканье* неразличение аффрикат реализуется в звуке *ц*. Для говоров КСВ свойственна особая разновидность мягкого цоканья, которое принято называть *палатальным цоканьем*. «Разновидностью мягкого цоканья является палатальное, или, как его иногда называют, шепелявое цоканье. В этом случае на месте *ц* и *ч* произносится звук [ц'], при образовании которого спинка языка приближена не к передней части нёба, как у [ц'], а к средней. Звук [ц'] «средненёбный» [4, с. 64]. Примеры цоканья в говорах КСВ: *ц'áсто*, *собáц'к'и*.

Более тщательное исследование функционирования аффрикат в говоре показало, что иногда встречаются между ними весьма сложные отношения, которые нельзя интерпретировать как цоканье. Наблюдения А. И. Курьяновой над архаичной речью информантки Е. А. Берёзкиной (на момент записи ей было 83 года) показали такую фонетическую картину. Звук *ч'* в речи информантки употребляется крайне редко, что вроде бы характерно для цоканья, но дальнейшие наблюдения приводят к выводу, что речь информантки не подпадает под традиционное определение цоканья. Распределение аффрикат подчиняется определенным закономерностям. В соответствии с этимологической фонемой <ч'> произносится мягкая зубная аффриката *ц'* (*уц'и́лас*, *п'еи́ц*, *враи́ц*) или палатальная

аффриката *ц''*: *зáйц''ика*, *в'иц''орк'и*. Очевидно, реализации *ц'* и *ц''* находятся в отношениях свободного варьирования. Твердая зубная аффриката *ц*, как правило, соотносится с этимологической фонемой <ц>: *полот'енц'ьм*, *холод'еи́ц*.

Таким образом, можно прийти к выводу, что в речи А. Е. Берёзкиной этимологические аффрикаты <ц> и <ч'> не совпадают друг с другом, но их противопоставление строится на других основаниях: они составляют пару по признаку твердости–мягкости, реализуясь преимущественно в звуках *ц* и *ц'* соответственно. Конечно, даже самый тщательный анализ речи только одного информанта не позволяет делать выводов относительно функционирования аффрикат в говорах КСВ в целом, но сама возможность существования более сложных отношений между аффрикатами в старожильческих говорах не должна оставаться без внимания.

Диалектологами уже отмечался такой тип отношений в говорах. Л. Л. Касаткин предполагает, что этот процесс стимулирован инодиалектным влиянием. В говорах КСВ, находящихся в глубокой изоляции, вряд ли могло иметь место инодиалектное влияние. Скорее всего, в данном случае мы имеем дело с процессами внутри самого говора.

В фонологическом плане *соканье* – это последовательная нейтрализация этимологических рядов свистящих и шипящих, осуществляемая в свистящих звуках. А. М. Селищев практически не употреблял в своих работах термин *фонема*. Но столкнувшись с фактом хаотического варьирования звуков *с* – *ш* и *з* – *ж*, он вынужден был написать, что эти звуки в говорах КСВ и ряде языков Сибири представляют одну фонему, так как мена звуков не приводит к смене значения. «Согласные *s* и *ž* еще ранее усвоения русского языка в разных сибирских группах стали вариантами одной и той же фонемы, имевшими одинаковую значимость» [3, с. 596].

Предельный случай нейтрализации можно представить в следующих формулах: $c \times ш \times c' \rightarrow c$ (*сок* – *сол* 'шёл' – *посóлок*); $з \times ж \times з' \rightarrow з$ (*зáбул'* – *зáба* ('жаба') – *зáбат'* ('мерзнуть')); $ц \times ч' \rightarrow ц''$ (*ц''áнат'* – *ц''ас*); $c' \times ш: \rightarrow c':$ (*с':ók'и* 'щёки'). Формулы фонологических процессов были предложены Е. Д. Поливановым [5] и детализированы В. К. Журавлевым [6, с. 45].

Такая последовательная нейтрализация в реальной речи представлена редко, но именно на нее указывает совокупный анализ примеров. Как правило, проявления соканья одинаковы на разных территориях вне зависимости от того, с какими именно языками контактировали русские старожилы. Поэтому следует пытаться найти объяснение соканью не только во внешнем иноязычном влиянии, но и выявить внутренние предпосылки его формирования.

В старожильческих говорах наблюдается отвердение свистящих, чаще всего это происходит в позиции перед гласными непереднего ряда. Этот процесс можно рассматривать как очень близкий к лексикализации (*посóлок*, *м'эсац* и др.), так как он наблюдается обычно в ограниченном кругу лексики.

Если принять за отправной пункт то, что изначально в старожильческих говорах КСВ (как и в литературном языке и большинстве европейских говоров)

употреблялись палатализованные согласные, то в диахронической проекции можно выявить четыре пути развития палатализованных свистящих: 1) сохранение палатализованной артикуляции (*с'ила*, *з'има*, *ч'истый*); 2) изменение палатализованных свистящих в палатальные свистящие (*с''ила* = *с'''ила* = 'сила', *з''има* = *з'''има*, *ц'истый* = *ц'''истый*); 3) изменение палатализованных свистящих в палатальные шипящие (*ш''ила*, *ж''има*, *ч''истый*); 4) отвердение палатализованных (*посóлок*).

Неустойчивость палатальных свистящих привела к изменениям и в системе «настоящих» шипящих. Это выражается в том, что шипящие регулярно изменяются в свистящие, включая и твердые согласные: *сол* (= 'шёл'), *зыл* (= 'жил'), *с''ит* (= 'щит').

Можно предположить, что возникновение соканья в говорах КСВ связано не только и не столько с иноязычным влиянием, как это считали А. М. Селищев, а вслед за ним К. М. Браславец, Г. В. Зотов и другие. Возможно, существует связь между соканьем и особенностями реализации категории твердости-мягкости в говорах Крайнего Северо-Востока. В говорах КСВ на процесс изменения палатальных в шипящие накладывалась тенденция к ослаблению корреляции по твердости-мягкости. Нельзя исключать того, что это стороны одного процесса: палатальные согласные не могли выступить полноценными заместителями мягких согласных.

Важной особенностью консонантизма говоров КСВ является ослабление категории твердости-мягкости согласных, которое проявляется чаще всего в их отвердении. В настоящее время эта диалектная черта ярко выражена в речи старшего поколения. Наиболее последовательно веларизация (= отвердение) согласных представлена в группе губных и у вибранта *p*: *бéлка*, *губь^aт*, *спат*. Реже наблюдается замена твердых мягкими: *в'идра*, *м'иска* 'мышка', *р'ибак'и*.

Для говоров КСВ характерны различные комбинаторные процессы. Остановимся только на одном из них. Редко, но еще встречается в говорах явление вставки взрывного согласного между зубными щелевыми и взрывными зубными: *с-т-руб'ил*, *с-т-разу*, *с-т-р'езат'*, *с-т-рыбой*, *из-д-рыбы*, *з-д-р'а*, *из-д-ругат'*. Это явление проанализировал

М. В. Панов, описывая фонетические фантомы: «В русских говорах на Колыме есть такое позиционное чередование:

Не между [с] и [р]	Между [с] и [р]	Не между [з] и [р]	Между [з] и [р]
–	[т]	–	[д]

Говорят: *на руке* – *с-т-рук*, *с-т-рукой*;
о рыбе – *с-т-рыбе* (род. пад.);
нарезать – *стрезать*;
по рукам – *из-д-рук*;
о рыбе – *из-д-рыбе* (род. пад.);
через-д-реку;
раздрезать и т. д.

Согласные [с] и [р], [з] и [р] не могут быть соседями» [7, с. 407].

Далее М. В. Панов рассуждает о фонематическом статусе вставных звуков и приходит к выводу, что они не являются особыми фонемами, а представляют собой реализацию фонем <с> и <р>, <з> и <р> на стыке друг с другом, то есть являются фонематическими фантомами.

В прошлом старожильческие говоры КСВ включали в себя такие фонетические черты, которые сегодня уже утрачены. До середины XX века в говорах Походка и Нижнеколымска (нижнее течение реки Колымы, Саха (Якутия)) сохранялось *сладкоязычие* – уникальное диалектное явление, состоящее в совпадении фонем <л>, <л'>, <р>, <р'>, <ј> в одном звуке *j*. О себе они говорили *м'и коймской најот* 'мы колымский народ'. Подробное описание этого явления было осуществлено в работе А. А. Соколянского [8].

Исследователи XIX–начала XX вв. отмечали изменение *т' → ч'*. В настоящее время оно представлено в виде оговорок, которые в процессе общения тут же исправляются самим говорящим (*в'еч'ер* 'ветер'). В музее поселка Марково хранятся рисунки конца XIX в., выполненные школьником Анкудиновым. К некоторым из этих рисунков сделаны подписи. Под рисунком *дятла* написано *дячель*, изображение *котла* сопровождается подписью *кочель*. Эти написания можно, наверное, интерпретировать различно, но самая очевидная интерпретация состоит в том, что в говоре села Марково конца XIX в. на месте *т'* произносили звук *ч'*.

Литература:

1. Соколянский А. А. Модель многоуровневой фонологии русского языка. Магадан, 2010.
2. Якобсон Р., Фант Г. М., Халле М. Введение в анализ речи // Новое в лингвистике. Вып. 2. М., 1962.
3. Селищев А. М. Соканье и шоканье в славянских языках // Селищев А. М. Избранные труды. М., 1968. С. 584–604.
4. Русская диалектология / под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2005.
5. Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
6. Журавлев В. К. Диахроническая фонология. М., 1986.
7. Панов М. В. Фонетические «фантомы F» // Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. I. М., 2004. С. 406–412.
8. «Сладкоязычие» в русских говорах // Проблемы фонетики. Вып. IV: Сб. статей / отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М., 2002. С. 269–283.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Соответствие уровней профессиональной рефлексии и компонентов профессиональной деформации личности в ракурсе изучения профессиональных ценностей педагога

Ноженкина Ольга Сергеевна, к. психол. наук, заместитель директора
ГБОУ «Школа № 439 «Инженерный лицей «Интеллект» (Москва, Россия)

Аннотация: В статье представлены результаты диагностики профессиональных ценностей педагога. Показана их иерархия и влияние на уровень профессиональной рефлексивности. Выявлена взаимосвязь компонентов профессиональной деформации личности педагога с уровнями профессиональной рефлексивности.

Ключевые слова: профессиональные ценности педагога, деятельностные ценности, интерактивные ценности, личностные ценности, ценности творчества, уровень профессиональной рефлексии, профессиональная деформация педагога.

Актуальные изменения в образовательной политике невозможны без педагога, как ключевой фигуры всего образовательного пространства. На наш взгляд, современный педагог-профессионал должен обладать высоким уровнем рефлексии, иметь определенные профессиональные ценности, это позволит ему саморазвиваться и избежать профессиональных деформаций.

Ценностно-смысловая сфера педагога играет ключевую роль в ходе его профессионального становления, задавая направление не только личностному развитию, но и достижению конкретных профессиональных целей.

Для всестороннего изучения личности современного педагога нами были организованы и проведены исследования профессиональных ценностей педагога, на основании которых мы смогли выявить компоненты профессиональной деформации и уровни их профессиональной рефлексии и провести их сопоставительный анализ.

В ходе проведенной диагностики профессиональных ценностей педагога была выявлена их групповая иерархия.

Как показал анализ данных, в тройку наиболее значимых ценностей профессиональной деятельности педагогов вошли ценности «возможность быть полезным людям», «возможность самосовершенствования» и «возможность видеть результаты своего труда». Это означает, что педагоги в своей профессиональной деятельности осознают как важный мотив социальной значимости своего труда, приносящего пользу другим. Для них также очень важно совершенствоваться в труде собственную личность, что позволяет полагать, что в педагогической среде существует потребность в психологической работе по развитию личности и в частности в направлении преодоления профессиональной деформации личности.

Показательна высокая практическая направленность педагогов, которые хотят видеть результаты своего труда, что указывает на их заинтересованное отношение к педагогической деятельности, равнодушное отношение к ученикам, к тому, какими они выйдут из школы. Такая высокая заинтересованность педагогов в конечных результатах своей деятельности также указывает на то, что педагоги в целом позитивно воспримут возможность психологической работы над собой в рамках психологического тренинга, направленного на преодоление профессиональной деформации.

В число низкоквалифицированных у педагогов попала ценность

«престижность педагогической профессии», что указывает на проблемную ситуацию: при высокой социальной значимости труда учителя, реальные, а не декларативные условия его профессиональной деятельности в современной России таковы, что педагоги оценивают престижность своего труда как низкую.

Самую низкую значимость для педагогов имеет ценность, связанная с возможностью общаться с родителями учащихся, что отражает, очевидно, сложность и проблемность отношений с родителями, но не снижает их важность в целом в рамках школьного педагогического процесса.

Как видим, у педагогов наблюдается достаточно дифференцированное ценностное отношение к профессиональной деятельности. В то же время можно выделить некоторые сходные ценности и провести группировку. Можно сгруппировать ценности, опираясь на содержательное сходство их формулировок, но кажущиеся похожими ценности, могут различаться в восприятии педагогов. В этом контексте для выделения групп профессиональных ценностей мы использовали метод факторного анализа, которому была подвергнута матрица размерностью 104 испытуемых на 18 ценностей. Был использован метод главных компонент и вращение факторов Варимакс.

В результате расчета были выделены 4 фактора, включающие наиболее связанные корреляционно друг с другом профессиональные ценности:

Фактор 1 является однополюсным и образуется ценностями «сознание общественной важности труда учителя», «возможность быть полезным людям», и «возможность работы с детьми и молодежью», которые отражают ориентацию педагога социально-значимые черты педагогической деятельности. Учитывая сказанное этот фактор можно обозначить как «**деятельностные ценности**».

Фактор 2 является однополюсным и включает такие профессиональные ценности как «возможность учить, воспитывать», «возможность испытывать детскую любовь и привязанность к себе», «возможность общения с родителями учащихся», «желание общаться». Эти ценности отражают коммуникативный (интерактивный) аспект педагогической деятельности и потому фактор может быть обозначен как «**интерактивные ценности**».

Фактор 3 является однополюсным и включает такие ценности как «возможность заниматься любимым предметом», «соответствие работы способностям» и «соответствие

работы характеру», которые отражают значимость для педагога собственной личности. Соответственно данный фактор может быть обозначен как **«личностные ценности»**.

Фактор 4 является двух полюсным. С положительным весом в этот фактор входят ценности «возможность творчества», «возможность самосовершенствования», «возможность видеть результаты своего труда»; с отрицательным весом — «гарантированная зарплата» и «хорошие условия работы». Учитывая, что ценности положительного полюса имеют больший вес этот фактор можно обозначить, как **«ценности творчества»**.

В дальнейшем ценности творчества будут использоваться в двухфакторном дисперсионном анализе влияния на уровень профессиональной деформации рефлексивности как независимые переменные личностные, деятельностные и интерактивные ценности в сочетании с рефлексивностью будут задавать уровни проявления профессиональной рефлексии педагогов.

Ранее в ходе психодиагностики педагогов нами были получены данные о выраженности у них рефлексивности как личностной черты, проявляющейся в склонности к обдумыванию происходящего в жизни, к размышлению над своими действиями и поступками других людей.

Таким образом, мы имеем с одной стороны показатель рефлексивности, отражающий склонность педагогов к обдумыванию происходящего, с другой — выраженность у педагогов соответственно деятельностных, интерактивных и личностных ценностей.

Мы утверждаем, что сочетание рефлексивности и преобладающей выраженности у педагога одной из трех профессиональных ценностей (деятельностной, интерактивной и личностной) задает соответственно уровень профессиональной рефлексии педагога: деятельностный, интерактивный и личностный.

Действительно, если склонный к рефлексии педагог ориентирован в своей профессиональной деятельности на собственно педагогическую деятельность, воспринимает как ценность социальную значимость педагогического труда, то естественно предположить, что и рефлексия его в профессиональном плане будет связана с проблемами организации педагогической деятельности, и у такого педагога проявляется **деятельностный уровень профессиональной рефлексии**.

В случае если в центре внимания педагога коммуникативные и интерактивные аспекты педагогической деятельности, то естественно предположить, что рефлексия его в профессиональном плане будет ориентирована на проблемы межличностного взаимодействия в педагогической практике, и у такого педагога проявляется **интерактивный уровень профессиональной рефлексии**.

Если для учителя важны проблемы осознания себя в педагогической деятельности, формирования своего профессионального «Я», становления профессионального самосознания, то и рефлексия его в профессиональном плане будет ориентирована на проблемы самосознания и формирования образа Я, и у такого педагога проявляется **личностный уровень профессиональной рефлексии**.

Для выделения уровней профессиональной рефлексии педагога мы провели следующие процедуры:

- разделили нашу выборку на три группы с низким, средним и высоким уровнем рефлексивности (относительно среднего по группе показателя, а не по отношению к стечам, как это было сделано выше);
- выделили высокую и низкую выраженность деятель-

ностных, интерактивных и личностных ценностей у испытуемых;

- провели анализ по выборке педагогов сочетания трех уровней выраженности рефлексивности и двух уровней выраженности деятельностных, интерактивных и личностных ценностей;

- выделили три степени выраженности (низкая, средняя и высокая) выраженности деятельностной, интерактивной и личностной профессиональной рефлексии педагогов.

Распределение педагогов по степени выраженности уровней профессиональной рефлексии близко к нормальному, то есть большинство испытуемых имеют средние показатели и меньшие доли — высокие и низкие. Наибольшие отличия от такого типа распределения наблюдаются в отношении деятельностного уровня профессиональной рефлексии, который почти равномерно распределен в группе педагогов.

Если обратиться к показателям профессиональной деформации педагогов, то она в нашем исследовании представлена структурным образованием, включающим такие личностные черты как авторитарность, ригидность и не критичность. По каждому из этих показателей профессиональной деформации испытуемые могут быть разделены на группы с низким, средним и высоким уровнем выраженности соответственно авторитарности, ригидности и не критичности.

Выделив показатели выраженности у педагогов профессиональной рефлексии (низкая, средняя и высокая на деятельностном, интерактивном и личностном уровне), а также уровни выраженности (низкий, средний и высокий) компонентов профессиональной деформации личности педагога (авторитарность, ригидность и не критичность) мы ставили задачу выявить взаимосвязь между степенью выраженности у педагогов уровней профессиональной рефлексии и уровнем выраженности у них компонентов профессиональной деформации.

Наиболее адекватным способом решения этой задачи нам представляется анализ распределения педагогов с разной степенью выраженности уровней профессиональной рефлексии (деятельностный — ДР, интерактивный — ИР и личностный — ЛР) в группах с разным уровнем выраженности компонентов профессиональной деформации (низкий — Н, средний — С и высокий — В) при помощи статистического критерия Хи квадрат (χ^2).

1. Анализ данных показал что 74% педагогов с низким уровнем авторитарности имеют высокий уровень личностной профессиональной рефлексии и 68% педагогов с высоким уровнем авторитарности имеют низкий уровень личностной профессиональной рефлексии. Такой результат показывает, что именно личностный уровень профессиональной рефлексии педагога оказывает влияние на выраженность у него черт авторитарности.

2. Анализ данных «Ригидность» показал, что 65% педагогов с низким уровнем ригидности имеют высокий уровень деятельностной профессиональной рефлексии и 74% педагогов с высоким уровнем ригидности имеют низкий уровень деятельностной профессиональной рефлексии, это говорит о том, что именно деятельностный уровень профессиональной рефлексии педагога оказывает влияние на выраженность у него черт ригидности.

3. Анализ данных «Некритичность» показал, что 68% педагогов с низким уровнем некритичности имеют высокий уровень интерактивной профессиональной рефлексии и

70% педагогов с высоким уровнем не критичности имеют низкий уровень интерактивной профессиональной рефлексии — результат, показывающий, что именно интерактивный уровень профессиональной рефлексии педагога оказывает влияние на выраженность у него черт не критичности.

Таким образом, нами показано соответствие уровней профессиональной рефлексии педагогов и компонентов

профессиональной деформации личности, заключающиеся в следующем: недоразвитие деятельностного уровня рефлексии у педагогов ведет к деформации личности в виде ригидности; недоразвитие интерактивного уровня рефлексии у педагогов ведет к деформации личности в виде не критичности; недоразвитие личностного уровня рефлексии у педагогов ведет к деформации личности в виде авторитарности.

Совесть как важный фактор нравственной саморегуляции личности

Шевченко Любовь Александровна, студент

Новосибирский государственный университет экономики и управления

Аннотация. Статья представляет собой исследование в области социальной психологии. Она посвящена изучению особенностей представлений молодежи о совести и значимости данного феномена в процессе нравственной саморегуляции.

Ключевые слова: совесть, нравственность, мораль, саморегуляция.

Abstract. The article is an investigation in the field of social psychology. It devotes to study teenagers representation features about conscience and the important of this phenomenon in the self-control processes.

Keywords: conscience, moral, morality, self-regulation.

Немногие из нас уверены, что жить по совести - это так же естественно, как и дышать. К большому сожалению, людей без совести становится всё больше. Одни придерживаются теории, что совесть больше не имеет смысла: «Кому она нужна? Ведь она ничего хорошего не принесит, только ограничивает в желаемых и нужных поступках. А о других я думать не обязан, пусть сами о себе думают». Быть бессовестным сегодня для многих: быть «как все», «иначе не прожить», «ничего не поделаешь, таково наше общество». И, как отражение этого явления, в интернете постоянно повторяют один и тот же современный афоризм: «У меня совесть чиста: я ею не пользуюсь». Такие рассуждения не могут вызывать ничего, кроме несогласия. Именно они (эти рассуждения) заставляют нас задуматься вопросом: «Зачем человеку совесть?»

Существуют разнообразные трактовки совести в трудах по философии, этике, психологии. Огромное количество философов, писателей, ученых размышляли над тем, что такое совесть, начиная с античности (Сократ, Платон, Демокрит, Аристотель и др.). Обращались к теме совести представители средневековой философии (Августин Аврелий, Фома Аквинский и др.). Исследовали данный феномен философы XV-XVIII вв. (Б.Спиноза, Дж.Локк, П.Гольбах, К.Гельвеций, Ж.Ламетри и др.). В зарубежной психологической науке совесть изучалась в психологии сознания (В.Джемс), психоаналитических (З.Фрейд, К.Г.Юнг, Э.Фромм и др.), гуманистических (А.Маслоу, В.Франкл и др.) концепциях, в концепции развития нравственного сознания (Л.Колберг и др.) [17, с. 14]. В отечественной психологии совесть рассматривалась в теории моральных отношений личности (В.Н.Мясищев), самосознания личности (И.С.Кон, В.В.Столин и др.). Совесть изучается в связи с проблемами ответственности (К.Муздыбаев), правды и лжи (В.В.Знаков), как высшее нравственное чувство (Р.С.Немов), как нравственный компонент духовности личности (Н.А.Коваль).

Нас интересует представление о совести, как важном факторе нравственной саморегуляции личности. Этот вопрос особенно актуален в наше время. Радикальные изменения, которым в последние десятилетия подверглось наше

общество, привели к процессу разрушения и переоценке традиционной для России системы ценностей, смещению понятий, ориентиров, падению нравственности, росту потребительских настроений. Особенно неустойчивыми оказываются представления молодых людей, которые более чутко реагируют на любые перемены в социуме.

В словаре С.И.Ожегова совесть трактуется как «чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом» [12, с. 605]. А совестливый человек - это человек, «поступающий по совести, стыдящийся несправедливых поступков» [12, с. 605]. В данных определениях отражается взаимосвязь совести с такими категориями, как нравственная ответственность, стыд и справедливость.

В словаре В. Даля совесть определяется как «нравственное сознание, нравственное чутьё или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором одобрение или осуждение каждого поступка; способность распознавать качество поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее ото лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; прирожденная правда в различной степени развития» [5, с. 256]. В этом определении подчеркивается то, что совесть способна найти истину и является инструментом нравственного познания. Совестьливый человек по Далю — «добросовестный, честный, поступающий всегда по совести» [5, с. 257].

В словаре русского языка под редакцией С.Г. Бардухарова, А.П. Евгеньева и др. совесть обозначается как «внутренняя оценка своих поступков, чувство нравственной ответственности за своё поведение» [15, с.243]. Совестьливый человек — «стыдящийся поступать несправедливо, нечестно, неделикатно» [15, с.243]. Понятие «совестно» связывается с чувством стыда, неловкости. «Совестить» кого-либо — заставлять его стыдиться, стесняться, укорять, стыдить. А данные переживания интерпретируются как «совеститься».

В философском энциклопедическом словаре под редакцией С.С. Аверинцева и Э.А. Араб-Оглы совесть рассматривается как «категория этики, характеризующая способность личности осуществлять нравственный само-

контроль, самостоятельно формулировать для себя нравственные обязанности, требовать от себя их выполнения, производить самооценку совершаемых поступков; одно из выражений нравственного самосознания личности» [19, с.594]. Совесть связана со знанием человеком своего морального долга, невыполнение которого в той или иной ситуации вызывает действие совести. Совесть выступает и как осознание нравственного значения поступка, и как «угрызения совести».

Психологический словарь под общей редакцией А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского даёт определение совести, что и философском энциклопедическом словаре [14, с. 366]. Аналогичное определение находим в кратком психологическом словаре составителя Л.А. Карпенко [10, с. 387]. В психологическом словаре под редакцией В.П. Зинченко и Б.Г. Мещерякова определение совести вовсе отсутствует [3].

Словарь по этике под редакцией А.А. Гусейнова и И.С. Кона также связывает совесть с такими понятиями, как моральный самоконтроль, нравственное самосознание [16, с.322].

(Цит. по: Гаурилюс А.И. Совесть как психологическая категория. Психологический журнал. - 2011. - № 1-2(27-28). - С. 16-26.) В психологии [7] совесть рассматривается как одно из выражений самосознания, и в частности, нравственного самосознания. Совесть можно рассматривать и как черту личности, которая выражает ее способность к внутренней оценке тех или иных событий, поступков, действий, чувств и состояний с позиций добра и зла. В этом контексте совесть выступает в качестве нравственных (моральных) чувств человека. Под совестью принято понимать способность личности осуществлять нравственный самоконтроль. Понятие совести имеет две стороны: «эмоциональная, связанная с чувством общности, сопереживанием, и сознательная, связанная с усвоением моральных норм, сознательной оценкой своего поступка» [21, с. 43]. С возрастом сознательный компонент ... заметно растёт» [21, с. 47]. Принято считать, что совесть проявляется в следующих формах: рационального осознания нравственного значения совершаемых действий, нравственной саморегуляции и эмоциональных переживаний. «Совесть определяется способностью личности осуществлять нравственный самоконтроль, формулировать для себя, прежде всего нравственные обязанности, требовать от себя их выполне-

ния и производить самооценку совершаемых поступков» [18, с. 480]. К.А. Абульханова-Славская называет совесть не просто нравственной саморегуляцией, а, что очень значимо, способностью и потребностью в нравственной саморегуляции и считает, что именно она должна быть нравственным центром личности [1, с. 70]. «Совесть противостоит эгоизму, она стоит на страже общечеловеческого в душе... Это и есть та внутренняя борьба, без которой нет развития и становления индивидуальности» [21, с. 48]. Т.А. Флоренская по этому поводу пишет: «Совесть появляется, как способность смотреть на себя глазами другого» [21, с. 46].

З.Фрейд связывает возникновение совести с табу «Совесть представляет собой внутреннее восприятие недопустимости известных имеющихся у нас желаний» [22, с. 261].

Э.Фромм предлагает выделять «авторитарную» и «гуманистическую» совесть. «Авторитарная совесть - это голос интериоризованного внешнего авторитета» [23, с. 139], к которому относится авторитет родителей, церкви, государства, общественного мнения. «Гуманистическая совесть - это не интериоризованный голос авторитета, которому мы жаждем угодить и чьего неудовольствия мы страшимся; это наш собственный голос, данный каждому человеческому существу и не зависимый от внешних санкций и поощрений» [23, с. 153]. Определяя содержание понятия «совесть» В.А. Блюмкин указывает на «голос общества внутри нас» [2, с. 39]. По мнению Т.А. Дроновой совесть является голосом «внутренней сути человека» [6, с. 125].

Упоминание понятия «совесть» в работах психологов обычно наблюдается в контексте описания механизмов нравственного развития. Изучая нравственное развитие, Л. Кольберг [20] выделил три уровня нравственного мышления: преконвенциональный, конвенциональный и постконвенциональный. В каждом из названных уровней развития Л.Колберг выделял несколько стадий. Достижение каждой из них возможно, по мнению автора, только в заданной последовательности. Но жесткой привязки стадий к возрасту Л.Колберг не делает. 1. **Преко́нвенциональный уровень** (с 4 до 7 лет). На этом уровне поступки определяются внешними обстоятельствами, и точка зрения других людей в расчет не принимается. На первой стадии суждение выносится в зависимости от того вознаграждения или наказания, которое может повлечь за собой данный поступок. На второй стадии суждение о поступке выносится в соответствии с той пользой, которую из него можно извлечь.

Стадии развития моральных суждений по Л.Колбергу:

Стадия	Возраст	Основания морального выбора
<i>Преко́нвенциональный уровень</i>		
0	0-2	Делаю то, что мне приятно
1	2-3	Ориентация на возможное наказание. Подчиняюсь правилам, чтобы избежать наказания
2	4-7	Наивный потребительский гедонизм. Делаю то, за что меня хвалят; совершаю добрые поступки по принципу: "ты – мне, я – тебе"
<i>Конвенциональный уровень</i>		
3	7-10	Мораль "пай-мальчика". Поступаю так, чтобы избежать неодобрения, неприязни близких, стремлюсь быть (слыть) "хорошим мальчиком", "хорошей девочкой"
4	10-12	Ориентация на авторитет. Поступаю так, чтобы избежать неодобрения авторитетов и чувства вины; выполняю свой долг, подчиняюсь правилам
<i>Постконвенциональный уровень</i>		
5	После 13	Мораль, основанная на признании прав человека и демократически принятого закона. Поступаю согласно собственным принципам, уважаю принципы других людей, стараюсь избежать самоосуждения
6	После 18	Индивидуальные принципы, выработанные самостоятельно. Поступаю согласно общечеловеческим универсальным принципам нравственности

2. **Конвенциональный уровень** (с 7 до 13 лет). Человек, находящийся на этом уровне нравственного развития, придерживается условной роли, ориентируясь при этом на принципы других людей. На третьей стадии суждение основывается на том, получит ли поступок одобрение других людей или нет. На четвертой стадии суждение выносится в соответствии с установленным порядком, уважением к власти и предписанными ею законами.

3. **Постконвенциональный уровень** (с 13 лет). Истинная

нравственность, по Кольбергу, достигается только на этом уровне развития. Именно на этом уровне человек судит о поведении, исходя из своих собственных критериев, что предполагает и высокий уровень рассудочной деятельности. В третий, самый высокий уровень - автономной нравственности, включает собственную совесть.

Механизм действия совести можно проследить по схеме:

Механизм действия совести

В научных источниках описываются различные функции совести. Так, Манеров В.Х. основными функциями совести называет когнитивную (в том числе и смыслообразующую), эмотивную, регуляторно - поведенческую, мотивационную, коммуникативную, нравственно-развивающую [11, с.63]. Когнитивная функция совести - это убеждения, принципы, взгляды, оценка, собственное мнение; это логика; сравнение с нравственным идеалом; помогает анализировать действия и взаимоотношения; помогает себя понять; помогает задуматься над своими поступками, понять свою вину, увидеть свои ошибки. Смыслообразующая функция совести является жизненно-смысловым ориентиром. Она ведёт по жизненному пути к заданным ориентирам, целям, ценностям, идеалам; помогает сделать правильный выбор; говорит правду. Мотивационная функция совести проявляется в потребности, желании быть хорошим; в побуждении совести к добру; ответственности при принятии решения. Она побуждает действовать, побуждает к самоанализу, принуждает к ответственности при решении основных задач. Эмотивная функция - это положительные или отрицательные эмоциональные переживания, которые укоряют, грызут, мучают или, наоборот, создают мир в душе. Совесть чаще связывается с функцией исполнения наказания, чем с функцией дарителя награды. Об этой особенности совести современников писал и философ И. Ильин, связывая преобладание функции наказания с меньшей развитостью совести. Регуляторно-поведенческая функция связывается с контролем, ограничением, запретом в отношении недобрых поступков (регулирует поступки, удерживает от некоторых (дурных) поступков). Эта функция может быть связана с эмотивной природой совести, так как совесть регулирует поведение человека, наказывая нравственными угрызениями или поощряя чувством покоя, гармонии. Функция нравственного развития (очищения) помогает человеку раскаяться, делает его лучше; заставляет делать хорошее; даёт силы для развития; это залог духовного роста каждого человека. Коммуникативная функция совести - это управляющий голос внутри человека, крик из глубины души, мучительный диалог с самим собой.

Существует богословская классификация, где основ-

ными функциями совести являются законодательная, судебная и исполнительная. В этих трех функциях совести проявляются ее авторитет, достоинство и свобода. Авторитет совести связывается с ее законодательной функцией и состоит в том, что санкционированные ею требования справедливого и честного отношения к жизни имеют абсолютный и безусловный характер. Достоинство совести проявляется в ее судебной функции и заключается в том, что голос совести, обвиняющий за злые дела, всегда правдив, категоричен и неподкупен. Свобода совести предполагает ее исполнительную функцию и проявляется в том, что ничто не может поколебать совесть, сознающую свою правоту, так же, как ничто не может связать совесть, заставить ее молчать и не карать за злые дела и беззакония.

Совесть всегда указывает на требования нравственного закона, обличает или одобряет совершенные поступки, вознаграждает или карает. Выполнение совестью ее функций не есть простой автоматический акт. Это всегда сложный динамический процесс, в котором сама совесть зависит от общих нравственных установок личности, от степени приближения личности к нравственному идеалу [13].

Наблюдается и цинично-прагматичное отношение к совести: Совесть - устаревшее понятие. Совесть - чуждое понятие современному человеку. Совесть человеку не нужна. Совесть в современном мире потеряла свой смысл. Совесть - это препятствие на пути к желаемому. От совести нужно избавляться, чтобы ничто не мешало достигать своей цели. О совести надо забыть, чтобы жить спокойно.

Существуют разнообразные трактовки совести в философии, этике, психологии.

В психологии на данный момент нет сложившейся и общепринятой концепции такого сложного феномена как совесть.

Современные подходы к пониманию сущности совести в обобщенном виде рассматривают данный феномен как: нравственное чувство, интуитивно определяющее границы добра и зла; чувство нравственной ответственности за свои поступки; нравственный самоконтроль и самооценка своих действий; феномен, актуализирующий состояния вины, стыда и раскаяния; компонент нравственного самосозна-

ния, обладающий ценностной природой.

В сложных реальных условиях современной жизни молодые люди сохраняют высокий уровень состояния духовно-нравственной сферы. Подавляющее большинство признают наличие у себя такой психологической данности, как совесть. В представлении о совести молодежь имеет как общее, так и специфичное, связанное с полом. В понятии совесть отражаются существующие житейские, научно-

Литература:

1. Абульханова - Славская К.А. Стратегия жизни / К.А. Абульханова - Славская. - М.: Мысль, 1991. - 299 с.
2. Блюмкин В.А. Мир моральных ценностей / В.А. Блюмкин. - М.: Знание, 1981. - С. 64.
3. Большой психологический словарь / под ред. В.П.Зинченко и Б.Г.Мещерякова. - М.: Прайм - Евроник, 2003 - 672 с.
4. Гаурилюс А.И. Совесть как психологическая категория / А.И. Гаурилюс // Психологический журнал. - 2011. - № 1-2(27-28). - С. 16-26.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т.4: С - У / В.И.Даль. - М.: Олма - Пресс, 2003. - 576 с.
6. Дронова Т.А. Совесть как психологический феномен сознания / Т.А. Дронова // Мир психологии. - 2007. - № 2. - С. 121-127.
7. Дьяченко М. И. Психологический словарь справочник / М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович. - Мн.: Харвест, 2007. - 576 с.
8. Комаров В. В. Совесть как фактор нравственной саморегуляции личности: автореф. дис. канд. психол. наук. - Тамбов, 2003. - С. 163.
9. К пониманию феномена совести в психологии / Известия Самарского научного центра Российской академии наук, Т. 12 № 3 (3) (35). - Самара, 2010. - С. 693-701
10. Краткий психологический словарь / под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского; ред.- сост. Л.А. Карпенко. - 2-е изд., расшир., испр. и доп. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. - 512 с.
11. Манеров В. Х. Представления о совести в сознании современной молодежи / В.Х.Манеров // Сб. материалов Международной научно-практической конференции. 17-18 ноября 2011 г. Псков: Псковский государственный университет, 2011. - С. 59-76.
12. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. - М.: Мир и образование, 2013. - 1376 с.
13. Платон (Игуменов) архим. Православное нравственное богословие. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994.
14. Психологический словарь / под общ. ред. А.В.Петровского, М.Г. Ярошевского. - 2-е изд., испр. и доп. - Политиздат, 1990. - 494с
15. Словарь русского языка (1981-1984); в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. С. Г. Бархударова, А. П. Евгеньевой. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: Русский язык. 1990.
16. Словарь по этике / под редакцией А.А.Гусейнова и И.С.Кона. - М.: Политиздат, 1989. - 447 с.
17. Совесть как предмет психологического исследования: сборник научных трудов / РАН. - М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. - С. 13-21
18. Таранов П.С. Секреты поведения людей / П.С. Таранов. - Симферополь: Таврия, 1995. - 544 с.
19. Философский энциклопедический словарь / под ред. С.С. Аверинцева, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичева; [и др.] - 2-е издание. - М.: Советская энциклопедия, 1989. - 815 с.
20. Флэйк-Хобсон К., Развитие ребенка и его отношений с окружающими / К. Флэйк-Хобсон, Б. Робинсон. - М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1993. — 551 с.
21. Флоренская, Т.А. Я - против «Я» / Т.А. Флоренская. - М.: Знание, 1985. - 80 с.
22. Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет. / З. Фрейд. - Тбилиси: «Мерани», 1991. - 398 с.
23. Фромм Э., Человек для себя. Исследование психологических проблем этики. / Э Фромм. - Мн.: «Коллегиум», 1992. - 253 с.

Сравнительный анализ социально-психологических детерминант карьерных ориентаций государственных служащих в кросс-культурных исследованиях

Дмитриева Людмила Геннадьевна, доктор психологических наук
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (г. Уфа)
Гумеров Денис Вадимович, аспирант
Российский государственный социально-гуманитарный университет (г. Москва)

Кросс - культурная психология занимается изучением таких влияний в условиях различных культурных групп с идентифицируемым опытом, ведущим к значимым различиям и сходствам, которые возможно предсказать. Такого рода исследования в сфере государственной службы, могли бы «пролить свет» на многообразие представлений об изучаемом нами объекте и сделать границы нашего соб-

психологические, этические, религиозные представления о совести, преломленные в собственном нравственном опыте.

Совесть выполняет ряд важных функций: обеспечение нравственной свободы выбора, моральной ответственности, нравственного самоконтроля, нравственной самооценки которая и является фактором нравственной саморегуляции личности.

ственного исследования более «прозрачными».

В первую очередь нас интересуют стереотипные и научные представления о личности государственного служащего в различных странах, а также объективные данные, касающиеся нашей проблемы, которые были получены разными исследователями. Эти данные могут дать более широкое представление о карьерных ориентациях

госслужащих и их социально-психологических детерминантах. Такой теоретический обзор позволит нам провести сравнение различных данных, включая те, что были получены нами в ходе эмпирического исследования и сделать соответствующие выводы, которые дадут более развернутое представление о социально-психологических детерминантах государственных служащих.

Макс Вебер — известный немецкий социолог пришел к умозаключению о том, что человек как бы становится «винтиком» в механизме бюрократии и что этот «винтик» как нельзя лучше подходит к бюрократической структуре. Такое представление до сих пор находит свое отражение во многих странах мира и Россия не является в данном случае исключением. Эта же проблема по сей день наблюдается в США, Великобритании и многих других государствах. В свое время Уинстон Черчилль заметил: «Бюрократия является наихудшей формой организации для всех остальных, за исключением самой бюрократической системы». «Мы не любим бюрократию, однако нуждаемся в ней, по крайней мере, до тех пор пока мы не разработаем альтернативные организационные схемы, которые позволят сохранить те особенности бюрократии, что заставляют нас ее любить, а это предсказуемость, стабильность, рациональность, опора на опыт, равноправный режим, но в то же время отбрасывающие отрицательные ее стороны — жесткость, неспособность иметь дело с особыми потребностями, а также установка барьеров между чиновничеством и гражданами» [1].

Роберт Мертон — профессор Колумбийского университета считал, что именно бюрократическая структура способна оказывать сильное влияние на поведение и установки госслужащего. По его словам «бюрократическая структура оказывает постоянное давление на госслужащих, заставляет его быть методичным, рассудительным, дисциплинированным. Эффективная бюрократия требует бесперебойной работы и строгой преданности правилам» [5]. Такое соблюдение правил поддерживается такими стимулами как: стабильность, карьерный рост, увеличение заработной платы, перспектива хорошей пенсии и т.д. Однако следование этим правилам порождает такие качества как: робость, консерватизм и техницизм. Кроме того, с точки зрения Мертона, «... акцент на деперсонализацию отношений и доминирующую роль общих, абстрактных правил порождает конфликт между госслужащим и общественностью. Равнодушное отношение к значимым для клиента делам приводит к обвинению в высокомерии» [5].

Чрезмерное следование организационному поведению способствует развитию ригидности, медлительности, привязанности к контролю и правилам. Виктор Томпсон объединил все эти особенности в понятие «бюропатическое поведение», то есть, поведение, характеризующееся «пограничным» состоянием поведенческих характеристик госслужащего, находящихся между патологией нормой. С точки зрения Р. Мертона государственные служащие вырабатывают сильное чувство внутригрупповой идентичности, которая ведет к психологическому отчуждению и сводит внутригрупповую агрессию к минимуму. Групповые ценности становятся единственно значимыми, что приводит к отсутствию желания оказывать помощь клиентам организации или даже высшим должностным лицам. В свою очередь личность госслужащего существует в условиях норм обезличенности, а представления о правильности формируются под давлением строгих правил. Такое положение вещей способно сделать человека более циничным и

безразличным к проблемам окружающих.

Р.Мертон представляет госслужащего как конформиста и консерватора, а предпринимателя он как бы ставит ему в противоположность и представляет его как индивидуалиста и инноватора [5].

Несмотря на подобные, казалось бы, укоренившиеся в сознании людей представления о личности бюрократа, многие исследователи не хотели бы с этим соглашаться и доказывали сомнительность таких представлений.

В 1971 году, американский социолог Мелвин Кон эмпирически доказал, что государственные служащие обладают высоким уровнем интеллектуальной гибкости. Кроме того, они оказались более открытыми по отношению ко всему новому и проявляли большую самостоятельность в своих ценностных установках, чем люди, работающие в небюрократических организациях.

Кристофер Эллисон пришел к выводу, что у госслужащих не обнаруживаются приписываемые образцы «бюропатического» поведения, а образ ригидного бюрократа является неверным. На достаточно высокую интеллектуальную гибкость госслужащих также указывает Чарльз Гудсел. Более того, исследователь полностью отрицает наличие у них бюрократического менталитета. С его точки зрения чиновник является достаточно открытым и не слишком ориентированным на правила. По его мнению, «чиновники — это обычные люди» [4].

В исследовании, которое проводилось в странах ЕС, Кристоф Демке получил довольно большое количество результатов. К примеру, данные, полученные во Франции, показывают, что профессиональная жизнь госслужащего неотделима от частной. Госслужащий — такой же человек, у него также как и у «простых смертных», есть свои заботы и проблемы. Кристоф Демке, по результатам своего исследования, пришел к выводу, что в странах ЕС сегодня все меньше людей верят в то, что госслужба может иметь для государства большее значение, чем частный сектор [2]. Многие государственные служащие в этих странах «занимают позиции, аналогичные позициям на частных предприятиях с одной лишь разницей, что государственное управление является немного другой отраслью бизнеса» [6]. Другой исследователь Рон Ниссен, как бы поддерживая Кристофа Демке, в 1982 году в своем докладе, адресованном голландскому правительству, подчеркнул тот факт, что некоторые частные лица считают, что они также выполняют свои обязанности на благо государства [6].

Таким образом, Демке сделал заключение о том, что государственные интересы не являются более весомыми, чем частные. «Если государственный служащий абсолютно такой же человек, как и банковский служащий или фермер, то правовое отношение к нему не может быть каким-то особенным. Такой подход создает ситуацию, при которой госслужащий, как особая роль в общественной системе, становится ненужным, так как любой менеджер, техник, работник офиса, преподаватель, специалист или секретарь может выполнять его функции» [2].

Кристоф Демке утверждает, что исследование, проведенное в странах ЕС, «действительно показывает, что государственные служащие имеют иные мотивационные модели, чем работники частного сектора» [2]. Результаты, полученные во Франции, Голландии, Испании, убедительно свидетельствуют о том, что мотивация госслужащих не зависит сектора, в котором работает человек, а скорее наоборот, сотрудники с определенной мотивацией выбирают ту или иную сферу работы. Именно особенности

личности, толкают человека к выбору государственной службы в качестве места их работы. К примеру, людей привлекает возможность работать на благо общества и т.п. В большинстве стран ЕС пришли к выводу, что люди, претендующие на места в государственной службе, имеют иные мотивационные профили, чем у тех, кто устраивается в частный сектор. Кандидаты в госслужбу более идеалистичны и больше привержены стабильности в работе.

Таким образом, в работах современных европейских исследователей мы все чаще сталкиваемся важностью принципа морально-нравственного выбора. Именно человек, обладающий определёнными личностными качествами, особой системой ценностей и мотивационным профилем, делает выбор в пользу госслужбы, а не сама госслужба обуславливает развитие тех или иных характеристик личности.

С точки зрения результатов исследований, полученных за последние годы в странах ЕС, клише — бюрократического, негибкого и жестокого служащего устарело и не является верным. Сама же госслужба перестает быть четко выделенной отраслью, рамки особого предназначения размываются, что ведет к глобализации представления о работе на благо общества. Кроме того, лень, которую приписывают госслужащим в большинстве стран мира, так же не имеет места в западных исследованиях.

Литература:

1. Bozeman, B. *Bureaucracy and Red Tape* / B. Bozeman. — New Jersey, 2000. — p. 19.
2. Demmke, C. *Civil Services between Tradition and Reform* / C. Demmke. — Maastricht, 2004. - P. 94.
3. Gladden, E.N. *A History of Public Administration. Vol. II* / E.N. Gladden. — London: Frank Cass & Co Ltd, 1972. — p. 251.
4. Goodsell, C.T. *The Case for Bureaucracy, A Public Administration Polemic, 4th Edition* / C.T. Goodsell. — CQ Press, 2003. — P. 114- 123.
5. Merton, R.K. *Bureaucratic Structure and Personality*, in: Shafritz, Jay M. / Hyde Albert C., *Classics of Public Administration* / J.M. Shafritz, A.C. Hyde. — Chicago, Illinois: The Dorsey Press, 2.Edition, 1987. — P. 111-112.
6. Niessen, R. *Legal Position of civil servants; the process of standardisation*, in: Ministerie van Binnenlandse Zaken en Koningsrijksrelaties (ed.), *the Dutch Civil Service*, - Netherlands: Kluwer, 2004. — P. 27.

Таким образом, классический стереотип бездушного бюрократа, а также научные представления таких исследователей, как Макс Вебер, Роберт Мертон и другие, отчасти присутствуют в американском обществе. Это убеждает нас в том, что ситуация в отношениях между государственным и частным сектором может достаточно значимо отличаться в разных государствах и зависит от различных факторов, в том числе экономических.

Кроме того стоит предположить, что человек, претендующий на «теплое кресло» по своим личностным и ценностным характеристикам будет отличаться от того, кто идет на риск ради пользы обществу. Официально оба этих человека, в конечном счете, будут отнесены к госслужащим. И этот факт убеждает нас в неправильности постановки вопросов. Для начала следует ответить на вопрос — кого мы называем государственным служащим? Скорее всего, «классического чиновника» мы найдем лишь в «классическом месте обитания чиновника», месте, которое создает «идеальные условия», которое естественным образом «притягивает идеальных кандидатов». В остальных случаях, мы лишь оперируем ярлыком, который вводит в заблуждение не только простых граждан, но и исследователей. Следуя этой логике, получается, что мы в своем исследовании не только обнаружили «классического госслужащего», но и обнаружили его в «классической среде».

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Творческие поиски композиторов Дагестана на рубеже XX – XXI веков

Абдуллаева Эльмира Башировна, кандидат искусствоведения, заведующая отделом истории искусств

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН

Дагестанское музыкальное искусство, базируясь на профессиональной основе, заложенной в 20–30 гг. XX века, к середине 50-х – началу 60-х годов интегрировалось и развивалось в общем динамичном потоке советской, и в столь же ярком контексте дагестанской художественной культуры. Сложившаяся творческая организация композиторов-профессионалов – «Союз композиторов» во главе с Г.А. Гасановым, заложила традиции дагестанской композиторской школы и задала творческую интенцию будущим десятилетиям. В динамичном потоке развития советской музыки продолжало формироваться профессиональное композиторское творчество и исполнительство Дагестана. В эти годы появился ряд художественно совершенных произведений, были освоены основные классические музыкальные жанры: симфоническая, вокально-симфоническая, камерно-инструментальная музыка, камерно-вокальный цикл, сочинения для хора, музыкально-сценические жанры. В исторически непродолжительный период музыкальное искусство Дагестана обогатилось сочинениями таких крупных и малых форм, как инструментальный концерт, программная симфоническая поэма и симфоническая сюита, кантата и оратория, квартет, симфония, песни для детей и сочинения педагогического характера. Первые шаги были сделаны в области киномузыки – музыку к фильмам «Советский Дагестан» (Мосфильм), «Аул Кубачи» (Ленфильм) написал Г.А. Гасанов.

В этот период в Дагестане были созданы новые творческие организации, новые музыкальные коллективы, выросло исполнительское искусство и сложилась небольшая, но яркая группа композиторов-профессионалов, которую составили Н.С. Дагиров, С.А. Агабабов, М.М. Кажлаев во главе с Г.А. Гасановым, и по его инициативе «в конце 1954 года было принято решение о создании в Дагестане отделения союза композиторов СССР», [1, с. 128]. И уже в 1960 г. дагестанская музыка достойно зарекомендовала себя в дни Декады дагестанского искусства и литературы в Москве.

Общие изменения в жизни страны, возникновение Союза композиторов Дагестана, возросшая общественная активность музыкантов республики способствовали развитию музыкального искусства, включая области исполнительства, музыкального образования и просвещения, фольклористики и музыкознания.

Поиски национально-самобытного музыкального языка, дагестанского стиля в музыке, продолжались и в середине 50-х гг., поскольку здесь были возможны различные творческие эксперименты и практические воплощения. Созданные композиторами художественные образцы оказались оригинальными по методам преобразования народного музыкального материала.

Развитие симфонического творчества оказывало непосредственное воздействие на музыку для оркестра народ-

ных инструментов. Именно в эти годы, наряду с традиционными сюитами и миниатюрами песенно-танцевального типа – «Сюита на народные темы» Х. Ханукаева (1958), «Два танца Дагестана» С. Керимова (1958), появляются партитуры более масштабные – «Праздничная увертюра» С. Керимова (1958), – сочинения, в которых проявляется тенденция к подчеркнуто-колористической трактовке тембровой палитры народного оркестра. Эти, пока еще немногочисленные сочинения, свидетельствовали о новом уровне композиторского мышления в данной сфере творчества и создали предпосылку для значительных успехов в этой области в последующие десятилетия («Увертюра» Н. Дагирова и «Приветственная увертюра» М. Кажлаева, «Караван» и «Тихие мелодии гор» Ш. Чалаева и др.)

В условиях Дагестана конца 50-х гг. единственной реально осуществимой формой музыкального спектакля оставалась музыкальная комедия. В 1958 году к этому жанру вновь обратился Г. Гасанов, создав музыкальную комедию для кумыкского театра «Под деревом» («Терек тюпде», либретто Г. Рустомова). Отсутствие же театра оперы в Дагестане служило серьезным тормозом для развития музыкально-сценических жанров, но в эти годы композиторы плодотворно создавали музыку для драматических театров. Среди лучших работ, имеющих самостоятельное художественное значение, – музыка Г. Гасанова к драме Р. Фатуева «Хочбар» (1958), в которой композитор нашел новый подход к сюжету, использованному в одноименной опере, музыка С. Агабабова к спектаклю «Сулак – свидетель» (1958) по роману М. Хуршилова, С. Керимова – «Счастливые», «Нур-Эддин – золотые руки» и «Ашуг Саид» (1959) и к спектаклю Республиканского кукольного театра – «Волшебные тыквы» (1959).

Развитие вокальной лирики наиболее полно отразилось в формировании жанра камерного вокального цикла. Будучи мастером яркого песенного стиля, С. Агабабов в 1956 году написал цикл «Из поэзии прошлого» для меццо-сопрано и баса в сопровождении фортепиано (на сл. из дагестанской народной поэзии в переводе Э. Капиева).

Жанр квартета в дагестанской музыке сформировался в послевоенные десятилетия в творчестве Наби Дагирова, первенство же в освоении этого жанра по праву принадлежит Дженнет Далгат, воплотившей этот опыт еще в конце 20-х годов [4]. Если Первый квартет Н.С. Дагирова еще носил сюитные черты, то Второй (1956) оказался уже большим достижением композитора и заметным явлением в жанре камерной музыки.

Разработка национального виртуозно-концертного стиля продолжила С. Агабабова для скрипки и фортепиано, а также в фортепианной музыке М. Кажлаева «Драматические прелюдии» (1961), Н. Дагирова Дагестанская фантазия «Харс» (1964).

Еще одной новой сферой творчества композиторов Да-

гестана, оказалась музыка для детей, преимущественно — фортепианная и вокальная. В 1960 году вышла в свет большая совместная работа Г. Гасанова, С. Агабабова, Н. Дагирова и М. Кажлаева «Школа игры для фортепиано», целиком основанная на национальном материале и несущая важную воспитательно-педагогическую направленность. Уже в первых песенных произведениях С. Агабабова («Лесной бал», «Махачкала», «Вечерний час в ауле», «Просто так ничего не бывает») обнаружился богатый мелодический дар, задушевность лирической интонации. Зрелости его песенное творчество достигло в середине 50-х гг., рубежными в этом смысле стали песни «Моя Москва», «Песенка шофера» и «По горным дорогам» (1954), в которой композитор, вдохновляясь прекрасными стихами Р. Гамзатова, создал образец массовой песни общедагестанского стиля: легко запоминающиеся мелодии, сочетающие национальную характерность интонаций и ритмов с чертами советской массовой песни (в частности, И. Дунаевского).

В истории музыкального искусства Дагестана период 1960–1970 гг. очерчен, с одной стороны, Декадой дагестанского искусства и литературы в Москве (1960), показавшей результаты всего предшествующего развития и, с другой стороны, такими вехами, обозначившими ее качественно новый уровень, как сценическое воплощение национального балета «Горянка» М. Кажлаева (1968), Дни культуры Дагестана в Ленинграде (1969), и создание оперы «Горцы» Ш. Чалаева (1971) [5].

Качественный сдвиг в развитии дагестанской симфонической музыки с середины 60-х годов ознаменован формированием жанра национальной симфонии [6]. Первой попыткой овладения этой сложнейшей инструментальной формой была неоконченная симфония С. Агабабова (1957–1959). В 1964 году Ш. Чалаев закончил Первую симфонию, явившуюся его дипломной работой на окончании Московской консерватории. Симфония (ее I и III части) была исполнена в Махачкале 7 октября 1965 года в программах Выездного секретариата Союза композиторов РСФСР симфоническим оркестром Северо-Осетинской государственной филармонии под управлением Г. Карапетяна [7].

Еще один вектор развития симфонической музыки связан с Первым концертом для виолончели Ш. Чалаева и другими концертами композитора. Эволюция жанра концерта в дагестанской профессиональной музыке прошла путь от становления в творчестве Г. Гасанова до различных трактовок жанра в музыкальном наследии его современников и последователей. В этом ряду Концерт для скрипки с оркестром (1980) Н. Дагирова, «Поэма-импровизация» для скрипки с оркестром (1979), «Триптих» для флейты и фортепиано, фортепианных «Акварелей» и концерте-поэме «Контрасты» для фортепиано с оркестром (1984) и Рапсодии для тара с оркестром народных инструментов (1987) М. Гусейнова.

Выдающимся событием в истории всей культуры республики и заметным явлением в музыкально-театральной жизни страны стала премьера балета «Горянка» М. Кажлаева, состоявшаяся 20 марта 1968 году в Ленинграде, на сцене государственного академического театра им. С.М. Кирова [8]. Вслед за премьерой балета «Горянка» в Ленинграде состоялись премьеры еще двух работ дагестанских композиторов. В 1971 году Ленинградский мюзик-холл поставил мюзикл М. Кажлаева «Миллион новобрачных». В этом же году ленинградские зрители позна-

комились с оперой Ш. Чалаева «Горцы», премьера которой была осуществлена коллективом Малого оперного театра. В 1974 году появилась музыкальная комедия Чалаева «Странствия Бахадура» по мотивам повестей дагестанского писателя А. Абу-Бакара, поставленная в 1981 году в театре «Ванемуйне» (г. Тарту, Эстония), а в 1975 — сразу два его балета: «Хан Гирей» (по поэме Пушкина «Бахчисарайский фонтан») и «Камалил Башир» (по одноименной аварской легенде), наконец, в 1977 г. композитор завершил работу над партитурой оперы «Маугли» (по Киплингу) для Центрального детского музыкального театра (премьера состоялась в Москве, постановка оперы в Махачкале на сцене Русского драматического театра им. М. Горького состоялась в 1984 г. и в 2013 г. силами Центрального детского музыкального театра под руководством Н. Сац).

Процесс освоения новых для национальной культуры жанров, характерный для дагестанской музыки 50–60-х гг., просматривается и в сфере камерного инструментализма. Так, в области фортепианной музыки появляются такие жанры, как фантазия (Г. Гасанов, Н. Дагиров), экспромт, концертный этюд, токката, цикл прелюдий (Гасанов), а также инструментальная соната (первая (!) — Ш. Чалаев) и пр.

Некоторые общие тенденции дагестанского композиторского творчества 70-х гг. специфически преломились в камерной вокальной музыке. Ряд вокальных циклов Ш. Чалаева, С. Керимова, К. Шамасова, М. Гусейнова, образуют в совокупности довольно разнообразную по содержанию, стилистике и богатую яркими художественными достижениями панораму национального романса. Выход за пределы локальной дагестанской тематики проявляется в целом ряде произведений разных жанров: от детской песни до масштабных симфонических партитур, оперы и балета. Таковы опера «Маугли», балет «Хан Гирей» и постсоветские оперные постановки Ш. Чалаева, симфонические фрески М. Кажлаева «Фархад и Ширин» и др.

Уже к началу 80-х годов музыкальное искусство Дагестана было представлено одной из лучших, ярких национальных композиторских школ в России с собственной профессиональной классической музыкой, коллекцию которой составили все музыкальные жанры: опера, балет, симфония, музыка к театральным спектаклям и кинофильмам, эстрадная музыка и пр. Социальный рейтинг профессионального композитора, как яркого представителя национальной художественной культуры, был достаточно высок, сравнительно с последующими десятилетиями.

Жанр камерной вокальной миниатюры, получивший развитие в романсах, вокальных циклах «Из поэзии прошлого» С. Агабабова, «Надписи», «Я ношу в груди огонь», «На диком севере» Ш. Чалаева, ставших классикой дагестанской профессиональной музыки, Поэзия XX века и творчество современников послужили источниками ее произведений — вокальных циклов на стихи А. Блока, Б. Кулунчаковой, К. Темирбулатовой, «Три поэмы» для голоса и инструментального ансамбля на стихи С. Кирсанова, Р. Гамзатова, романсы на стихи Р. Гамзатова, хоры на стихи Р. Рождественского и дагестанских поэтов, явился определяющим и в творчестве А. Джафаровой.

Современное музыкальное искусство Дагестана, процесс формирования и развития которого занимает значительный исторический период от первых художественных инициатив досоветского времени до известных результатов

в области профессиональной симфонической, эстрадной и самодеятельной музыки советской эпохи, вследствие фундаментальных социально-политических изменений, произошедших в нашей стране за последнее десятилетие XX — начало XXI столетий, вступило в новый исторический период своей эволюции.

Поворотные события в области музыкальной формы связаны с осуществлением в последнее десятилетие нескольких постановок в области крупных музыкально-драматических жанров — оперы и балета, и, конечно, создание в 1999 году Дагестанского Государственного театра оперы и балета. Первая постановка балета «Парту Патима» композитора, народного артиста РСФСР Н. Дагирова, предпринятая на сцене Русского драматического театра им. М. Горького (1994) силами Академического хореографического ансамбля «Лезгинка», явилась значимым явлением в художественной культуре республики постсоветского времени. Последовавшие постановки опер «Хочбар» (1996) Г. Гасанова, «Йырчи Казак» (2003)

Н. Дагирова, «Алеко» (2005) С. Рахманинова, балета «Горянка» (2003), хореографической музыкальной драмы «Имам Шамиль» (2006), музыкальной комедии «Валида», балета «Любовь моя, печаль моя» (2011) М. Кажлаева, балета «Шарвили» (2013) М. Гусейнова, оперы «Хаджи-Мурат» Ш. Чалаева, состоявшуюся 9 сентября 2003 года в музее-усадьбе Л.Н. Толстого, а также симфоническую поэму «Посвящение» Р. Фаталиева.

Основными целями Союза композиторов Дагестана (дагестанского отделения Союза композиторов России) и сегодня является развитие и обогащение музыкальных традиций республики, обеспечение условий для создания высокопрофессиональных произведений, пропаганда высокохудожественных образцов музыкального искусства, участие в республиканских, российских и международных фестивалях, конкурсах, в том числе в с привлечением юных музыкантов-исполнителей (музыкально-педагогическая деятельность Р. Фаталиева, З. Джанаева, А. Джафаровой, К. Магомедова и др.).

Литература:

1. Якубов М. А. Отец дагестанской музыки. Очерк жизни и творчества Г.А. Гасанова.
2. ЦГА РД. Ф. 34. Оп. 9. Д.2. Л.11., см. также: Якубов М. А. Отец дагестанской музыки. Махачкала, 1980. С.115.
3. Якубов М. А. Отец дагестанской музыки. С. 129–130.
4. В фондах фонотеки ВГТРК «Дагестан» сохранился лишь финал квартета Дженнет Далгат — «Лезгинка (Рондо)».
5. Ванслов В. Легенда гор: о балете М. Кажлаева «Горянка» // Сов. музыка. 1968. № 6. С. 40–46.
6. Кормасова М.А. Дагестанская симфония: Проблемы становления. Махачкала, 1990.
7. Произведения дагестанских композиторов в программах концертов выездного секретариата СК РСФСР на Северном Кавказе (Махачкала. 3–7 октября 1965). Союз композиторов Дагестана. Махачкала, 1965.
8. Дирижер Д. Далгат, балетмейстер О. Виноградов, художник М. Соколова, в роли Асият — Г. Комлева.
9. Абуева З.С. Молодые композиторы Дагестана // Художественное творчество Дагестана и молодежь. Махачкала, 1991. С. 5–11; Шабаева А.К. Деятели музыкальной культуры Дагестана: Краткий справочник. Махачкала, 2006.

Общие образовательные подходы и принципы обучения методам стилизации в изобразительном искусстве

Дагдьян Калуст Тигранович, доцент, кпн
Академия Архитектуры и искусств ЮФУ (г. Ростов-на-Дону)

Ключевые слова: декоративность, стилизация, художественные стили, индивидуальный подход, принципы и методы стилизации.

Стилизация в изобразительном искусстве широко распространена и успешно используется с древнейших времён. Несомненно, обучение методам творческой стилизации в архитектурно-художественном образовательном пространстве, как современном, так и будущем, должно занимать достойное место и проводится на высоком педагогическом и художественном уровне. В этой связи стоит напомнить, что уже на заре своего развития стилизация, как метод изобразительного творчества, достигла высокого уровня развития в древнеегипетских, древнеассирийских и древнегреческих орнаментах, в которых наряду с геометрическими формами часто использовались стилизованные с высокой художественностью и вкусом объекты живой и неживой природы. В современной жизни стилизация широко используется в объектах архитектурного и художественного творчества. Стилизованные интерьеры и экстерьеры зданий и сооружений, монументальные скульптуры и скульптуры малых форм, декоративные произведения живописи, графики, декоративно-прикладного искусства стали неотъемлемой частью художественной практики и быта народов многих стран.

Значительно шире, чем в реалистическом, стилизация используется в декоративно-прикладном искусстве. Уже в Древней Руси мастера самых разных профилей: гончары, оружейники, гранильщики бриллиантов и цветных камней, изготовители праздничной одежды и нарядной конской сбруи, широко использовали декоративную стилизацию. Особое место в развитии и совершенствовании методов декоративной стилизации занимали древнерусские художественные и книжные мастерские многочисленных монастырей, где писались иконы, переписывались церковные книги, копировались книжные гравюры и орнаменты, работали маляры — живописцы, с особым мастерством, создававшие всевозможные узоры для художественной росписи стен. В наши дни стилизация в декоративно-прикладном искусстве по-прежнему является ведущим методом художественного творчества. Стилизованные живописные, скульптурные, архитектурные композиции привычно присутствуют в самых различных областях жизни, удовлетворяя эстетические потребности людей. Так, например, стилизация ярко проявляет себя в настенных росписях, в мозаике, в лепных, резных и кованных изделиях,

в обустройстве интерьеров и экстерьеров общественных и жилых зданий, во многих предметах быта, в расцветке тканей и даже - в моделях одежды.

В современном изобразительном искусстве под стилизацией принято понимать придание произведению характерных черт конкретной исторической эпохи или же стиля конкретной художественной школы. Поэтому на практике стилизация заключается в творческом подражании художественным стилям той или иной эпохи, или же известным художественным течениям, стилям и манерам знаменитых мастеров, стилям и приёмам творчества того или иного народа. Теория изобразительного искусства находит и выделяет конкретную стилизацию произведения в тех случаях, когда характерные признаки изобразительных средств указывают на их связь с каким-либо определённым общим началом — с эпохой, с традиционными художественными формами (например, с национальными), с художественной школой, с личностью художника. Реально и зримо стилизация в произведениях изобразительного искусства проявляется совокупностью особенностей общего вида изображения или скульптуры, их частей и деталей, особенностями композиции, колорита и всех остальных особенностей создания и выполнения произведения, в которых проявляются эпоха и личность художника. При обучении методам стилизации нужно сразу же разъяснить студентам, что творческая стилизация, должна обладать не только одним или несколькими из её вышеперечисленных признаков, но и не должна иметь характер прямого копирования. Художественная стилизация должна обязательно носить индивидуальный характер, что в свою очередь, подразумевает авторское видение и художественную переработку явлений и объектов стилизуемой действительности и, как результат, отображение их с элементами новизны. Подражая тому или иному стилю, создатель стилизованного произведения должен стремиться внести в него, насколько это возможно, свою индивидуальность, например, избранным сюжетом, новым видением колорита или общим композиционным решением. Именно степень этой художественной новизны и будет, как правило, во многом определять ценность стилизованного произведения.

С точки зрения теории изобразительного искусства творческая стилизация является одним из плодотворных художественных методов, который основан на другом - отличном от реалистического, способе интерпретации при осмыслении и отражении окружающей жизни и объектов окружающего мира. Это положение должно стать общим основанием для всех образовательных подходов при обучении методам стилизации в изобразительном искусстве. Этот художественный факт прекрасно иллюстрируют широко известные стилизованные произведения Винсента Ван Гога, Поля Сезанна, Пабло Пикассо, Анри Матисса, Василия Кандинского, Казимира Малевича, Марка Шагала, Михаила Ларионова, Натальи Гончаровой, Мартироса Сарьяна, Ильи Машкова, Александра Куприна, скульпторов - Александра Архипенко, Жака Липшица, Константина Бранкуси, Генри Мура и многих других отечественных и зарубежных мастеров.

Более удачным названием этого важного для изобразительного искусства художественного метода могло бы стать не «стилизация», а «интерпретация», которое более точно передаёт сущность и особенность этого творческого процесса. Художник смотрит на объект из окружающей жизни, интерпретирует его и эмоционально передаёт так, как он его чувствует, ощущает. При такой художественной

интерпретации важна не столько внешность, сколько внутренняя сущность стилизуемого объекта. Другими словами, художник как бы заново создаёт этот натуральный объект, но уже в виде художественного символа. Для психофизиологического усвоения этой интерпретации наиболее продуктивно учить студентов следовать творческому принципу триады: «Познать, оценить и улучшить». Этот теоретический принцип не имеет конкретного автора, но он был хорошо известен уже с давних времён. Когда-то по этому поводу Микель Анжело высказался коротко, образно и ясно: «Человек живописует своими мозгами, а не своими руками». Кстати вот что говорилось о художественной интерпретации в одном из российских учебных пособий для художников XVIII века: «...все искусства получают своё совершенство от умопонимаемой красоты преимущественной над тою, какую можно обрести в природе каждой вещи». В этом наставлении художнику предлагается творчески переосмысливать реально существующие объекты природы, в том числе и самые прекрасные. Поэтому, при обучении методам стилизации любого явления или объекта окружающего мира, в частности, природы и природных форм, нужно объяснять эти методы не в качестве оригинальных художественных приёмов и средств выражения, а считать особым выразительным средством изобразительного искусства. Цель творческой стилизации в изобразительном искусстве — это создание нового художественного образа, имеющего повышенную выразительность и декоративность и стоящего над природой, над реальными объектами окружающего мира. Теоретической основой при обучении творческой стилизации нужно считать положение, согласно которому создание подлинно нового — это создание того, чего напрямую нет в природе, нет в окружающем мире, хотя главным и единственным источником для этого нового должна служить всё та же природа, всё тот же окружающий мир. Отсюда возникает общее понятие стилизованной изобразительной композиции: стилизованная композиция — это композиция с высокой степенью выразительности и явными признаками декоративности, имеющая модифицированные, стилизованные или же абстрактные элементы, которые придавая ей декоративный вид, усиливают её чувственное восприятие. Таким образом, главной целью изобразительной стилизованной композиции является достижение ею максимальной выразительности и эмоциональности с частичным или же полным (в беспредметных композициях) отказом от достоверности, которая становится излишней или даже мешающей.

При обучении методам стилизации нужно особо выделить и указать на основные общие черты, возникающие в процессе стилизации у объектов и элементов изобразительной композиции, - это простота форм, их обобщённость и символичность, эксцентричность, геометричность, красочность, чувственность (эмоциональность). Следует подчеркнуть, что стилизации в изобразительном искусстве, в первую очередь, свойственна обобщённость и символичность изображаемых объектов и форм. Художественный метод обобщения подразумевает сознательный отказ от полной достоверности изображения и его подробной детализировки. Этот метод требует отделить от изображения всё лишнее, второстепенное, мешающее чёткому визуальному восприятию, с тем, чтобы обнажить сущность изображаемого объекта, отобразить в нём самое главное, привлечь внимание зрителя к скрытой до этого красоте и вызвать у него соответствующие яркие эмоции.

Высшей формой отказа от несущественных реалисти-

ческих деталей изображаемых объектов стилизуемой композиции с одновременной заменой их абстрактными элементами является абстрактная стилизация, имеющая реалистический, в той или иной степени узнаваемый образец в окружающем мире.

В основе всех методов и видов стилизации объектов и явлений окружающего мира лежит единый изобразительный принцип - художественная трансформация реальных природных объектов с помощью самых различных изобразительных средств и изобразительных приёмов. Чаще всего такая трансформация производится с помощью изменения и упрощения формы реальных природных объектов, укрупнения или уменьшения характерных частей этих объектов, изменения количества характерных деталей объектов в большую или меньшую сторону, изменения природного цвета объектов. Довольно часто стилизованное изображение предполагает объединение нескольких разных частей, каждая из которых скопирована с какого-либо объекта природы или объекта окружающей жизни и творчески видоизменена. Например, цветок конкретного растения изображается не с целью точной передачи оригинала, а создаётся в обобщённом виде, с использованием отдельных деталей, присущих цветкам и других растений с одновременным «отбрасыванием» второстепенных деталей, присущих цветку этого конкретного растения.

Художественная трансформация природных объектов имеет главную цель - превращение реальных природных форм в стилизованные, наделённые выразительностью и эмоциональностью такой силы, яркости и запоминаемости, которые недостижимы в реалистических изображениях. Поэтому стилизация изображения довольно тесно связана с его экспрессивностью (выразительностью). Если изображение или композиция экспрессивны, то независимо от того, созданы они в стилизованной или же реалистической форме, в их фундаменте заложена обобщённость и символичность всего изображения или какой-то его части с целью лучшего выражения глубинной сущности композиции. А это означает, что используя

стилизацию в изображениях объектов, нужно обязательно уметь с их помощью создавать и показывать экспрессивность.

Чтобы яснее и более эмоционально отобразить сущность стилизуемого объекта, от него отделяется и убирается всё ненужное, лишнее и второстепенное. Например, для изображения объектов живой и неживой природы (деревьев, растений, цветов и плодов, представителей животного мира, речных и морских берегов, гор, холмов, долин и т. д.) используются самые характерные и наиболее яркие их особенности. При этом, как правило, характерные особенности изображаемого объекта в самой различной степени преувеличиваются, а иногда — деформируются с целью акцентированного выделения его наиболее важных, главных качеств. Для таких художественных преувеличений природные формы (например, формы листьев), близкие к геометрическим, окончательно превращают в геометрические, любые вытянутые формы вытягивают ещё больше, а округлённые — округляют или же сжимают. При этом происходит сознательное искажение и деформация размеров и пропорций изображаемых натуральных объектов, целями которой являются: увеличение декоративности, усиление выразительности (экспрессии), облегчение и ускорение восприятия зрителем авторского замысла. В этом творческом процессе самопроизвольно возникает ситуация, при которой чем ближе изображение приближается к сущности природы объекта, тем оно становится всё более обобщённым и условным. Иногда из нескольких характерных признаков стилизуемого объекта выбирается какой-то один и делается доминирующим, а другие характерные особенности объекта смягчаются, обобщаются или даже полностью отбрасываются. В результате изображение объекта с обобщёнными признаками приобретает признаки символичности. В художественной практике процесс обобщения изображения объекта и придания ему в большей или меньшей степени символичности обычно выполняется в несколько этапов, каждый из которых может представлять собой отдельный творческий акт.

Литература:

1. Власов В.В. Стили в искусстве (в 3-х т.т.). СПб., 1996. - Т.1, с. 672.
2. Васильев С.И. Теория отражения и художественное творчество. М., Прогресс, 1974. — с. 320.
3. Волков И.П. Цель одна — дорог много. Проектирование процессов обучения. М., Просвещение, 1990. — с. 159.
4. Декоративное искусство. М., изд. Академии художеств СССР, 1972.
5. Джидарьян И. М. Эстетическая потребность. М., Наука, 1976. — с. 192.
6. Раушенбах Б.В. Геометрия картины и зрительное восприятие. СПб., АЗБУКА, 2002. — с. 320.
7. Сорокина Н.А. Инновационные методы обучения: проблемы внедрения. Высшее образование в России, №2, 2001.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Культура и политика в полиэтничном социуме

Русанов Виктор Алексеевич

Энгельсский технологический институт СГТУ им. Гагарина Ю.А.

Статья посвящена изучению особенностей социального управления в полиморфном этнокультурном пространстве многонационального российского социума в условиях идеологического противостояния в общественном сознании между патриотизмом и либерализмом в дискурсе современного мировоззрения.

Ключевые слова: культурная традиция, полиэтничность, социальное управление, социальная саморегуляция.

National culture and the supranational policy

The article is devoted to studying of features of social management in ethnocultural polymorphically space multinational Russian society in the face of ideological confrontation in the public mind between patriotism and liberalism in the discourse of contemporary ideologies.

Keywords: cultural tradition, polyethnic, social control, social self-regulation.

Основным содержанием внутривнутриполитической активности в современной России на протяжении последнего десятилетия остаётся противостояние патриотической и либеральной идеологии. Либерализм как идеология формировался в условиях относительно мононациональных государств, в сходном по системе социальных ценностей окружении. В современных условиях ни одна, даже самая развитая национально-самобытная культура не способна обеспечить социально-политическое равновесие в обществе, баланс интересов всех его элементов. В то же время, недавно столь популярная концепция мультикультурализма продемонстрировала свою несостоятельность, прежде всего из-за отсутствия интегрирующих начал в повседневной, приватно — экзистенциальной сфере. Любое многонациональное государство, во имя своей стабильности и благополучия всех своих граждан должно обеспечивать кооперацию этнокультурных особенностей всей совокупности социально-экономических, политических, духовных и иных социальных связей.

Государственно-правовое регулирование межэтнических отношений осуществляется посредством правотворческой и правоприменительной деятельности, проводимой государством национальной политики.

Всплеск межэтнической напряжённости во второй половине 80-х годов, парад суверенитетов и сопровождающая его дискриминация по национальному признаку продемонстрировали полную несостоятельность идей социалистического интернационализма. Более того, сам термин "нация" и в сфере массовых коммуникаций, и в научном обиходе включает в себя черты незыблемости и обособленности, подобно естественнонаучным категориям вида, рода и т.д. в биологии. Вместе с тем многовековые процессы ассимиляции в сфере культуры, бытового уклада, в ценностных установках и стереотипах поведения сделали реальные межэтнические различия соизмеримыми с различиями межличностными.

До тех пор, пока советская сверхдержава была удобно стянута идеологией, которую можно считать хоть имперской, хоть глобалистской, процессы ассимиляции и

этнокультурного обособления находились в динамическом равновесии, что, в общем, устраивало подавляющее большинство граждан страны.

Сейчас укрепление, совершенствование федеративного устройства страны происходит преимущественно посредством административно-ресурсного уравнивания в статусе национальных и территориальных субъектов федерации. Второй, опосредованный путь совершенствования федерализма, также становится всё более популярным и общественно-полезным. Это — деятельность национально-культурных центров, автономий, объединений. По уже сложившейся практике национально-культурные объединения выступают ходатаями по вопросам развития культуры, образования в диаспоре перед органами власти, организуют помощь нуждающимся, покровительствуют экономической деятельности представителей диаспоры. При решении приватно-бытовых проблем, за советами в правовой сфере, (по результатам социологического мониторинга Поволжской Академии Государственной Службы, (отчёт аналитического Центра за 2012 год) около 60% членов национальных общин в Приволжском федеральном округе обращаются прежде всего к руководителям национально-культурных автономий, объединений. Таким образом, эти общественные организации выступают не только как хранители и пропагандисты национальной культуры в диаспоре, но и выполняют посреднические и протекционистские функции между государством, муниципальным образованием и своей этносоциальной группой.

Как свидетельствуют экспертные опросы и управленческая практика, деятельность национально-культурных объединений и автономий способствует скорейшей адаптации новых членов диаспор, предотвращению деструктивных конфликтов и воспитанию толерантности в обществе.

В российских регионах многие граждане «титულიной национальности», а, нередко, и чиновники, включая представителей силовых структур, весьма настороженно относятся к разного рода национальным организациям. Дело здесь вовсе не в "традиционном" этноцентризме. Феномен этнической деструктивности исторический, возникший на

определенном этапе всемирно-исторического процесса и обусловленный именно перипетиями истории, которые вызвали вхождение этноса в политику.

Очевидно, что в ситуации конфликта идентичностей люди фактически становятся маргиналами, оказываясь в неопределенном состоянии между принадлежностями к своему этносу и к строящейся нации. Индивиды, вынужденные выбирать между двумя идентичностями, стремятся во что бы то ни стало выйти из ситуации отчуждения с обеих сторон и обрести достойный социальный статус, что нередко может приводить к беспокойству, девиантному поведению, радикализму в решениях, а также к агрессивности и жестокости (душевное бремя маргинальности весьма тяжело!). Активизируется своеобразный механизм этнического самосохранения, резко нарастает уровень этнического сознания; в этих условиях политика нациестроительства однозначно воспринимается как ассимиляция и этноцид. Разворачивающиеся в ходе нациестроительства процессы деэтнизации и аккультурации неизбежно сталкиваются с мощным противодействием. Так в ходе внутривличностной коллизии накапливается потенциал этнической деструктивности.

Этничность уходит своими корнями в подсознательные пласты психики, отвечающие за разделение человечества на "Мы" и "Они", а потому импульс нетерпимости, к сожалению, объективно намного сильнее импульса добрососедства и взаимного уважения.

Вместе с тем концентрация всех экономических, политических, приватно-экзистенциальных потребностей только в фокусе национально-культурных объединений не только обедняет весь социум, но и может привести к некому подобию социально-культурного коллапса, превращению диаспоры в гетто.

Снижению напряжённости в межнациональных отношениях, быстрой и полной адаптации индивидов в полиэтнической среде служит развитие,

правильно организованное самоуправление. Разумеется, что основой оптимизации местного самоуправления должны стать учёт национально-культурных интересов в системе социально-территориальной общности и содействие развитию экономической, в том числе коммунальной, транспортной, рекреационной инфраструктуры.

Все вышеизложенные аспекты социальных усовершенствований в той или иной мере уже претворяются в жизнь в различных субъектах Российской Федерации. Практика идёт сейчас в направлении совершенствования социальных технологий, методологии и нормативной базы в этих сферах.

Решению национального вопроса отводится одно из главных мест в программах партий и политических движений. В понятие "решения" вкладывается при этом весьма разнородное содержание — и обеспечение неантагонистического сосуществования, и укрепление национальной культуры и традиций, и развитие образования на своём языке, и т.д., и т.п. Общими для всей российской политической системы являются положения, например, о правовом равенстве народов и этнических групп, развитии федеративных отношений, покровительстве развитию национальных культур. Вместе с тем нужно отметить определённые особенности российских партий. Вполне разделяя мнение политической партии "Яблоко" о нежелательности политики этнических проблем, правомерно констатировать слабую "этнизацию", если можно так выразиться, проблем политических. Политические силы в национальных субъектах федерации заняты преимущественно делами своей республики. Будь то "Единая Россия" или КПРФ, все они, по результатам экспертных опросов и мониторинга СМИ, основную деятельность осуществляют в сфере внутренней политической жизни своей республики. За редкими исключениями это касается и политической ситуации в административно-территориальных субъектах федерации. В результате федеральная политика вершится лишь в Москве, политический курс определяется там, а региональные отделения партий и движений используют московское покровительство и национальное руководство для достижения собственных, местнических целей.

Такая ситуация не способствует укреплению федерализма и консолидации общества. Решение этой проблемы, то есть распространение федеральных, общенациональных интересов, возможно в том случае, если лидеры политических движений, партий, особенно их региональных отделений, вне зависимости от исповедуемых политических воззрений, будут уделять должное внимание социальной базе своих организаций, работе с гражданами.